

Михаил Армалинский
Чтоб знали! Избранное (сборник)
Серия «Русская потаенная литература»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8379316
Чтоб знали! Избранное. 1966-1998: Ладомир; М.; 2002
ISBN 5-86218-379-5

Аннотация

В авторский том Михаила Армалинского вошли стихи и проза, написанные как еще в СССР, так и после эмиграции в 1976 году. Большинство произведений скандально известного писателя публикуется в России впервые. Основная тема в творчестве Армалинского – всестороннее художественное изучение сексуальных отношений людей во всех аспектах: от грубых случайных соитий до утонченных любовных историй, а также проблемы сексуальной адаптации советского эмигранта в свободном мире. Совокупно тексты Михаила Армалинского являют собой образец редчайшего для русской литературы жанра. Армалинский прославился в мире и как издатель знаменитых «Тайных записок А. С. Пушкина», уже вышедших в серии «Русская потаенная литература».

Содержание

Соитие Ленинграда с Миннеаполисом, или преодоление несовпадений	5
Рассказы	10
Из книги «Мускулистая смерть»	10
Сделка	10
Герой[10]	16
Мускулистая смерть	23
Пустая почта	31
Попытка разлуки	42
Из книги «Двойственные отношения»	64
Страстная дружба	64
У гинекологического кресла	68
Мечта матросика	72
Женщина, говорящая: «Давай ебаться!»	75
Операция «Аборт»	85
Трудовой день любовника	89
Независимость от Ё	93
Свет в окошке	96
Музейные редкости, или несовершенство классификаций ...и от бабушки ушёл	100 104
Живые воспоминания о золотом веке	106
Захоронение	111
Двойственные отношения	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Михаил Израилевич Армалинский Чтоб знали! Избранное. 1966-1998

© О.Г. Воздвиженская. Предисловие, 2002.

© М.И.Р. Сохрану. Фото, тексты, 1998.

Соитие Ленинграда с Миннеаполисом, или преодоление несовпадений (О сочинениях Михаила Армалинского)

...Думаю, что надрыв, который Вы почувствовали, характерен не только для русской литературы. Этим я не хочу сказать, что я не русский писатель. Я – интернациональный писатель.

М. Армалинский¹

Лучше позже, чем никогда.

Лет пятнадцать назад в отечественном литературоведении возник термин «возвращенная литература». Именно тогда к русскому читателю с запозданием пришли сочинения многих и многих еще живых и уже – увы! – умерших русских писателей, в разное время покинувших СССР. И оказалось, что русская литература есть нечто слегка иное и уж, по крайней мере, существенно большее, чем мы, тогдашние читатели, привыкли о ней думать. И процесс постижения «возвращенной литературы» продолжается, хотя насильственное разделение на патриотов и эмигрантов, слава Богу, уже в прошлом. За рубежами «просторов Родины советской» писатели оказывались (добровольно или не вполне) по внешне разным, но по сути схожим причинам – в поисках свободы, в чем бы она ни выражалась.

И вот еще одно имя, до сей поры мало знакомое современному россиянину, – Михаил Армалинский, тоже искатель свободы, причем в той сфере, где запреты и слежка особенно привычны и особенно губительны, – в интимной жизни человека.

Сама эта тема для русского читателя также малоизвестна. Не то чтобы «про это» никогда раньше по-русски не писали. Писали, конечно, но чаще тайком, и эти тексты обычно если и печатались, то или мелким шрифтом в примечаниях к посмертным собраниям сочинений, или уж по советской традиции самиздатом. Последний, кустарный способ размножения невольно порождал искажения (что, кстати, весьма затрудняет атрибуцию таких произведений). Потому и книжная серия, очередной том которой отдан произведениям Михаила Армалинского, называется «Русская потаенная литература». Но впервые в этой серии помещаются тексты, вышедшие из-под пера (а также в более поздние годы сошедшие с компьютера) живого и активно работающего автора. Тем не менее его творчество – более четверти века литературных занятий – до настоящего времени оставалось потаенным для России. В отличие от прочих – знаменитых, известных или забытых, но извлеченных из небытия – писателей русского зарубежья, Армалинский как самостоятельный автор почти неизвестен на родине². К сожалению, в России до сих пор были изданы лишь несколько его рассказов и отрывков из романа, и все эти публикации были, опять же к сожалению, пиратскими. Кроме того, покинув эту страну, Михаил с тех пор ни разу сюда не наведывался и пока что наведываться не собирается, а потому судить о нем надлежит только по написанному им. Потому и знакомство с этим писателем – своего рода «вынужденная переписка».

---

¹ Здесь и далее с любезного разрешения Михаила Армалинского цитируются фрагменты его писем редактору этой книги. Эпиграф – из письма от 8 августа 2001 г.

² Особо скандальную славу М. Армалинский снискал, издав в 1986 г. «Тайные записки А. С. Пушкина». Эта книга как раз была очень и очень замечена в СССР, и даже в современной России по сю пору не утихает ругань по ее поводу. Первое собственное русское, т. е. российское, издание состоялось только в 2001 г. также в серии «Русская потаенная литература». Произведения же самого Армалинского удостоились буквально считанных рецензий в отечественной прессе, датируемых началом 1990-х годов.

Стало быть, русскую эротику писали и раньше, и неплохую, и даже очень хорошую, и занимались этим весьма известные в отечественной литературе персонажи – от Пушкина до Лимонова. Но эротические экзерсисы в творчестве классиков и современников – поэтов ли, прозаиков ли – чаще всего оставались явлением периферийным, своего рода «шуткой гения». Единственный русский классик жанра легендарный Иван Барков – личность виртуальная. По вполне очевидным причинам, родная словесность не породила ни своего маркиза де Сада, ни своего Леопольда фон Захер-Мазоха, ни изысканных дам-сочинительниц вроде Анаис Нин или Эмманюэль Арсан. И пожалуй, единственный, кто эту культурную прореху заполняет, – это как раз Михаил Армалинский. Неустанно, в стихах и в прозе, вне литературных школ, не будучи ничьим последователем и не породив учеников, продвигает он в сознание читателей свою тему, свои взгляды, свои убеждения, имеющие для него силу заповедей.

Этот автор принял на себя неблагоприятную роль русского эротописца, секс-описателя (или *сексо-писателя*), а поскольку русская литература всегда литература социальная, общинная, идейная, манифестная, то Армалинский – вольно или невольно – превратился в раздавателя пощечин и плевателя в глаза общественному вкусу. Главной своей темой он избрал Соитие³ во всех мыслимых ипостасях. Но, как известно, секса в Советской стране не было (хотя блядство процветало повсеместно), и ясно, что литератор, ориентированный на всесторонний показ и анализ сексуальных переживаний, имел в Стране Советов в перспективе одни неприятности. А уж автор-еврей, публикующий в Ленинграде времен Г. В. Романова поэтические сборники самиздатом, – тем более. Потому, как пишет сам Армалинский, «я уехал 17 ноября 1976 года и ступил на святую американскую землю 22 февраля 1977 года»⁴. (Новую родину Армалинский на свой лад отблагодарил, в частности, тем, что переосмыслил в генитальном духе символику американского флага, о чем подробно рассказано в романе «Добровольные признания – вынужденная переписка»⁵.) По приезду Михаил переиздал ленинградские сборники своих стихов, а потом создал в Миннеаполисе собственное издательство «M.I.P. Company» и более поздние свои сочинения издавал уже в нем наряду со многими книгами и других авторов. В общей сложности Армалинский является автором 12 книг стихов и прозы, а в последнее время, согласно новейшим веяниям, перешел на публикации в Интернете. Писатель также выступил как составитель сборников детского эротического фольклора, нецензурных поговорок и пословиц, уже упомянутого альманаха «Соитие». Кроме того, на сайте издательства⁶ регулярно выходит в свет «Литературный журналец Михаила Армалинского General Erotic», а с весны 2001 года открылся и виртуальный «Храм Гениталий»⁷. Так что на «святой американской земле» всюду расцвел талант русского (или, точнее, русскоязычного) писателя, для которого, как может показаться иным ханжам, нет ничего святого. Такая последовательность в действиях и верность своей теме в творчестве и жизни создали нашему герою устойчивую репутацию чуть ли не главного современного русскоязычного автора-эротиста, возмутителя спокойствия и почти что графомана-извращенца. Но и пишет Армалинский не для ханжей, и свои святыни у него есть. Чтобы оценить всю силу и непростую прелесть его сочинений, надо знать, в чем состоят эти святыни и под каким углом зрения смотрит этот писатель на мир и людей, в нем живущих. Вот потому том избранных произведений, впервые публикующихся в России, сам автор так и назвал – «Чтоб знали!».

---

³ Именно так называется изданный Армалинским в США в 1989 году альманах русской эротической литературы.

⁴ Из письма от 6 мая 2001 года.

⁵ Изображение этого флага было опубликовано на обложке нью-йоркского еженедельника SCREW в 1989 г. ко Дню независимости 4 июля и воспроизводится на форзацах настоящего издания.

⁶ См.: <http://www.mipco.com>.

⁷ См.: <http://www.templeofgenitals.org>.

Читать Армалинского – занятие не для всякого. По первому прочтению, когда утихнут рвотные спазмы от «Безотходного производства любви», уймется дрожь жути от «Свежесрезанных голов», высохнут слезы от «Попытки разлуки», стихнет острая жалость к героине «Пустой почты» и перестанет рябить в глазах от слов, более привычных на заборе, чем в книге, хочется потрясти головой и забыть поскорее, что вообще брал в руки такую книжку.

Но забыть не удастся. Тогда начинаешь перечитывать эти тексты заново и понимаешь, что путем мастерских описаний генитальных (оральных, анальных, инцестуальных, зоофильных и т. д.) приключений трактуется единственная тема, главная тема человеческой жизни – поиски любви.

Люди разделены и одиноки, и никто никого не может понять, и никто ни с кем и ничто ни с чем не совпадает, и мир разъят и наполнен тоской. И в таком мире, с такими душами герои напряженно, мучительно, порой бестолково пытаются избавиться от одиночества, найти друг друга и хоть какой-то просвет. Эти герои живут в состоянии непроходящей разорванности, и всякий на свой лад старается ее преодолеть. Единственным мостом над пропастью, лежащей между людьми, между человеком и миром, оказывается любовь, тепло прикосновения другого существа, совместно пережитый миг соития. Только он примиряет героев с кошмаром существования.

В «Безотходном производстве любви» главная героиня должна выбрать между чистотой и комфортом своего дома с извергом-мужем, с одной стороны, а с другой – женской востребованностью, бесконечным восхищением мужчин-бродяг, каждый из которых хорошенечко стукнут жизнью и потому бесконечно добр и терпим. И героиня выбирает трущобы, где она – Королева. Уродливый врач-гинеколог и неудовлетворенная пациентка соединяются спиной к спине, хоть таким образом обретая друг друга. Именно уродство циркачей Лохматого и Косматой делает столь уникальным и неразрывным их союз, и их гибель на арене – высший миг их любви. Героиня со знаковым именем Любовь («Женщина, говорящая “Давай ебаться!”») разрывается между уютом и надежностью американской жизни и русской чувственной стихией – и выбирает Россию. Герой «Трусиков» готов уподобиться собаке в поисках хозяйки, героиня «Собачьей радости» именно с собаками обретает свою грешную радость. Любовь цветет в неожиданных местах и возникает между неожиданными партнерами, и проявляется всеми способами, и каждый раз она – чудо. «Гонимое чудо» – так обозначает Михаил Армалинский миг торжества любви, преодоления любой отъединенности, иными словами – оргазм.

А «по обе стороны оргазма»⁸ – жизнь и смерть, и разделяет их только миг высшего наслаждения, доступного человеку. И потому так часто истории в этой книге имеют трагический конец. Кен и Натали в «Попытке разлуки» не могут ужиться вместе и не могут жить друг без друга. Их примиряет и воссоединяет смерть. «Героя» из одноименного рассказа только смерть сближает с сыном. Культурист из «Мускулистой смерти», всю недолгую жизнь проведший в поисках кого-нибудь, кто его полюбит, тайно и неосознанно влюбленный сам в себя, умирает после соития с собой. Между смертью и любовью проводит несколько часов у постели умирающей бабушки юноша из рассказа «...И от бабушки ушел», и со смертью играют в любовную игру страшноватые персонажи «Свежесрезанных голов». Скелет мертвой женщины видится идеальной возлюбленной герою «Сделки». Жизнь и смерть как две равнозначные стороны бытия – вечная тема литературы!

Секс в мировоззрении Армалинского – Абсолют, помогающий преодолению несовпадений, пусть момент соития (момент истины!) краток и преходящ. И даже миф о зачатии Сына Божьего оказывается возможным пересказать как историю светлой и чувственной любви, особенно остро ощущаемой героями перед бегством («Радужный знак»).

---

⁸ Название одного из поэтических сборников, стихи из которого также вошли в настоящую книгу.

Очередную свою поэтическую книгу – первую, целиком составленную из стихов, написанных в Америке, – Михаил назвал «После прошлого», тем самым как бы подводя черту под старой жизнью в СССР. Но тема России отнюдь не ушла из его снов и мыслей, а опыт жизни в советской действительности уникален, хотя и достается весьма дорогой ценой. Потому и местом издания своих первых книг Армалинский ставит Ленинград (хотя настоящим тиражом они, конечно, вышли в США вторыми изданиями) и настаивает, что его тексты должны рассматриваться именно в хронологической последовательности: «мне чужда некрасовская охота за первым сборником и уничтожение книги “в стыде за прошлое”, мне также неприемлемо пастернаковское “усовершенствование” юношеских стихотворений в зрелом возрасте. Все это есть поправление и уничтожение себя в прошлом»⁹. Чем дальше лирический герой Армалинского существует в англоязычном окружении, тем более – и это особенно заметно по поздним стихам – обостряется чувство родного языка, причастности к русской культуре и стремление воссоединить разорванные концы в своей душе и своем творчестве. Об этом же и главное произведение, вошедшее в этот том, – роман «Добровольные признания – вынужденная переписка», впервые изданный в теперь уже легендарном 1991 году.

Главный герой во многом напоминает автора. Борис – еврей по национальности, русский по призванию и американский гражданин. Такой набор качеств порождает своего рода «двойственные отношения» с миром. Какая-то часть души этого героя осталась на питерских улицах и на берегах Финского залива, хотя реализация Бориса как зрелого мужчины и писателя, нашедшего свой стиль и тему, наступила именно в США. Два главных литературных авторитета называются в романе, и опять между ними океан во времени и пространстве: Федор Достоевский – там (т. е. здесь, в России), а Иосиф Бродский – здесь (т. е. с нашей точки зрения там, в Америке). Все та же раздвоенность, разорванность, и оттого летят из N-ска через океан в Санкт-Петербург бесконечные письма другу-художнику обо всем на свете: о любовных поисках и встречах, о разлуках и разочарованиях, о свадьбах и разводах. Прошлое живет рядом с настоящим, и Борис (иногда себе в ущерб) всячески способствует перетаскиванию в свою новую жизнь тех людей, что окружали его в старой. Новые встречи со старыми знакомыми зачастую приводят к переоценке прежних человеческих связей, но и нынешние не лучше, в чем у героя – и автора – хватает смелости признаться во всеуслышание. Признания – добровольные, а ближе к концу романа лирические или иронические исповеди все чаще сменяются манифестами – политическими, философскими, эстетическими. По ним легко представить себе мировоззрение героя, во многом созвучное с авторским.

К жанру манифестов относятся и два эссе, также включенных в книгу, – «Гонимое чудо» и «Спасительница», где основные постулаты мировоззрения Армалинского обрели законченность чеканных формулировок. А в «Храме Гениталий» те же принципы – боже-ственность оргазма, святость соития, жреческая миссия проституции – возведены в заповеди. По-своему Армалинского можно даже считать религиозным мыслителем, по крайней мере, неустанным проповедником символов своей веры.

Эмоциональный спектр писаний Армалинского вообще широк: от кропотливого бытописания в «Герое» до философских раздумий «О чем думает человек в минуту... день... год... жизнь своей смерти», от фантазмагорий «Света в окошке» и «Самораскопок» до хлесткого сарказма «Сказки о русско-французских связях». Так что, по советскому военно-кафедральному выражению (коих сам Армалинский большой любитель), наш автор «где человек, а где и беспощаден». Утонченный анализ отстраненного исследователя сочетается в его творчестве с пристрастностью лично заинтересованного участника (и как же иначе – ведь автор

---

⁹ Из письма от 22 марта 2001 года.

сам по себе живой и здоровый человек, интересный мужчина пятидесяти с небольшим лет), а пронзительный лиризм иных описаний – с готовностью к непрекращающейся борьбе с ханжеством. Неустанно творимый Армалинским собственный имидж охальника позволяет ему резать всю правду-матку (и потому, наверное, столь часта в его писаниях тема аборта), а иногда и возвещать очевидные, но замалчиваемые истины, невзирая на лица, но пристально рассматривая те части тела, от коих принято стыдливо отводить глаза. Но кажущееся иногда чрезмерным эпатирование почтенной публики – лишь избранный им и его героями путь поисков любви, единства, совпадения, и все, что разобщено, может слиться в бесконечно повторяющемся вселенском Соитии. Ибо оно – божественное Чудо (не боюсь повторений), наперекор всем гонителям. А любой путь к Богу приемлем, недопустимы только ложь и насилие, кои суть порождения дьявола.

Нелегко было готовить и нелегко будет читать эту книгу – прежде всего потому, что сама тема требует от читателя пересмотра многих прежних «ценностей», считающихся неременной частью отечественной словесности, – ханжества, выдаваемого за целомудрие; страха перед так называемой табуизированной лексикой (хотя других русских слов для описания гениталий и актов просто-напросто нет, а все эвфемизмы – «новояз» по Оруэллу); традиционного разделения «высокого» и «низкого» (все бы им разделять, чтобы властвовать – над нами!); презрительного отношения к естественным (пусть даже непривычным) проявлениям человеческой чувственности (советую читателям обратить особое внимание на антитолстовские высказывания в романе – тоже весьма необычная, но правда). К тому же автор и его читатели разделены чисто географически. Михаил счастливо живет у себя в Миннеаполисе и не собирается оттуда никуда двигаться, хотя мыслями во многом обращен к русской действительности. Электронная почта сокращает расстояния и опять же помогает преодолевать разделения и прояснять несовпадения, чаще всего оказывающиеся мнимыми.

Может быть, и хорошо, что этот том выходит в свет именно сейчас, в начале нового века, в обновляющейся России, продолжающей освобождаться от навязанных многовековой традицией псевдонравственных запретов и страхов. Одинокий и замороженный человек управляем и беспомощен, а один из главных лозунгов тоталитаризма – «Незнание – сила». Так вот, чтоб знали!

Ольга Воздвиженская

Рассказы

Из книги «Мускулистая смерть» 1984

Сделка

To Brian Kvasnik

Городок, куда я ехал, находился в необозримой глуши, или, в переводе с английского, «посередине нигде». Вокруг распластались бескрайние поля, засеянные какими-то злаками. Я ехал со скоростью 110 миль в час, незаметно набрав её с шестидесяти. Я хотел, увеличивая скорость, прогнать сонливость, но тело не откликалось на возрастание опасности и по-прежнему клонилось ко сну, угрожающему превратиться в вечный.

Целью моей поездки было познакомиться и совершить небольшую сделку с человеком, который владел практически всем этим городком с населением в 50 000 душ. Этот своего рода помещик был чрезвычайно богат, и ему принадлежали два банка, земли и в том числе склады лома цветных металлов. Я был знаком с ним уже больше года, но все дела мы вели по телефону или по почте и никогда не видели друг друга.

Недавно он позвонил мне после нашей ссоры и предложил купить остатки бомбардировщика, который когда-то потерпел аварию и разбился, а теперь был куплен Рэлом (так звали этого человека) для продажи на переплавку. Ссора у нас произошла после того, как он отменил заказ на высококачественный алюминий, который выплавляется на моём заводе. Заказ был солидный, и, когда груз был готов к отправке, Рэл позвонил и сказал, что ему в настоящий момент невыгодно принимать такую большую партию металла. Когда же я стал настаивать и, разозлясь, сказал, что приеду и вывалю весь груз перед порогом его дома, он ответил с издёвкой: «Вы что, хотите, чтобы я плавал в этом никчёмном мусоре?» «Ничего не имею против, если его температура будет пару тысяч градусов», – ответил я. На это Рэл повесил трубку, и более месяца мы с ним не разговаривали. И вот он позвонил мне, что согласен забрать и оплатить большую часть заказа, и пригласил меня приехать посмотреть на остатки самолёта. С чувством гадливости на душе я согласился, так как не было у меня сил отказаться от бизнеса во имя чудной свободы говорить и делать то, что хочется. Я утешался тем, что продам завод, когда он станет достаточно большим, и этих денег мне хватит до конца жизни. Но я никак не мог определить, что значит «достаточно большой» – он всегда продолжал казаться мне маленьким, как сын – матери.

К вечеру я приехал на место и остановился в гостинице, располагавшейся в стандартном, нарочито весёленьком даун-тауне. Портъе передал мне просьбу Рэла позвонить ему сразу как приеду.

«Тоже мне – “сразу”», – неприязненно подумал я и, войдя в номер, сразу открыл кран в ванной.

Раздался телефонный звонок, это был Рэл.

– Вы уже приехали? Как поживаете? Вам передали, что я просил вас позвонить? Когда вы будете готовы – я хочу пригласить вас обедать в ресторан и показать вам город.

Он не дожидался моих ответов – для него всё было и так ясно. Договорились встретиться через час в лобби.

Я всё гадал, как он выглядит. Темперамент у него был южный, правда, без акцента.

Он поджидал меня, прохаживаясь взад-вперёд. Ему было лет пятьдесят пять, лысина позволяла волосам расти в форме подковы, что явно приносило ему счастье. Улыбка не сходила у него с лица, как только он понял, что я – это я. Однако глаза его не умели смеяться. Рэл хлопал меня по плечу (ох, уж мне эта симуляция дружбы) и изъяслял невероятную радость. Я тоже всячески улыбался, но чувствовал, что и моим глазам не до смеха.

Пожимая мне руку, он заметил мой перстень с небольшим, но очень чистым бриллиантом.

– О, какой замечательный перстень, – сказал он и задержал мою руку в своей, разглядывая камень. Я осторожно высвободил руку из его цепких пальцев, и мы поехали в китайский ресторан на его новеньком «линкольне».

Мы ехали по центральной улице, и моё знакомство с городом Рэл комментировал следующим образом:

– Это мой банк, не правда ли, красивое здание?

– Эти многоквартирные дома я построил два года назад, теперь они стоят впятеро дороже.

– В этом магазине вы можете купить лучшую одежду, продающуюся в Нью-Йорке. Моя торговая политика – слово «провинция» не должно существовать в сфере потребления.

И так далее.

Китайский ресторан оказался тоже его собственностью, и еда была превосходной. Повара он привёз из Гонконга и в жёны ему сосватал местную красавицу, чтобы того не тянуло обратно на родину. В течение обеда я несколько раз замечал взгляд Рэла, направленный на мой перстень, и, когда мы заканчивали десерт, он опять выразил своё восхищение им. Я почувствовал, что скоро начнётся торговля.

– Сколько вы хотите за этот перстень? – спросил он, очередной раз припав к нему глазами.

Мне не хотелось расставаться с перстнем – слишком много было с ним связано, – и я назвал сумму, раз в пять превышающую его действительную стоимость.

Рэл улыбнулся и не стал продолжать, но я почувствовал, что надежды он не потерял. После обеда Рэл повёз меня в свой особняк, в котором он жил один, разведясь с женой много лет назад. Оказывается, в качестве хобби Рэл собирал меха и шкуры различных зверей. Одна из комнат была полностью отделана шкурами: пол – тёмными, стены – шкурами посветлее, а потолок – белыми. Он вытащил откуда-то огромную рыжую лисицу с болтающимся безвольно хвостом и сказал:

– Давайте меняться на ваш перстень.

Я подержал тёплую лисицу за горло и, улыбнувшись, сказал «нет». Мне было любопытно, как высоко в денежном отношении он способен оценить свои желания.

Рэл покорно сказал «о'кей» – и лиса исчезла. Мы пошли в гостиную, где у камина стояло чучело орла. Крылья орла были распахнуты – размах составлял не менее двух метров. Заметив мой восхищённый взгляд, Рэл сказал мимоходом:

– Так уж и быть, отдаю в придачу к лисе.

Я отрицательно покачал головой, машинально погладив перстень ладонью.

– Не беспокойтесь, – сказал Рэл, – я его заберу мирными средствами.

– Это что же, намёк на военные? – спросил я.

– Нет, что вы, вы меня не так поняли, – заверил меня Рэл.

Когда я уже собирался уходить, он показал мне шкуры кенгуру, медведя и леопарда, но уже больше не предлагал мне меняться. Однако, показывая их, он смотрел на меня так выразительно-вопросительно, что смысл этого вопроса не оставлял никаких сомнений.

На следующий день я приехал в его огромный склад, где лежали остатки самолёта, больше напоминавшие скелет. Я рассчитывал, обсудив все дела, уехать прямо оттуда домой. Осматривая самолёт, я заметил, как Рэл шепнул что-то одному из рабочих, указав глазами на мою машину. Рабочий кивнул и продолжал заниматься своими делами. Закончив осмотр, мы пошли в кабинет Рэла и за час договорились о цене за самолётные останки. Пожимая его руку в знак завершения сделки, я снова заметил сверкнувший взгляд, направленный на перстень, а может быть, мне показалось и просто сверкание камня отразилось в его глазах.

Пора было уезжать, и мы вернулись в склад, где я оставил свою машину.

Я всё ожидал последней атаки на мой перстень, но Рэл держался безразлично. И вот прощальное рукопожатие с похлопыванием по плечу. Я открываю дверцу машины – и отшатываюсь, ещё не успев открыть: на переднем сиденье – ярко-белый скелет, с черепом, повёрнутым в сторону водителя, и рукой, вернее костью руки, положенной на спинку водительского сиденья. Я, наверно, беспомощно оглянулся на Рэла, и он, смеясь, похлопал меня по плечу:

– Не бойтесь его, он мёртвый. Я подумал, что вам будет скучно одному в такой долгой поездке, вот и достал вам попутчика.

– Это мужчина или женщина? – спросил я, стараясь прийти в себя от неожиданности.

– Женщина. Посмотрите, какой у неё широкий таз.

Я посмотрел. Бесплотный, он мне казался поразительно узким.

– Это хорошо, что женщина, – я люблю худощавых, – попытался я улыбнуться, но улыбка далась с трудом.

Сначала у меня был позыв сказать: «Ну, ладно, пошутили и будет – забирайте товар». Но я не хотел проявлять этой инициативы, которой он, наверно, от меня и ждал, чтобы не оказалось, будто он забирает у меня то, что уже дал, а якобы лишь уступает моей просьбе. И к тому же я не хотел, чтобы он думал, будто напугал меня.

Поэтому я сел в машину, ожидая, что Рэл вот-вот остановит меня и распорядится забрать скелет. Но он только наклонился, чтобы помахать мне рукой в окошко машины, и мне ничего не осталось, как выехать из склада, развернуться и поехать. У выезда из склада стоял рабочий, которому Рэл шептал что-то, когда я только приехал, и который, по-видимому, занимался доставкой скелета. Он был одет в джинсы, и одна штанина была темно-синяя, а другая – голубая. Он помахал мне рукой не улыбаясь.

Я выехал на дорогу, стараясь не смотреть на мою костлявую спутницу. «Хорошо хоть, что у неё нет косы в руках», – почему-то без облегчения думал я. Когда на дороге попадались неровности, её кости бряцали, а на одном из поворотов она стала заваливаться на меня. Я инстинктивно придержал её, и рука упёрлась в её пустые бёдра. Кости таза были холодными и твёрдыми, столь противореча привычным ощущениям при касании плоти. Я заметил, что сгнившие суставы были заменены проволочками, аккуратно скрепляющими составные части скелета. Фаланги пальцев особенно притягивали взгляд.

Обгонявшие меня машины чуть притормаживали, и все из них пялили глаза, махали мне руками и жестами пытались выспросить – ну, мол, каково со скелетом ездить? – и я снисходительно улыбался и складывал колечком большой и указательный палец, и все в ответ смеялись.

Когда я подъехал к придорожному ресторану перекусить, пожилая пара выходила из дверей и, увидев мою пассажирку, шарахнулась в сторону. Они, бедные, даже стали креститься. Я запарковался и на всякий случай запер машину. Сидя в ресторане, я услышал полицейскую сирену, но не обратил на неё внимания. Когда же я вышел на улицу, то увидел полицейскую машину с грозно посверкивающими глазами. У моей машины шевелилась небольшая толпа, сквозь которую масляными пятнами проступали двое полицейских.

Я подошёл ближе и увидел пожилую парочку, что-то докладывающую полицейским. Видно, опасаясь надеяться только на Бога, они решили подстраховаться полицией.

Полицейские поинтересовались моими водительскими правами и моей спутницей. Я сказал, что это подарок Рэла. Имя его было хорошо известно в этих местах, но полицейским хотелось подтверждения, так что я дал им номер его телефона, и они позвонили ему. По счастью, он был у себя в конторе и подтвердил (как они мне передали), что это его собственность, данная в пользование другу. Мне до сих пор был не ясен статус моей спутницы – подарок ли это, – так что теперь всё стало понятно.

Полицейские, прощаясь, попросили меня постараться не пугать людей. Я пообещал, что еду прямо домой и, приехав, запиру её в комнате, чтобы, чего доброго, не убежала. Последняя фраза произвела задуманный эффект, вызвав смех, который прозвучал как вздох облегчения.

– Ну, что, Мэри, – обратился я к скелету, отъехав от ресторана, – заставили мы с тобой кое-кого вспомнить о смерти?

И в этот момент от толчка (я наехал на выбоину в дороге) нижняя челюсть её отвисла. Челюсти были полны белых ровных зубов, и это означало, что спутница моя закончила свою жизнь молодой и, быть может, красивой. Нижняя челюсть её тоже крепилась к верхней проволочкой.

Приехав домой, я взял её на руки, как невесту, думая, где бы расположить. Был тёмный вечер, и в дом я её вносил из гаража, так что благодаря этому избежал соседских глаз. Я понёс её в спальню для гостей и положил на кровать. Я было пытался поначалу поставить её на ноги, прислонив к стене, но она рушилась на пол, и я подхватывал её в последний момент, опасаясь сломать ей рёбра.

Я посмотрел на скелет, лежащий на кровати, согнул ей ноги в коленях, раздвинул их, невесело усмехнулся и пошёл спать.

Ночью мне снилось множество снов, что со мной бывает крайне редко.

Проснулся я с головной болью, которая для меня является первым признаком высокой температуры. Я очень хотел пить, и, когда я встал и пошёл на кухню, меня зашатало от слабости. Напившись воды, я пошёл обратно и почувствовал такой отлив сил, что свернул в первую же дверь, чтобы скорее куда-то лечь. За первой дверью была спальня для гостей. Чувствуя, что вот-вот упаду от слабости, я свалился на кровать рядом со скелетом и закрыл глаза. Сердце билось, как после долгого бега, и тело повлажнело от пота. Сбоку я чувствовал прикосновение прохладной берцовой кости.

Раздался телефонный звонок. Я с трудом протянул руку к телефону, стоявшему на столике у постели. Моя секретарша спрашивала, как я съездил и когда я приду в контору. Я сказал, что у меня температура и что сегодня не появлюсь.

– Может, приехать к тебе помочь, посидеть с тобой? – спросила она, и я вспомнил, что мы – любовники.

– Нет, я в порядке, занимайся своими делами.

– Я приеду после работы, хорошо?

– Ладно, только тут у меня уже есть одна.

– Что ты имеешь в виду? – встрепнулась она.

– Приедешь – увидишь, – сказал я.

– Что, у тебя женщина?

– Как тебе сказать... бывшая.

– Я не понимаю, что ты говоришь.

– Я повторяю, приедешь – увидишь. Прости, я устал, – сказал я и повесил трубку.

Я заснул и проснулся от вскрика. Я поднял тяжесть век и увидел мою секретаршу Мэри, которая стояла над кроватью, не зная, что сказать, что сделать.

Я через силу улыбнулся.

– Что это такое? – проговорила она дрожащими губами, и голос у неё был дрожащий. Я подумал: дрожащие губы делают голос дрожащим или дрожащий голос заставляет дрожать губы?

– Сколько времени? – спросил я.

– Час дня, – сказала она, взглянув на часы, и снова скелет приковал к себе её взгляд.

– Ты же хотела прийти после работы.

– Что это такое? – снова повторила она.

– Это тоже Мэри – мне очень нравится это имя.

– Где ты это взял? – спросила она, видно, уже поняв, что это.

– Подарок. Сделай мне крепкого чаю, пожалуйста.

– Тебе плохо? – озабоченно спросила она и положила ладонь мне на лоб. Мне показалось, что её кожа покрыта инеем.

– Держи так, – попросил я её, и она села на кровать.

Я приоткрыл глаза и увидел её взгляд, по-прежнему устремлённый на скелет. Её рука быстро нагрелась о мой лоб, и я опять попросил её сделать мне чай. Выходя из комнаты, она оглянулась не то на меня, не то на Мэри.

Стоило мне закрыть глаза, как в голове начиналось вращение, оставляющее после каждого оборота болезненную инерцию.

Живая Мэри вернулась с чаем на подносе.

– Ты не хочешь пойти к себе в спальню?

– Нет, это хорошо, что вас двое, – сказал я.

Чай возвращал мне силы, и лимон, который она догадалась положить, был как нельзя кстати.

Что мне нравилось в ней, так это то, что, спросив о чём-то раз и не получив ответа, она больше не спрашивала, а ждала, когда я сам решу рассказать. Правда, иногда это раздражало меня, так как мне хотелось, чтобы она меня поупрашивала. Я рассказал ей о моей костлявой попутчице. Мэри выслушала это равнодушно и спросила:

– Что ты теперь будешь с ней делать?

– Любить, – ухмыльнулся я.

– Что ж, прекрасный выбор, – сказала Мэри. – Я, кстати, должна тебе сказать, что я уезжаю во Флориду.

«Даже не дождалась, пока я выздоровею, чтобы сообщить мне такую новость», – подумал я. Я посмотрел на её маникюр – единственное, что у неё было поистине красивым, – и сказал:

– Желаю счастья. Это Джон?

Джон был её возлюбленный, с которым она жила четыре года и от которого она уехала сюда, нанялась ко мне, бескорыстно стала моей любовницей, а я ничего не имел против, так как мои связи с подчинёнными не отражались на деловых отношениях.

– Да, Джон, – не скрывала она.

– Передай ему привет, – сказал я и, повернувшись к скелету, добавил: – Прости, я хочу спать, спасибо, что зашла.

– Хорошо, я пойду, – сказала Мэри.

– Ты до какого дня работаешь?

– Я могу доработать две недели, но, если ты не возражаешь, хотела бы уйти раньше.

– Можешь уходить через неделю, – сказал я, зная, что смогу найти ей замену за это время.

Она поблагодарила меня и холодно ушла.

Я смотрел перед собой, прямо в череп Мэри. Она не шевелилась, и зубы без губ представлялись оскаленными в постоянной улыбке. Она была настолько близко к глазам, что все очертания были зыбкими. Я положил руку на грудную клетку, и её рёбра скрипнули – я отдернул руку, опасаясь поломать ей кости, и улыбнулся фразе «поломать кости» по отношению к скелету, который обнимаешь.

«Уж ты-то не уйдёшь ни к какому Джону, – подумал я и упёрся лбом в её холодную ключицу. – Мужчины, что спали с тобой, не имеют никакой власти, ибо нет у тебя больше ни памяти, ни плоти, а всё, что осталось, принадлежит мне».

Я провалился в живое небытие сна, где пробыл до вечера.

В комнате было темно, и рука моя лежала в её пустом животе, опираясь на корявый ствол позвоночника. Я убрал руку под одеяло и заснул опять.

Проснулся я утром от птиц, голосивших за окном. Жара не было, я потряс головой, которая не откликнулась болью, в теле было радостное чувство выздоровления. Под боком лежала жесткая прохлада скелета. На свежую голову мне как-то стало не по себе, и я поднялся с кровати. Пересилила слабость, обосновавшись в теле, я пошёл в ванную, но, принимая душ, всё-таки сел в ванну, не устояв на ногах от слабости. Однако нужно было идти в контору, чтобы разгрести дела, превращавшиеся в невыносимый камень на шее, чуть стоило дать им залежаться.

Я вспомнил, что Мэри объявила о своём уходе из моей компании, а также из моей жизни. И оба ухода вызвали грусть, которая, впрочем, была уже привычной из-за стольких разлук, что я перетерпел. Мэри была исполнительной секретаршей и любовницей, что вносило определённые удобства в мою замкнутую изнутри жизнь.

В конторе я разгрёб налетевшую почту, ответил на звонки, короче, сделал всё, чтобы наверстать упущенное. Я чувствовал слабость во всём теле, однако на вежливые или заискивающие вопросы о здоровье я, конечно же, отвечал, что всё прекрасно, как это и принято с чужими людьми.

Со второй половины дня я ушёл домой, поймав взгляд Мэри, явно похолодевший после принятого ею решения. Но всё-таки взгляд.

Когда я подъезжал к дому, он мне показался очень большим. И действительно, он был большим. Мне всегда было приятно знать о потенциальном пространстве, которое я не использую, но которое всегда ждёт меня. В связи с этим я вспомнил, что меня ждёт и пустое пространство скелета. Пространство, слегка ограждённое костями. Я вошёл к ней в комнату, она лежала на кровати с раздвинутыми костями ног. Череп скалился. Вот как выглядит абсолютно голая женщина, когда не останавливаешься на снятой одежде и продолжаешь женщину раздевать, снимая с неё плоть.

– Знаешь, – сказал я ей, – я одинок, как твои кости без мяса.

Мой голос прозвучал странно, так как я не ждал, что услышу голос в ответ. Сквозь её рёбра просвечивала простыня. Я подошёл к ней и погладил там, где должна была быть грудь. Потом я просунул руку под рёбра, где должно было быть сердце. Но сердца не было. Такая бессердечность меня не трогала.

Мне нравилась её молчаливость и открытость. Мне было спокойно с ней, как со всеми, кого я не любил. Я сел рядом с ней на кровать и погладил её по черепу: уж по крайней мере, ты будешь всегда рядом, готовая выслушать меня, многоопытная, познавшая жизнь и смерть, и кто знает, быть может, я полюблю тебя за твою естественную преданность.

Раздался звонок в дверь. Не люблю я незваных гостей, ибо нет никого у меня, кому бы я мог обрадоваться.

Я с раздражением резко распахнул дверь. Передо мной стоял мужчина в джинсах и куртке.

– Добрый вечер, извините за вторжение, – начал он мягко, что не соответствовало его грубому, где-то виденному лицу. – Меня босс прислал за скелетом.

И тут я заметил его джинсы с брючинами разных цветов и узнал в нём рабочего со складов Рэла, который, видно, и свёл меня с Мэри.

– Что вы сказали? – переспросил я, и мне стало больно, будто у меня отнимают последнее.

– Босс послал меня забрать скелет, – повторил он.

– А я думал, это подарок, – попытался я вяло сопротивляться.

Рабочий ничего не ответил, а только пожал плечом.

Я пригласил его в гостиную, и он, опасливо сняв ботинки, последовал за мной. Я предложил ему выпить, но он отказался. Я налил себе чего-то и отпил большой глоток. Стало теплее.

– Где он лежит, давайте я возьму его, – приступил рабочий прямо к делу.

– Подожди, – я хочу купить его... её. Сколько Рэл хочет?

– Босс сказал, что он его не продаёт, но может обменять.

– На что?

– На перстень.

Волна облегчения прошла по моему телу сверху вниз. Я снял перстень и протянул его гостю.

Он улыбнулся победно и всезнающе, зажал перстень в кулаке и повернулся уходить.

– Подожди, – остановил я его.

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Напиши расписку, – сказал я.

Герой¹⁰

Младенца решили назвать Героем. Такое необычное имя указывало на отчаянное честолюбие родителей, которые использовали рождение сына как общепринятый предлог для того, чтобы махнуть рукой на свою собственную жизнь и перенести все свои несбывшиеся надежды на ребёнка. Когда Герой подрос настолько, чтобы понять смысл своего имени, он почувствовал, что люди ждут от него постоянного подтверждения этого смысла. А так как подтверждения он не давал, то имя его вызывало сначала смех, а потом – насмешки. В школе, например, он пытался отличиться на уроках физкультуры, но в движениях его не было ни силы, ни ловкости, и после очередного невыполненного упражнения часто гремел голос учителя: «Эх ты, Герой!» Стараясь избежать насмешек, Герой при знакомстве называл себя Герой, но все вскоре каким-то образом узнавали, что он не Гера, а Герой. Чем больше он взрослел, тем безнадежнее убеждался, что ему не выполнить обязательств, накладываемых на него именем, и к тому времени, когда он поступил в институт, чтобы стать инженером, он оказался сутулым молодым человеком с язвой желудка. Однако он считал себя писателем и на лекциях вместо конспектов писал стихи, но ему не хватало того геройства, которое в искусстве называют талантом. В его любовных приключениях тоже не хватало чего-то подобного, и, так как женщины, угадывая это, не дарили его особым вниманием, он выработал в себе, что называется, возвышенное отношение, которое позволяло ему сторониться инициативы.

Однажды в компании друзей происходил традиционный обмен любовным опытом, и каждый рассказывал о подробностях ощущений своих партнёрш. После окончания одного красочного повествования все повернулись к Герою, так как настала его очередь. Герой

---

¹⁰ Автор изъясил этот рассказ из первого американского издания книги. (Примеч. ред.)

с брезгливой миной на лице объявил следующее: «Лучше выпить водки литр, чем лизать вонючий клитор».

На этот поэтический экспромт кто-то под общий смех отпарировал: «Мы знаем, что ты не способен ни на один из этих героических поступков». И действительно, Герой не пил спиртного, боясь беречь свою язву.

Он очень любил в одиночестве ходить по городу, любясь старинными зданиями и дивясь интересным мыслям, приходящим ему в голову.

Когда же он возвращался домой и садился за стол, чтобы записать их, Герой вдруг обнаруживал, что все мысли беспробудно забыты, и он начинал думать, что, может, они ему лишь померещились.

Окончив институт, он женился по любви. Его избранница скрепя сердце согласилась выйти замуж. Предложений ей не делали, а мать подталкивала её на проторённую дорожку замужества – пора, мол, – да и сама девушка устала ждать, боялась, что упустит случай, а ведь Герой был явно влюблён.

Вот так и поженились. На свадьбе новоиспечённая жена уже держала бразды правления и отдавала Герою приказы, которые были ещё в мягком и нежном тоне и умилённым гостям казались воркованием. К свадьбе невеста заставила Героя отрастить бороду, чтобы скрыть отсутствие у него подбородка, – ей всегда нравились подбородки волевые, торчащие вперёд. По велению жены они танцевали, чего Герой никогда себе не позволял из-за отсутствия у него чувства ритма. Он переминался с ноги на ногу, сквозь его густую бороду просвечивала добрая и слабая улыбка, и жена смотрела в его счастливые глаза и жизнерадостно думала: «А ведь он совсем ничего».

Через год у них родился сын, и ему жена отдала всё своё чувство любви, которое у неё так и не смог вызвать Герой. Так что ему в удел осталось презрительное безразличие. Герой тоже почувствовал безразличие, с удивлением обнаружив, что любовь его необратимо ушла. В студенческие годы, разглагольствуя о любви, он утверждал, что нужно разрывать отношения тотчас, как исчезает любовь, и бросаться на поиски новой. Однако теперь, глядя на ребёнка, к которому он тоже не испытывал любви, а лишь увидел в нём новую пожизненную обязанность, Герой открыл для себя реальность и своё бессилие в ней. Однажды после особо громкого скандала с женой он уехал к матери и переждал у неё ночь. Мысль о разводе внушала ему ужас, ибо в нём он видел не освобождение, а неизбежность действий и усилий, необходимых для совершения этой процедуры. Кроме того, его страшило одиночество, от которого он попросту отвык. Поэтому после работы он вернулся домой как ни в чём не бывало. Жена обругала его матом, что стало унылой нормой в их отношениях, а Герой сделал вид, что игнорирует её. Он утешал себя тем, что он якобы уступает ей в мелочах, а в серьёзных вопросах стоит на своём. В глубине души он знал, что это ложь, и поэтому ему, выпровоженному на улицу гулять с сыном, было кисло.

Он вспоминал первое время после свадьбы, когда по утрам его будил долгий поцелуй жены. Ею владела тогда утренняя страсть, и она просыпалась раньше Героя. Он чувствовал её жадный рот, пахнувший только что использованной зубной пастой. Он же старался не открывать своего рта и лишь высовывал язык между сжатыми губами, пока она объезжала его, ещё полусонного. Через пару месяцев она перестала чистить зубы, прежде чем начинать целовать его по утрам, и он не скрывал более своего запаха, так что к концу первого года они совсем забыли стыдиться друг друга и могли звучно выпускать газы, лежа в постели, ставшей больше ложем сна, нежели ложем любви.

Постепенно Герой утратил всякий интерес к телу своей жены, да и она уже не просыпалась по утрам раньше него. Часто он, с обжигающим холодом в сердце, смотрел на её спящее блеклое лицо с плохо смытой краской на глазах и ужасался чужести этого человека. Во время сна жена клала руку на подушку, рядом с головой, и её большой палец, ноготь

которого она постоянно сгрызала, вызывал у него тошноту. В период менструаций, которые длились у жены удручающе долго, Герой всегда испытывал жгучий стыд, когда они бывали среди знакомых или в общественном месте, – ему казалось, что все чувствуют запах, источаемый женой, который она никак не могла утаить, а вернее, мало об этом заботилась.

Подвыпив в компании знакомых, жена любила прозрачно намекать на сексуальное безразличие к ней Героя. Знакомые понимающе хихикали, а он снисходительно улыбался, будто речь идёт о ком-то другом. В такую минуту ему очень хотелось занять любовницу, но случай всё никак не подворачивался, и он опять забывал о своём желании.

Герой часто задавал себе вопрос, изменяет ли ему жена, и после анализа её поведения приходил к желаемому «нет». Однако этот вопрос возникал снова и снова, и в конце концов Герой перестал пытаться найти ответ, а просто смотрел на него сторонним взглядом, пока его вопрошающая сила не иссякла от безразличия к той, к которой обращалась.

Единственным, что зыбко связывало его с женой, был сын, но он выросал злобным зверьком, и Герой не умел к нему подступиться.

Герой считал себя талантливым поэтом, но у него не находилось времени на работу, чтобы продемонстрировать свои возможности. Его ежедневные служебные обязанности сводились к ремесленничеству, в котором он либо не умел, либо не хотел отыскать место для творчества. Понукаемый постоянными упрёками жены из-за его маленькой зарплаты, он время от времени делал вид, что ищет работу по совместительству. Но если такая возможность появлялась, он предпринимал всё, чтобы она осталась неиспользованной.

Досуг свой он тщательно берёт. Герой отгораживал его для книг, кино и телевизора. Он бывал рад случаю поговорить об увиденном или прочитанном, но в речи его не было ни тонкости, ни красок, и лишь по тому, как он верно подмечал отдельные удачные детали, можно было догадаться, что в душе у него существует невыраженная глубина. Любимой мечтой Героя была мечта отснять фильм: перед его глазами стояли кадры, потрясающие зрителя своей значительностью и операторской работой. Стоит ли говорить, что Герой не делал и малейшей попытки для реализации своей мечты.

Так длилась жизнь.

Ещё с детства он испытывал огромное внутреннее сопротивление пробуждению утром, когда звонил будильник или мать трясла его за плечо. Приходилось громко включать радио, кричать ему в ухо, брызгать холодной водой, чтобы поднять его с кровати. Повзрослев, он приучился преодолевать неприязнь к принудительному пробуждению, подниматься сразу, как зазвонит будильник, но зато он стал размышлять об этой неприязни. Размышления не приводили пока ни к каким выводам, но работа мысли расходовала энергию, которая образовывалась каждым утром после ненавистного пробуждения. Он иронически называл себя «спящим некрасавцем», вспоминая время, когда утренние поцелуи жены делали его пробуждение радостным. В выходные дни Герою тоже не удавалось проснуться самому – то начинал шуметь сын, то жена гремела на кухне, а то и просто будила, раздражённо напоминая, что ему нужно успеть сделать те или иные домашние дела.

Самое большое удовольствие в жизни он испытывал от естественного пробуждения, в его первые моменты, когда ещё нет памяти и всё перед тобой незнакомо, и только через несколько секунд вспоминаешь, где ты, кто ты и что у тебя за жизнь. Это ощущение было особо прекрасно летом, когда подталкиваемые ветром ветви деревьев заглядывали в окно, а солнечные лучи, просеиваясь через листья, превращались в мутные качающиеся тени на стене, перемешиваясь с ботаническим рисунком на старых обоях. За окном слышны были птицы, говорящие наперебой. Иногда влетала громкая навозная муха и с остервенением носилась по комнате, пока наконец не вылетала в окно, оставляя после себя тишину пробуждения. Мысли в такое время отличались большой подвижностью, которая с лихвой ком-

пенсировала отсутствие у них глубины. В теле, как флаг, развевалось состояние радости и покоя, словно благополучно вернулся домой после дальней поездки.

Герой давно не испытывал этого состояния и остро тосковал по нему каждый раз, оказавшись бесцеремонно разбуженным жизнью, которой ему приходилось жить. И чем острее была эта тоска, тем больше он думал о её сути.

Нет ни одного надругательства над человеческой природой, которое было бы столь повсеместно, а потому и воспринималось бы столь естественно, как принудительное пробуждение. Сотни миллионов людей пробуждаются от звона будильника, от сигнала трубы, от крика или удара. А ведь сон, думал Герой, – это квинтэссенция духовной жизни, возможной в материальном мире. Тело продолжает выполнять минимум необходимых физиологических функций, чтобы оставаться несожжённым мостом между иным миром, куда отправляется душа, и этим миром. Однако еженощные путешествия души с неведомой, но с чрезвычайно важной миссией небрежно прерываются под любым благовидным предлогом. Ежедневная, ненавистная для большинства людей работа считается самым угодным обществу предлогом, а следовательно, и самым естественным для принудительного пробуждения. Люди мазохистски нацеливают будильник на определённый час своего сна или просят кого-нибудь их разбудить. Более того, проснувшись, они будут подставлять своё тело под холодную воду, заставляя его двигаться, то есть делать всё то, что изгоняет сон из их тела. Таким образом, люди живут добровольными рабами, которым общество за их послушание и самоуправление даёт звание «свободных». Так размышляя, Герой мечтал о бунте.

Иногда ему представлялось, что его сын силой своей молодой жизни сможет вывести его на какие-то новые просторы бытия. И он неуклюже пытался найти контакт с сыном, принимаясь за его воспитание. Но если Герой грозным голосом запрещал ему что-то, тот бежал к матери и получал то, что хотел, или сразу, или после истерики, которая прекращалась в тот же миг, как он получал требуемое. Жена в процессе рёва сына кричала, что убьёт его, перечисляя разные злодейские способы, вроде «голову оторву», но вскоре сдавалась и целовала его со страстью, не нашедшей лучшего применения. Если Герой возмущался, что жена позволила сыну то, что сам он только что запретил, жена обрушивала на него всегда избыточное раздражение, называя Героя то «скотиной», то «пустым местом», то ещё как, в зависимости от того, что ей казалось наиболее оскорбительным в данный момент. Сын победно взирал на отца, держась за мамину юбку. Герой, сверкнув глазами, уходил к себе в комнату с отчаянной верой в сердце, что когда-нибудь он найдёт выход из этого положения каким-то необыкновенным способом, который не потребует сил на развод и начинание новой жизни.

Однажды он сидел вместе с сыном и смотрел телевизор. Сын обожал серию фильмов про чудовищ, но в то же время очень боялся, когда они появлялись на экране. Поэтому, смотря эти фильмы, он требовал, чтобы кто-нибудь из взрослых сидел рядом и держал его за руку. Это сохраняло в нем чувство безопасной реальности. Герой сидел в кресле чуть позади сына, который расположился на стуле, поближе к телевизору. Фильм только что начался, и монстры ещё не появились. Через несколько минут они выползли на экран, и сын, не оборачивая головы, протянул руку назад, ожидая, что отец возьмёт её в свою. Но Герой неожиданно сам увлёкся фильмом и не заметил протянутой руки сына. И тогда сын, не сводя глаз с экрана, сказал нетерпеливо: «Дай руку, скотина». Герой вздрогнул и автоматически повиновался. Через секунду его разобрал смех от этого «жениного» слова, так уютно устроившегося в сыновней головке. А потом он почувствовал бешенство и выкрикнул его: «Как ты смеешь так разговаривать с папой?!» Сын бросил: «Не мешай смотреть». Герой опять повторил свой риторический вопрос, и тут он услышал открывающуюся входную дверь – пришла жена. Сын с плачем кинулся к матери, и отцовский гнев перестал быть страшным. После этого случая Герой ясно понял, что сын для него недосыгаем и с каждым годом будет отдаляться всё больше и больше.

На работе, которая поглощала значительную часть жизни Героя, у него друзей не было. Говорить с коллегами ему было не о чем, так как общие темы, благодаря которым поддерживаются разговоры, были ему противны, а о вещах сокровенных он не любил говорить ни с кем. Работа его не требовала усилий для выполнения и увлекала его своей монотонностью. После работы он приходил домой и обедал с женой и сыном. Еда, приготовленная женой, была всегда невкусной, но он привык и к этому. Во время обеда жена рассказывала ему о том, как прошёл её рабочий день, как её опять хвалил начальник, и рассказ этот она прерывала поцелуями, которыми осыпала сына. «Как я по тебе соскучилась!» – восклицала она, прижимая его к себе, и тут же: «Не ешь руками, возьми вилку – слышишь, я сейчас тебя убью!»

Герой уже не обращал на это внимания, как живущий на берегу моря не замечает шума волн. Обеденный разговор, как правило, сводился к одному и тому же: жена попрекала Героя его маленькой зарплатой и многозначительно заключала, что он ни на что не способен. Герой откликнулся гневным или усталым: «Прекрати!», вставал из-за стола, что было очень кстати, так как еда к этому моменту уже была закончена, и скрывался в своей комнате. Раньше он старался писать, но вскоре стал больше заниматься чтением, а в последнее время не мог оторвать себя от телевизора. В былые времена он с презрением отзывался о тех, кто ежевечерне и подолгу смотрел телевизор. Но теперь он легко убедил себя, что есть очень познавательные передачи, которые могут заменить книги. Но даже тогда, когда передача была неинтересная, он не мог заставить себя выключить телевизор и смотрел допоздна, пока сон не закрывал ему глаза.

День ото дня Герою становилось тяжелее подниматься по будильнику. Весь протест, накопившийся к ведомой им жизни, выплёскивался гневом на эту адскую машинку. Одним утром он так рассвирепел, что швырнул будильник об пол. Жена накинулась на мужа с руганью, замешанной на её гнилостном утреннем дыхании.

В тот день на работе, машинально делая бесконечные вычисления, он наблюдал в себе незаживающее чувство оскорблённости от принудительного пробуждения. Никогда раньше это не было так сильно. Возбуждение постепенно спадало, но мысли не уходили в сторону от мечты о свободе пробуждения. Герою казалось, что, обрети он эту свободу, он сможет быть свободным во всём остальном. А ведь требует он так мало – девять часов сна, но не приуроченных к нужному времени подъёма, то есть обязывающих ложиться в десять вечера, если надо вставать в семь утра, а всегда находящихся в его распоряжении в любое время суток. Каждое утро, каждое пробуждение виделось ему новым рождением в мир. И, продолжая сравнение пробуждения с рождением, преждевременное пробуждение представлялось ему преждевременными родами. Девять часов сна – девять месяцев беременности. Недоношенный ребёнок – семичасовой сон – может вырасти в здорового ребёнка (полноценный день), но только если за ним ухаживают с особой любовью. Так же и день после семичасового сна может оказаться достаточным, если два недоспавших часа компенсируются любовью к женщине или к делу. Если же сон ограничен двумя-тремя часами, то пробуждение после такого сна уподобляется аборту. И не будет тебе жизни, пока не восполнишь этот недостаток в другое время.

В течение дня происходит совокупление тела и души, так что к вечеру происходит зачатие. Сон вынашивает тебя для новой жизни, и каждое утро ты рождаешься заново, новым человеком, умудрённым опытом предыдущего дня – предыдущей жизни. Сон – это мать, из которой ты родился, и от того, как ей позволят тебя выносить, зависит твоя жизнь – жизнь следующего дня.

Теперь Герой с особым чувством ждал выходных дней и праздников, не чтобы долго спать, а чтобы просыпаться самому. Добровольное пробуждение стало для него чем-то святым, и, когда жена в одно из воскресений грубо растормошила его, требуя начать что-то делать по хозяйству, он изо всех сил вlepил ей пощёчину. Жена очень испугалась, так как

раньше он никогда на неё даже не замахивался. Он любил в себе холить чувство вымученной гордости, что он никогда не бил женщину. Теперь же, после первой пощёчины, Герой обрадовался потере этой обременительной невинности, а жена некоторое время не заводила ссор, но, видя, что муж не отвечает на бросаемые пробные камни, снова вошла в прежний режим оскорблений и криков, и только свободное пробуждение в выходные дни осталось неприкосновенным.

Одержав первую победу над внешним миром, Герой стал пристально задумываться о буднях. Чем слаще было свободное пробуждение в воскресные дни, тем унижительней и нетерпимей становилось принудительное пробуждение в будни. Его работа виделась ему изошрённым орудием, с помощью которого общество вторгалось в его духовную жизнь. Только во время болезни общество соглашается дать человеку свободу спать и пробуждаться, как того требует его душа, да и то в корыстном соображении, что сон в данном случае будет служить лекарством, и, следовательно, вернёт человека в строй трудоспособных.

Герой вспоминал, как, бывало, ему хотелось проснуться к какому-то определённом часу. Так было в то утро на втором месяце их женитьбы, когда он хотел встретить жену в аэропорту после её недельной командировки. Он поставил будильник на пять утра, но проснулся сам – без одной минуты пять. И так случалось всегда, когда душа стремилась участвовать в его телесной жизни. И только бездуховная жизнь делала его пробуждение принудительным.

Чтобы оправдать пренебрежительное отношение ко сну, его низводят до якобы элементарного отдыха тела от трудов праведных. В действительности же сон – это необходимый «отдых» души от невыносимой материальности мира. Тело, на примере сердца, постоянно доказывает, что оно может работать без всякого отдыха в течение всей своей жизни.

Как смешон может показаться бунт человека, не пожелавшего просыпаться по команде и не реагирующего на попытки разбудить его. Но если представить, что все люди решат просыпаться свободно, придётся перестраивать всю систему взаимоотношений в человеческом обществе, ибо она станет основываться на духовных отношениях. Это значит, что произойдёт сортировка людей на вкладывающих свою душу в дело, которым они занимаются, а значит, и пробуждающихся для своего дела свободно и самостоятельно, и на людей, душа которых не лежит к делам, что им навязаны. У таких людей, решившихся на свободу пробуждения, душа не позволит растрчивать свою жизнь на чуждое ей дело – она будет клонить их тела в сон в самое ответственное для этого неуютного дела время или медлить с возвращением в тело, когда ненавистное дело требует к себе внимания. Вот тогда и обнаружится, какое огромное большинство людей не пожелало бы проснуться, если бы их не будили.

Эта мысль ошеломила Героя. Он вдруг увидел сон как надёжное убежище от жизни, часто такой нежеланной.

Однако стоило возникнуть у него чувству протеста, как мозг Героя спешно анализировал и разрушал силу этого протеста. И единственный раз, когда мозг не успел включиться, произошёл в полусне, когда он ударил жену из-за того, что она его разбудила. «Значит, я смог обрести силы на чувства из области сна, и, значит, область сна была недоступна для уничтожающей работы мозга. И если сумею не реагировать ни на шум, ни на боль во время сна, а просыпаться только по желанию души – это было бы самым серьёзным шагом в моей жизни», – подумал Герой.

Когда, придя с работы домой, он не включил телевизор, жена спросила с издёвкой, не заболел ли он. Герой ничего не ответил и ушёл в спальню. Он разделся, лёг в кровать и долго лежал, обдумывая принятое решение, которое не ослабело, как всегда бывало с его решениями, но лишь укреплялось.

Он слышал, как жена укладывает спать сына. Это был ежевечерний ритуал плача, угроз, рассказывания сказок, опять угроз и опять плача, который занимал не меньше часа.

Сын требовал, чтобы в комнате горел свет – боялся засыпать в темноте, – и всегда настаивал на своём. Жена не выдерживала истерического плача сына и возвращалась включить свет.

«Заснуть так, чтобы и его крик не смог разбудить меня», – мечтал Герой. Вошла жена, разделась и легла. Движение воздуха от её укладывания в постель донесло до него запах пота. Он лежал к ней спиной и притворялся, будто спит. «Ты что, уже дрыхнешь?» – спросила жена, но Герой ничего не ответил. Этим вопросом у них в последнее время исчерпывалось общение в постели. Но теперь Герой думал только об одном – как уйти в сон. Он услышал, как жена открывает ящик тумбочки, вытаскивает вибратор и настраивает его на любимую скорость. Жужжание вибратора погрузило Героя в желанный сон.

Когда он проснулся – он увидел склонённое над ним лицо мужчины. Мужчина был одет в деловой костюм, и на шее у него висел стетоскоп. Рядом появилось испуганное лицо жены.

– Как вы себя чувствуете? – спросил мужчина, и Герой понял, что это врач, но не мог понять, зачем он здесь. Врач потряс Героя за плечо и повторил вопрос.

– Прекрасно, – ответил Герой и сел в кровати, – а, собственно, в чём дело?

Врач было открыл рот, но жена перебила его:

– Я не могла тебя разбудить, ты спал, будто мёртвый.

– Сколько времени? – спросил Герой.

– Три часа дня, – ответил врач.

Герой победно улыбнулся. Его мечта сбывалась – он становился неуязвимым.

– Ты чего улыбаешься? – тревога на лице жены быстро сменилась раздражением. – Ты ведь работу проспал. Я уже тебя и трясла, и водой обливала, и щипала – ничего не помогало.

– Папа, ты живой? – спросил сын, приоткрыв дверь в спальню.

– Спроси у мамы, – сказал Герой.

Врач тем временем кончил измерять пульс. Затем он стал исследовать глаза Героя, прослушивал сердце и наконец глубокомысленно объявил, что Герой вполне здоров, однако он хотел бы его исследовать более подробно в больнице. В заключение он заверил, что случаи летаргического сна крайне редки и столь крепкий сон Героя можно объяснить нервным переутомлением. Врач ушёл с плохо скрываемым недоумением на лице.

А в сердце Героя kloкотала радость победы. Он чувствовал в себе небывалую силу. «Вот почему крепкий сон называют в сказках богатырским», – думал Герой. Ему не терпелось ещё раз испытать силы своей души, которые так успешно противостояли напору чужого мира. Визит врача придал ему статус больного, несмотря на диагноз абсолютного здоровья, поэтому Герой решил не вставать с постели. Он взял книжку, но читать не мог и положил её рядом с собой. Он смотрел в окно, в котором покачивались стареющие деревья.

– Так и будешь весь день валяться? – спросила жена, входя в комнату. – Я ведь из-за тебя тоже на работу не пошла.

– Я спать хочу, – сказал Герой, по-прежнему глядя на деревья.

– После смерти выспишься, – ответила жена. Она хотела сказать что-то ещё, но закричал сын, и жена выбежала из комнаты.

Он смотрел на деревья и думал о том, как безразличен он людям и как люди безразличны ему. Вот они рождаются, проходят все стадии жизни, и для тебя это представляется таким естественным, и чувства этих людей не трогают тебя. Когда же они умирают, ты просто переводишь взгляд на других, ещё молодых, и жизнь для наблюдателя продолжается непрерывно. Но когда-то поймёшь, что ты не наблюдатель, а участник, а значит, смерть придёт и к тебе и кто-то другой так же легко переведёт свой взгляд с тебя на кого-то другого. И никто не поймёт предсмертных чувств твоих, пока не умрёт сам, но будет уже поздно и для него, и подавно – для тебя. Так, непониманием друг друга, люди ограждены от преждевременного знания смерти.

Героя стало клонить в сон, и он обрадовался этому мягкому, но властному ощущению. Он заснул ранним вечером и не слышал ни шума телевизора, ни плача сына, ни крика жены. Он лишь чувствовал растущую глубину покоя, который заполнял его.

Утром жена обнаружила, что тело Героя холодно. Вызванный врач констатировал смерть. Жена, напуганная и растерявшаяся, плакала без всхлипываний и мучилась кошунственным чувством облегчения, которое она опознала среди своих ощущений горя, ужаса и беспомощности. Приехала тёща и, бегло взглянув на нелюбимого зятя, увезла внука к себе. Когда на вопрос мальчика: «Что случилось с папой?» тёща ответила: «Он умер», – мальчик ринулся к телефону.

– Ты кому звонишь? – удивилась тёща.

– Я хочу попрощаться с папой, – сказал сын.

Мускулистая смерть

Его огромные мускулы прельщали женщин.

Зная об этом, Нар всегда ходил напрягаясь, чтобы мышцы выступали рельефнее. Он никогда не держал руки, что называется, «по швам», а присгибал их в локтях, выпячивая грудную мускулатуру. Это влекло за собой и поднятие плеч, которые хоть и были от природы покаты, но, обросшие мышцами, казались широкими. Постоянное напряжение так вошло у него в привычку, что даже во сне он поигрывал бицепсами.

В семнадцать лет он уехал из маленького городка в столицу, поступил в институт и взялся за изучение наук с настырностью и усидчивостью провинциала. Но не меньше усилий он посвящал спорту. Увидев однажды фотографию знаменитого культуриста, Нар раздобыл журналы и книги по культуризму, и стены в его комнате быстро украсились фотографиями, но не женских, а мужских тел, состоявших из гипертрофированных сгустков мышц, за возвращение которых культуристы получали международные призы.

Чем больше мышц появлялось на теле Нара, тем больше он проникался к нему любовью. Особенно ценил он своё тело за способность привлекать внимание женщин. Правда, это удавалось не со всеми. Вернее, внимание обращали практически все, но то тёплое внимание, которое так легко переходит в нежность, доставалось ему не всегда. Некоторые девушки иронически смотрели на его топорщащийся на мышцах пиджак и спрашивали:

– Ты что, туда вату подкладываешь?

– Можешь потрогать – всё настоящее, – серьёзно отвечал Нар.

– Как-нибудь в другой раз, – говорили девушки, предпочитая верить ему на слово.

На одной из первых студенческих вечеринок некая любознательная девушка попросила его показать ей мышцы воочию. Она провела Нара в другую комнату, где никого не было, и попросила его раздеться до пояса. Пока он аккуратно укладывал пиджак и рубашку на стул, девушка успела раздеться полностью, бросив одежду на пол, так что, когда он повернулся к ней, ему предстало зрелище, которое он увидел впервые в жизни.

– Какая у тебя большая грудь, как у женщины, – воскликнула она и поцеловала его в сосок.

Он рефлекторно напряг мышцу, и грудь подпрыгнула. Девушка рассмеялась и поцеловала его в губы.

Несмотря на то, что мозг его норовил отключиться и предоставить телу свободу, всё-таки Нар успел связать два факта: начальный интерес девушки к его атлетической фигуре и получаемое наслаждение. И впоследствии Нар замечал, что все любовные испытания, которым он подвергал своё тело, происходили по одной и той же схеме: женщина, восхитившись его телом, предлагала своё. Усвоив эту закономерность, Нар стремился, чтобы она срабатывала как можно чаще.

Лето он старался проводить на пляже, даже если дни были пасмурные. Он ходил вдоль берега, заговаривая с девушками. Иногда он играл в волейбол, но из-за обилия мышц движения Нара оказывались скованными и недостаточно быстрыми, так что некоторые худощавые игроки, которых он про себя называл «бегунами», играли живей его. Поэтому, сделав несколько ударов, чтобы продемонстрировать мускулатуру в движении, он выходил из круга, будто бы разочаровавшись в квалификации остальных. Зимой Нар с бравым видом выходил во двор натираться снегом и старался никому не показать вида, что ему холодно. Он также ходил на реку, где в определённом месте плавали «моржи». С каменным лицом он окунался в большую прорубь и отталкивал от себя льдины. Вокруг собиралась толпа зрителей, постукивающая ногу об ногу от мороза, и Нар вылавливал из неё восторженные взгляды. Ничего удивительного, что зимой Нар обыкновенно ходил простуженный.

Однако, к его величайшему сожалению, большую часть времени приходилось носить одежду, и, уж коль одежда скрывала его мускулатуру, он старался перенести на одежду ту функцию привлечения внимания, которую выполняло бы тело, будь оно обнажено. Посему цвета он выбирал в гамме от ярко-зелёного до оранжевого, а фасоны изобиловали выточками, хлястиком, кармашками, окантовками и прочими ухищрениями. Увидев Нара в очередном наряде, один из приятелей сказал ему:

– Уж ты бы лучше разделся, был бы хоть вид попрстойнее.

А когда ему кто-нибудь говорил в лоб, что он одевается безвкусно, Нар требовал логических доказательств, которых, конечно, ни у кого не находилось, и он чувствовал себя победителем.

Иногда, разглядывая своё тело, Нар вспоминал, что он должен когда-то умереть и что столько трудов, положенных на выращивание таких красивых мышц, пропадут бесследно вместе с самими мышцами. В ужасе отшатнувшись от этой мысли, Нар запикивал её в тёмный угол сознания и направлялся на тренировку. Проходя по улице мимо витрин магазинов, он смотрел на своё отражение и радовался, что ещё молод и ему предстоит долгая жизнь с таким красивым и сильным телом.

Как-то он увидел объявление о приёме в студию пантомимы. Нар записался в тот же день и с радостью купил себе униформу мимов – чёрное трико. На первом занятии правый рукав лопнул по шву, когда он резко согнул руку. Но одна из студенток вызвалась зашить его. Когда через несколько дней они оказались в постели, девушка поведала ему о своих опасениях забеременеть и наотрез отказалась принимать всерьёз противозачаточное средство, которое он стал было напяливать неумелыми пальцами. В качестве компромисса девушка повернулась к нему спиной.

Поначалу Нар был шокирован, так как у него возникли ассоциации с педерастией, но потом желание взяло верх, и он с грехом пополам от него избавился. Нар чувствовал, что девушка ожидает от него какого-то компромисса, чтобы получить ту долю ощущений, которые по законам природы причитались и ей, но, оказавшись в удовлетворённом состоянии, он уже не хотел о ней думать и любовался мышцами своего брюшного пресса. Девушка с нежностью рассматривала тело Нар а, послужившее ей объектом эстетического восхищения, которого у неё хватило лишь на ещё одну встречу.

Отзанимавшись мимическим искусством около месяца, Нар решил продемонстрировать приятелям свои успехи. Он не поленился переодеться в чёрное трико и объявил название номера – «Хищная птица». То, что он пытался изобразить, перегибаясь в талии и оттопыривая руки назад, более походило на упражнение для косых мышц спины. Некоторые зрители высказали мнение, что если уж это птица, то никак не хищная, а скорее всего домашняя, под названием «индюк». И действительно, в том, как он пыжился, определённое подобие наблюдалось, но его он легко достигал и вовсе без всяких занятий, о чём ему без оби-

няков поведала благодарная аудитория. После этого дебюта Нар прекратил свои занятия в студии пантомимы.

Все растущая любовь Нара к собственному телу постоянно вызывала у его знакомых желание над ним подтрунивать, и Нар воспринимал это стоически. Однако многих он просто раздражал, и, когда, бывало, ему говорили грубости, он, вместо того чтобы ответить тем же или просто прекратить с этим человеком общаться, начинал «выяснять отношения» и добросовестно удивлялся: «Ну, что я тебе сделал?», – так что на него махали рукой и отходили в сторону.

Несколько раз, когда назревала драка из-за совсем уж невыносимых оскорблений, Нар раздувал мышцы и сверкал глазами в направлении обидчика, чем ему удавалось устрашить противника и заставить его совершить примирительные действия, за которые Нар охотно хватался.

Как-то раз он шёл по улице с девушкой и проходящий мимо парень толкнул его. Нар остановил его за рукав и потребовал извинения. Тот послушно остановился, будто прикидывая, извиниться или нет, и вдруг сильно ударил Нара в лицо. Нар на секунду потерял сознание, но удержался на ногах. Придя в себя, он увидел, что парень бежит, быстро удаляясь. Нар бросился за ним, но очень скоро почувствовал, что парня ему не догнать – Нар бегал медленно, да тот уже и скрылся из виду. Нар вернулся к плачущей от испуга девушке, крови на лице не было, а боль быстро прошла. Девушка в этот вечер была очень ласкова, а Нар вслух негодовал на «подлеца», внимательно изучая своё неповреждённое лицо в зеркальце её пудреницы.

Приходя «качаться» в спортивный зал, Нар приносил с собой литр молока в картонном пакете, который он ставил рядом со штангой и выпивал за время тренировки. В каком-то журнале он вычитал, что именно таким способом резко ускоряется рост мышц. В один из дней в зале проходила тренировка волейболисток, и к нему часто забегали девушки забрать залетевший мяч, так как в то время Нар самозабвенно выжимал штангу. Одна из девушек, забирая мяч, спросила его, зачем он пьёт молоко. Нар объяснил, а она глупо захихикала. Вскоре у волейболисток начался перерыв, и они расселись неподалеку от Нара. Он же старался не обращать на них внимания, будучи уверен, что большинство девушек наблюдает за ним. Поотжимав штангу, он принимался попивать молоко очень маленькими и медленными глотками – так было указано в журнале. В то же время он как бы невзначай поворачивался к девушкам разными сторонами своего тела. Та, что подбегала за мячом, спросила его издали, давно ли он занимается культуризмом. Нар ответил ей, напрягая голос, чтобы она, да и все остальные, услышали его.

– А правда ли, что культуристы бреют тело?

– Да, это необходимо для соревнований, – подтвердил Нар, вспоминая, что ему пора подбрить грудь и под мышками.

– И сколько вы молока выпиваете? – спросила любознательная девушка.

– Один литр за тренировку, – с готовностью ответил Нар и, чтобы поддержать разговор, добавил, сделав очередной глоток: – Ну и молоко теперь делают – настоящая вода.

Все девушки вдруг покатались от хохота. Оказалось, что, когда Нар отлучался в туалет, девушки выпили почти всё молоко и налили вместо него воду, а Нар, вернувшись, продолжал её пить, ничего не подозревая. Когда девушки рассказали ему об этой шутке, Нар снисходительно посмеялся вместе с ними, хотя на душе у него было неприятно – впервые над ним смеялось столько женщин и именно тогда, когда он был во всеоружии, то есть с обнажённым телом.

Этот случай увеличил его копящуюся неудовлетворённость женщинами. Вообще говоря, больше всего ему нравилась завязка отношений, которая состояла в восхищении его телом. Однако связь быстро утомляла Нар а, потому что женщинам приходилось потакать,

вынуждая себя на ответное восхищение. Впрочем, и женщины почему-то быстро охладевали к нему. Кроме того, тренировки и занятия в институте отнимали у Нара много энергии, и чем рельефнее становились мускулы и глубже знания по предметам, тем реже просыпался у него интерес к женскому телу. Потому он стал воспринимать как назойливый укор постоянную готовность женского тела к совокуплению, о которой некоторые женщины осмеливались ему намекать. Самое большое удовольствие он получал, когда женщина делала ему массаж, так как он знал, что в это время она любит его телом. А во время объятий ему всегда казалось, что женщине безразлично, он это или кто-либо другой – ведь чем крепче объятия, тем меньше она может видеть его тело. Нар также опасался, что продолжительное движение бёдрами, которого от него так жадно ждали женщины, приводит к непропорциональному развитию мышц, опоясывающих талию, и таким образом нарушается силуэт его фигуры. Поэтому он предпочитал посадить женщину на себя, чтобы его тело было всегда ей видно, да и двигаться ему тогда почти не приходилось.

С одной девушкой он встречался около года и даже продумывал возможность женитьбы. Но однажды она упомянула, что у неё было воспаление придатков, и Нар настоятельно стал её подробно расспрашивать, как долго длилась болезнь, как девушку лечили и лежала ли она в больнице.

– Что ты так забеспокоился? – удивилась она. – Ведь всё давно прошло.

– Но я читал, что женщина может стать от этого стерильной, – пояснил Нар. Иногда ему нравилось представлять себе будущего сына, с восхищением смотрящего на своего сильного отца. И чем больше он об этом думал, тем яснее он понимал, что не может поставить на карту свою жизнь так легкомысленно – если девушка не сможет забеременеть, придётся разводиться и ломать всю жизнь.

Но встречаться с этой девушкой он продолжал, так как жила она рядом, что было очень удобно. Наступил день её рождения, и Нар подарил ей очень красивую открытку. Преподнес он её в конверте, да так церемонно и торжественно сдобрил её столькими витиеватыми пожеланиями, что девушка вынуждена была его прервать.

Нар допытывался у неё весь вечер, почему у неё такое плохое настроение, а когда на следующий день он ей позвонил, она сказала, что больше не хочет его видеть.

– Почему? – искренне удивился Нар. – Может быть, я сделал что-нибудь не так, ты скажи мне.

Но она не пожелала ничего объяснять и попросила больше ей не звонить. Сначала он решил пойти к ней и потребовать объяснений, но потом подумал, что это не гордо, и сел писать обстоятельное письмо, где на пяти страницах логически доказывал, как важно им оставаться вместе. «Уж если это письмо её не убедит, то я не намерен больше унижаться», – сказал он себе, очень точно предчувствуя, что она ему не ответит.

Самой большой статьёй расхода в бюджете Нара была еда.

Тучные мышцы нужно было содержать – они нуждались в хорошем и обильном питании. Желудок его неохотно принимал рубленое мясо и настоятельно требовал грудинку, филейные и прочие мясные части. Фрукты вызывали у него особое вожделение. Если перед ним ставили вазу с фруктами, он не мог остановиться, пока не съедал всё. Поэтому в гостях он себя вёл демонстративно непринуждённо, будто бы и все вокруг обладают таким же аппетитом. На предложение поесть он соглашался тотчас, но всегда добавлял: «Только, пожалуйста, чуть-чуть». В ожидании супа он выбирал самый большой кусок хлеба, который он тщательно намазывал жирным слоем масла, так что поверхность хлеба не просвечивала, затем он укрывал этот слой несколькими кусками колбасы или мяса – сыра он не любил, считая его малокалорийным. Потом Нар милостиво принимал тарелку супа, соглашался на добавку, досконально очищал тарелку со вторым и был готов к десерту. Шоколад он хоть и любил, но старался много не есть, опасаясь испортить зубы. Так как безостановочно есть фрукты

ему было неудобно, Нар вставал из-за стола и, разговаривая с тем или другим, старался проходить мимо вазы с фруктами и как бы невзначай брать то яблоко, то грушу, то ещё что-то. Благодаря таким пищеварительным способностям, мышцы Нара прямо рвались из-под тонкой плёнки кожи, которая кое-где напоминала даже не плёнку, а сеть, накинутую поверх мускулов кровеносными сосудами.

В одни из летних каникул Нар поехал отдыхать на взморье со своим другом. Все дни они проводили на пляже, где старались познакомиться с каждой миловидной девушкой. Наметив очередную разомлевшую на солнце жертву, Нар возглавлял атаку. Его друг был чуть позади, а Нар, потрясая мышцами, произносил, заслоняя собой солнце, что-нибудь глупокомысленное официальным басом:

– Надеюсь, мы вам не помешаем, если расположимся поблизости от вашей очаровательной спины.

Каждый раз его друг внутренне морщился от фальшивости такого вступления, тем более когда девушка откликнулась с явной иронией, и заговаривал сам, спасая положение. Его собственное тело выглядело щупленьким на фоне Нара, но он мог разговаривать с любой девушкой так легко, будто знает её с раннего детства. Нар никак не мог понять, почему девушки часто отдавали предпочтение его другу, и, чувствуя себя задетым, старался не подавать вида и до упора расправлял плечи.

Раз в день они ели в ресторане и договаривались для удобства платить одному за двоих по очереди раз в день. Так получалось, что когда платил Нар, он съедал в два раза больше, чем друг, а когда была очередь платить другу – больше в три раза. Друг заметил, но ему было неудобно заводить об этом разговор. Нечто аналогичное происходило и с едой, которую они готовили дома, так как расходы они договорились делить пополам.

Как-то вечером, готовясь отправиться на прогулку, Нар сидел у зеркала и, жестоко расправившись с незваным прыщом, залеплял образовавшуюся воронку некоей мазью. К нему подошёл друг и попросил дать этой мази, так как у него треснула кожа между пальцами ног от ежедневного пребывания на пляже. Нар, не отрываясь от зеркала, сказал:

– Не могу, это очень дорогая мазь, которую я с трудом достал. Я её использую только для лица.

– Ну и дерьмо же ты, – потрясённо протянул друг.

– Ты думай, что говоришь, – грозно обернулся к нему Нар, держа двумя пальцами тюбик с мазью.

До самого отъезда друг с ним больше не разговаривал, хоть Нар и обращался к нему несколько раз с фразами типа: «Не понимаю, что ты сердишься на меня», пока друг не пояснил, что знать его больше не желает. После такого откровения Нар тоже самолюбиво замолчал.

Вместо дружбы Нар чувствовал вокруг себя что-то другое. После тренировок, моясь в душе, Нар часто замечал восхищённые взгляды мужчин, и он отгонял смущение, неизвестно почему появлявшееся. Однажды в раздевалке, когда он тщательно вытирался после душа, с ним заговорил мужчина. Спина у него была густо волосата, а грудь совсем безволосая. Нар замечал его и раньше, так как они обычно тренировались в одно и то же время. Нар обращал внимание, что тот пристально наблюдает за ним во время тренировок, и воспринимал это как естественное восхищение любителя профессиональной мускулатурой. И действительно, мужчина стал хвалить его телесные достижения и похлопал Нара по плечу. Потом его рука скользнула на талию, и затем он коснулся ягодиц Нара и выразительно посмотрел ему в глаза. Тут Нара осенила догадка об истинной подоплёчке восхищения, и он резко отшатнулся от мужчины. И когда тот протянул руку опять, Нар изо всех сил оттолкнул его, и мужчина ударился спиной о шкафчик.

– Проваливай! – с угрозой в голосе, но не чувствуя злости, крикнул Нар.

– Дурак ты, дурак! – примирительно сказал мужчина и, держась рукой за ушибленное место, отошёл к своему шкафчику в другом конце раздевалки. Нар поспешно оделся и в смятении вышел на улицу. Шагая, он думал, что, наверно, и раньше то, что он воспринимал как дружеское мужское восхищение его тренированным телом, было далеко не дружеским. Он вспоминал, как несколько раз в душевой мужчины заговаривали с ним, восхищаясь его телом, и в их глазах был уж слишком яркий огонёк. Раз какой-то мужчина похлопал его по заду, но это было как бы в шутку – мол, даже здесь у тебя столько мышц, – и Нар, хотевший было уже рассердиться, вмиг успокоился от общуемого прикосновения.

Нар у вспомнились и насмешки приятелей по поводу его походки. Он старался выработать у себя мужественную походку, однако шутники утверждали, что он виляет задом, как женщина. Нар прохаживался перед зеркалом, и то, что другим представлялось вилянием, Нар называл чёткой работой ягодичных мышц. И теперь, идя по улице, он пытался представить себя со стороны, но и не намеревался менять походку, а лишь силился определить, глядя на прохожих, кому из них его походка может показаться соблазнительной. Эти мысли казались ему неприличными, но он вразумлял свою смущённую совесть тем, что он не может отвечать за чувства посторонних людей, если его тело настолько красиво.

Нар постоянно возвращался в мыслях к случаю в раздевалке и вынужден был признаться себе, что отвращения он не испытывал, а только рефлекторный страх. Более того, ему пришлось по вкусу это агрессивное восхищение его телом, которое никогда не исходило от женщин. В женском восхищении он всегда чувствовал излишнюю нежность и скрытую корысть, которая заключалась в желании получить ответное восхищение. Женское же тело восхищало его постольку, поскольку оно оказывалось приспособленным сопрягаться с его телом. Последнее время он часто ловил себя на мысли, что женское тело всё сильнее ощущалось им как чуждое. Он сравнивал его со своим телом, и своё ему нравилось значительно больше, поэтому, когда он неожиданно для себя вдруг представил себе тело того мужчины, оно ему показалось более близким, потому что более походило на его собственное.

Нар уже два месяца не встречался с женщинами, так как интенсивно готовился к ответственным соревнованиям. Он был твёрдо убеждён, что половые сношения наносят вред спортивной форме. Замеряя сантиметром свою талию, грудную клетку, икры, шею, он с радостью убеждался, что размеры приближаются к идеальным, выведенным в специальных таблицах. Видя на тренировках своего агрессивного почитателя, Нар его демонстративно не замечал, а тот лишь улыбался, но не подходил и не заговаривал.

На соревнованиях Нар занял четвёртое место, что, вообще говоря, было неплохо, но оно не принесло тех аплодисментов и наград, которыми были одарены первые три призёра. Поэтому Нар был не в духе. Самое обидное было то, что его не вызвали на сцену при объявлении победителей и он не получил поцелуя и цветов, которые дарили хорошенькие девушки. Погружённый в эти невесёлые мысли, Нар не заметил, как к нему кто-то подошёл. И только когда он почувствовал чью-то руку на своём плече, он резко обернулся. Перед ним стоял его мужчина.

– Чего надо? – грубо сказал Нар и напряг мышцы.

– Они засудили тебя, – с пылким вдохновением сказал мужчина. – Я был в зале и всё видел. Первое место должно было быть твоим. Ни у кого нет прекрасней тела, чем у тебя.

Нар невольно почувствовал горячую приятность этих слов и привычно бросил взгляд на своё отражение в зеркале, висевшем на стене напротив. «Ничего страшного, если я поговорю с ним немножко», – подумал Нар и произнёс вслух:

– Я тоже был уверен в первом месте. У меня идеальные параметры.

– Вот именно, идеальные, – подхватил тот. – Послушай, я давно хотел предложить сфотографировать тебя. Я – профессиональный фотограф, и у меня дома маленькая студия.

Я считаю, что тебе нужно послать свои фотографии в несколько журналов. Только через прессу ты сможешь получить настоящее признание.

Сердце Нара забилося быстрее обычного. «Признание» – какое точное слово. Его идеальная мускулатура заслуживает всеобщего признания. Нар представил себе, как люди раскрывают журнал, смотрят на его огромные мышцы и загораются безысходной завистью и непреодолимым восторгом.

– Хочешь, я сделаю несколько пробных фотографий? – услышал Нар.

– Когда? – вырвалось у него.

– Да хоть сейчас.

Нар подумал, что это первый раз в жизни, когда он ощущает такой настойчивый интерес по отношению к себе, и это было так сладко. «Наверно, женщины испытывали то же, когда я уговаривал их», – подумал он.

И хотя он знал, что предложение сфотографироваться не безгрешно, Нар попытался отогнать это знание железной палкой логики, говоря себе, что если тот будет приставать, то он свернёт его в бараний рог.

– Хорошо, но только недолго, – согласился Нар и снова вспомнил, что так часто отвечали ему женщины, которых он зазывал к себе домой. Мужчина не обманул – его квартира представляла собой нагромождение фотоаппаратуры, среди которой стоял большой диван, единственный предмет, который указывал, что это жильё. Фотограф вытащил откуда-то бутылку, но Нар отказался пить. Нара всё время не отпускала мысль, что он находится в положении женщины, и ему нравилось, что за ним ухаживают, обхаживают, прельщают.

Фотограф развернул большой экран, включил яркие лампы и сказал Нару, чтоб он разделся. Нар послушно снял тренировочный костюм, кеды и остался в трусиках. Фотограф, у которого оказались очень длинные и ловкие пальцы, оценивающе посмотрел на Нара, и пальцы его, охватившие и поглотившие в себе камеру, замерли на мгновение.

– Снимай всё. Слышал про «обнажённую натуру»?

– Слышал, – сказал Нар и, подумав: «А почему бы и нет», снял трусы.

Впервые он чувствовал такое острое смущение перед мужчиной, и уши у него покраснели.

– Иди сюда, – позвал его фотограф, и в голосе его прозвучала нежность.

Он расположил Нара перед экраном, найдя неопровержимый предлог для лёгких прикосновений к его телу, и нырнул под кусок чёрного бархата, накинутого на камеру, оставляя на поверхности свои пальцы, прикасающиеся к различным её частям. Нар вставал в различные позы, а фотограф щёлкал затвором.

– Ну, пожалуй, хватит на сегодня, – сказал фотограф, и яркий свет потух.

Нар почувствовал себя неловко в наступившем полумраке и направился к своей одежде. Но мужчина оказался рядом с ним и, обняв Нара за талию, молящим голосом произнёс: «Дай мне дотронуться до твоего божественного тела. Пожалуйста, не уходи. Я сделаю из тебя знаменитость – все будут мечтать посмотреть на тебя. Ты будешь богат и знаменит, а я буду охранять и лелеять твою красоту».

Нар живо нарисовал в своём воображении картину своей жизни в богатстве и знаменитости, чувствуя телом не руки мужчины, а каждый его палец в отдельности. Нар понял, что он никогда бы себе не простил, если бы упустил такую возможность, и постарался расслабиться.

Через час Нар, встревоженный и разочарованный, шёл домой. Встревожен он был болью, которую ему причинил мужчина, и боль эта не проходила. Нар взял такси, но и сидя он чувствовал боль. Страх охватывал его, что телу его нанесён непоправимый ущерб, телу, на красоте и здоровье которого строится вся его жизнь. Нар хотел было поехать в больницу, но стыд удержал его, и он решил подождать до утра.

А разочарован он был равнодушием мужчины к его телу, которое наступило сразу после утоления желания. Нар чувствовал себя обманутым, ведь он на какое-то время поверил, что нашёл человека, который по-настоящему восхитился красотой его тела.

Наутро боль почти прошла. Нар твёрдо решил больше никогда не встречаться с фотографом. Три дня он из предосторожности не ходил тренироваться, ожидая, чтобы боль прошла совершенно. Когда он пришёл в спортивный зал, он сразу увидел фотографа. Во время тренировки они оставались в разных концах зала, и тот не подходил к Нару, будто чувствуя себя виноватым. В раздевалке он появился перед Наром с длинным рулоном в руках.

– Это тебе, – сказал он. – Твоя фотография, на всю стену. Потрясающе получилось. У меня дома остались другие фотографии, если хочешь, зайдём.

Нар взял рулон:

– Спасибо за фото, но больше ничего подобного не повторится, – сказал он и подумал, что эту фотографию он честно заработал. Фотограф почему-то не стал настаивать и лишь смотрел на походку удаляющегося Нара.

Придя домой, Нар развернул рулон на полу. По углам он разложил книги, чтоб фотография не сворачивалась, и его взору открылось идеальное тело. Игра светотени на мышцах была сделана так умело, что они выглядели ещё больше и рельефнее, чем на самом деле. Нар поднял фотографию с пола и прикрепил её к стенке. «Надо будет сделать красивую раму», – подумал он, отойдя к противоположной стене и не в силах оторвать восхищённого взгляда. Он изучал каждый участок своего тела на фотографии и не находил ни малейшего изъяна. Он был запечатлён с очень серьёзным выражением лица, которое у него всегда появлялось, лишь стоило ему напрячь мышцы рук или брюшного пресса. Нар считал, что это выражение придаёт лицу вид красивого благородства. Его руки на фотографии были согнуты в локтях и подняты на уровень плеч, одна нога чуть выставлена вперёд – классическая поза культуриста – и единственное, что было необычно: он был не по-спортивно голый. Остановив взгляд на своём детородном органе, Нар вдруг подумал, что и он так же красив, как остальные части его тела. Думая об этом, он почувствовал растущее вожделение к себе. Его рука инстинктивно потянулась к брюкам и расстегнула их. Так, не сводя глаз со своей фотографии, Нар привёл себя к наслаждению, которое потрясло его своей силой. То, что он испытывал к женщинам, не шло ни в какое сравнение. И что больше всего его обрадовало – это восхищение, которое не перестала вызывать у него фотография после его облегчённого вздоха. Ему показалось, что восхищение даже упрочилось. Через несколько минут его желание возродилось вновь, чего тоже не бывало с ним раньше – обыкновенно ему требовалось на это около часа. Нар ликовал, глядя на своё огромное изображение, и то отождествлял его с собой, то видел в нём сказочного полубога. Только теперь он понял, что кроется под словом «любовь». Она наполняла всю его душу великой радостью просветления, которое понималось его телом как нескончаемая страсть. Пожирая глазами своё изображение и пытаясь уже в какой раз выплеснуть свой восторг, Нар вдруг почувствовал острую боль в груди и, не успев даже испугаться за своё тело, рухнул на пол.

Когда обнаружили его тело и непристойную причину его смерти, было решено похоронить Нара как можно быстрее и без шума. Быть может, из-за такого решения на похоронах, кроме несчастных родителей, прилетевших из своего городка, было лишь два официальных представителя из института. Когда на следующий день после похорон родители пришли, чтобы посадить на могиле цветы, они, к своему изумлению, обнаружили, что на ней уже цветёт одинокий белый цветок на длинном стебле.

Пустая почта

To A. S.

Почтальон появлялся около трёх часов. Но уже после завтрака Сэнди садилась напротив окна с книжкой и миской попкорна и ждала. Книга лежала на коленях на случай, если по телевизору окажется неинтересная программа, но обыкновенно передачи увлекали её больше, чем книга. Однако полностью сосредоточиться ей было трудно – слишком сильны были фантазии о том, что может оказаться в сегодняшней почте. Ещё с детства у неё были предчувствия, что почта принесёт ей большую радостную новость. Когда Сэнди была маленькой девочкой, не умеющей читать, у неё замирало сердце от шуршания брошенных почтальоном писем о металлические стенки почтовой щели. Сэнди удивлялась, почему мать не только не торопится взять почту, но, наконец подняв её с пола, кладёт конверты на стол в гостиной и не распечатывает их, пока не кончит свои дела на кухне. «Быть может, в письмах сообщалось о чём-то важном и замечательном», – думала Сэнди. Позже она поняла, что вовсе не обязательно вскрывать конверт, чтобы узнать, что это счёт или непрошенная реклама. Но и для повзрослевшей Сэнди даже самый ненавистный счёт таил в себе некую загадочность и особенное содержание, поскольку присылался по почте. Сэнди вскрывала конверт ножом из слоновой кости, на который она потратила свой недельный заработок в суеверной мечте, что такой красивый и дорогой нож должен магическим способом привлечь счастливую корреспонденцию. Это напоминало жертвоприношение божеству. Она внимательно рассматривала конверт, марку, штемпель с указанным днём отправки, затем вынимала счёт, изучала, от кого он, на какую сумму, за что, каков срок оплаты, есть ли штраф за задержку, и откладывала его в папку с копящимися счетами.

Сэнди уже месяц как не работала. Она разругалась с хозяйкой, забрала все свои инструменты и ушла, хлопнув дверью. Сэнди закончила школу собачьих парикмахеров и еле сдерживалась, когда хозяйка, не имевшая специального образования, делала ей замечания. Наконец Сэнди взорвалась, когда хозяйка стала показывать ей, как нужно подстригать шерсть на ногах у пуделя:

– Стригите сами! И нечего меня поучать! – крикнула ей в лицо Сэнди и оставила хозяйке достригать удивлённую собаку.

За время отдыха у Сэнди зажили руки от собачьих укусов, и кожа исторгла маленькие кусочки шерсти, которые вьедались клещами, вызывая зуд и боль.

Сэнди томилась своим досугом. Мать с утра уезжала на работу, ворча, что Сэнди опять будет целый день бездельничать. Сэнди старалась промолчать – ведь мать не требовала денег ни за еду, ни за жильё.

Плотно позавтракав, Сэнди убирала дом, заполняя своим большим телом маленькие комнаты. «Что же будет сегодня в почте?» – сладко волновалась она. С месяц назад к ней пришло предложение о подписке от распространителей различных журналов. Одновременно с подпиской происходило участие в лотерее. Сэнди подписалась на «Плэйгёрл» и с трепетом ждала теперь не только первый номер журнала, но и возможный выигрыш. Она планировала, как бы она потратила эти деньги: прежде всего она купила бы машину и сняла бы квартиру в центре города. Теперь ей приходилось ехать около часа на автобусе, чтобы добраться до центра. Впрочем, в последнее время у неё редко появлялось желание куда-нибудь ехать развлекаться. Если она сидела в баре, к ней никто никогда не подходил. Часто она замечала, как косятся на её тучное тело. Две подруги, которые у неё были со времён школы, повыходили замуж, нарожали детей и жили миль за двести в маленьких городках. Так что одной ходить было неловко, и лишь иногда она выбиралась в кино.

Но большое тело Сэнди порождало большие желания, удовлетворить которые жизнь не предоставляла возможности. Свою девственность она с готовностью потеряла в 18 лет с 15-летним неразборчивым мальчиком, и с тех пор судьба улыбалась ей считанные разы, да и улыбки эти были мгновенными и далеко не очаровательными.

В один из дней почта упала на пол тяжелее, чем обычно. Это был долгожданный журнал. Сэнди подпрыгнула от радости, и дом дрогнул от её веса. Она раскрыла вспотевшими пальцами скользкие страницы. О, сколько бы она отдала, чтобы хоть минуту провести с одним из этих мужчин!

Прежде чем уединиться с ними в спальне, она просунула руку в почтовую щель, проверить, не застряло ли там письмо.

Однажды там действительно застряло письмо, и с тех пор Сэнди проверяла несколько раз в день, пуста ли щель, удлинняя таким способом жизнь надежды.

Она заказала по почте приглянувшийся вибратор, который рекламировали в журнале, и стала ждать получения посылки трепетно, как свидания. А пока она привычно заманивала наслаждения пальцем.

Однажды утром, натягивая на себя джинсы, Сэнди не смогла застегнуть молнию – они стали невыносимо малы. Сэнди обрадовалась, что теперь у неё есть предлог, чтобы погулять по торговому центру и купить новые джинсы. Она любила уходить из дома, чтобы отвлечься от ожидания почты и чтобы ко времени возвращения домой почта уже лежала в ожидании её.

Однако купить джинсы не удалось – не оказалось достаточно большого размера, и нужно было ехать в специальный магазин, где продают одежду только больших размеров. Но этот магазин находился на другом конце города, так что Сэнди решила вернуться домой – почта должна была уже прийти к её возвращению. Сэнди вспомнила своё ощущение, когда несколько лет назад она уезжала на неделю в отпуск. И всё одинокое время отпуска украшалось предвкушением разбора недельной почты. «В шесть раз больше писем», – подсчитывала Сэнди, невидящим взглядом смотря в раскрытую книгу. Сколько радости и надежды вскрывать один конверт и видеть, как другие в стопке поджидают тебя, – у неё было такое ощущение, будто мир со всеми неисчерпаемыми и непредвидимыми возможностями проскользнул в отверстие почтовой щели.

Дома её ждала посылка с вибратором. Она набросилась на него, и начался её медовый месяц. Но потом холодная механическая исполнительность ей приелась, и Сэнди пользовалась его услугами с удовольствием, но без трепета. И только фотографии из «Плэйгёрл» придавали её ощущениям романтическую окраску. Потом на неё находила меланхолия от одиноко проходящей жизни, и она плакала навзрыд – тише у неё не получалось. Сэнди догадывалась, что, будь она не такой толстой, жизнь её значительно изменилась бы: она бы стала привлекать мужчин, так как лицо её было хорошеньким. У Сэнди скопилось целая библиотечка книг по всевозможным диетам, и она с увлечением следовала очередной из них в течение недели. По несколько раз в день Сэнди взгромождалась на весы и следила за стрелкой, которая еле удерживалась, чтобы не зашкалить. Однако ей никогда не удавалось сбросить вес более чем на 10 фунтов, после чего она уставала от диеты и набрасывалась на еду с новыми силами. Причём оказывалось, что после каждой диеты она набирала вес ещё больший. Однажды она обратилась в специальную клинику для похудения. Её посадили на диету, и Сэнди должна была каждый день ездить в клинику взвешиваться. Условия были такими, что, если она не укладывалась в рассчитанную шкалу уменьшения веса, Сэнди должна была платить штраф. Получалось так, что каждый раз ей приходилось выкладывать деньги. Поэтому, заплатив несколько раз штраф, она предпочла больше денег не тратить.

Больше всего Сэнди не любила воскресенье, так как в этот день не было почты. Да ещё мать сидела дома, поэтому Сэнди уходила в близлежащий торговый центр и глазела на витрины и на мужчин, проходящих мимо. Сквозь облегающие джинсы легко угадывался пол,

и Сэнди не могла оторвать взгляда от мужских разнообразных бёдер. «А что, если подойти к кому-нибудь, – мечтала она, – и сказать: давайте проведём вместе ночь, – или: – давай переспим, – или...» Но Сэнди знала, что у неё никогда не хватит духу это сделать.

Однажды она увидела по телевизору рекламу о компьютерном бюро знакомств. Сэнди отправила запрос и в один из дней получила по почте анкету. Это был для неё поистине праздничный день, открывший время надежд. Сэнди несколько раз перечитала анкету и в графе «отношение к сексу» поставила крестик на «очень либеральное». В остальные графы она не помнила, что вписала. Сэнди отправила анкету и деньги, и ей стали ежемесячно приходить списки мужчин с именами, адресами и телефонами. Звонить самой ей было неловко, но этого, как оказалось, и не требовалось – телефон стал звонить вечерами почти не переставая. Мать подозрительно смотрела на Сэнди, забиравшую телефон в свою спальню, и спрашивала Сэнди, когда та, возбуждённая от разговора, возвращалась в гостиную:

– Кто это звонил?

– Не твоё дело, – отвечала Сэнди.

– Нет, это моё дело. Вот когда будешь зарабатывать деньги и жить отдельно, тогда мне будет наплевать.

– А тебе и сейчас наплевать!

– Нет, не наплевать – вот занесёшь в дом ещё какую заразу. Кто это звонил!?

– Знакомый, – уступала Сэнди, не желая злить мать, так как чувствовала свою финансовую зависимость. Но Сэнди не хотела рассказывать, откуда она взяла столько знакомых, ей было стыдно своей беспомощности. Поэтому каждый раз она придумывала, что звонит один и тот же знакомый, чтобы не вызвать подозрения их обилием. Но материнских подозрений было и так предостаточно, так что Сэнди не раз с ненавистью смотрела на мать, смущаясь и наслаждаясь этим чувством.

Большинство мужчин спрашивали, сколько она весит, и, когда она называла вес, не проявляли желания встретиться.

Тогда она перестала называть свой вес, а просто говорила, что она полная. Таким образом, ей удалось встретиться с тремя, которые постарались сократить встречу до минимума, после того как увидели её. Один раз ей позвонил парень и, почти ни о чём не спрашивая, пригласил на обед. Он сказал, что заедет за ней. Сэнди кокетливо уложила свои густые чёрные волосы, надела платье с блёстками. Лицо своё она укрыла многослойными цветами косметики. Но никто не появился. Ехидный вопрос матери: для кого это она так разрядилась – дал выход её слезам, которые не принесли облегчения. Сэнди изучила себя и знала, что только оргазм может ослабить любое напряжение, будь то гнев, тоска или тревога. Поэтому она пользовалась вибратором не только чтоб притушить похоть, но и в терапевтических целях. Она заперлась у себя в спальне, и дрожь вибратора прекратила дрожь её тела.

Когда ей в очередной раз позвонил новый голос и договорился о встрече, Сэнди уже представляла, чем это может кончиться, и решила встретиться в баре, чтобы, во-первых, мать не оказалась бы свидетельницей ещё одного фиаско, если этот парень не придёт, и, во-вторых, чтобы хоть послушать музыку, после того как парень, увидев Сэнди, скажет, что ему срочно нужно куда-то уходить. Парень назвался Биллом и сказал, что будет в кожаной куртке. Сэнди сказала, что у неё коричневые глаза и чёрные волосы и что на кофточке у неё будет фарфоровая брошка, изображающая конверт.

Сэнди просидела за столиком в баре минут двадцать, наблюдая за тремя парнями, один из которых был в чёрной кожаной куртке. Она сосала свой коктейль и думала, Билл ли это и решится ли он подойти к ней. Парни пили пиво и громко смеялись. Сэнди заметила, что они поглядывают на неё. Она была уверена, что они смеются над её толщиной, и Сэнди было стыдно, будто она голая. То внимание, которое привлекало её толстое тело, всегда вызывало у Сэнди ощущение обнажённости. И ей пришла в голову мысль, что красивая женщина, на

которую все смотрят, тоже должна себя чувствовать, будто она голая. То есть равноценное по силе внимание обыкновенная женщина могла бы привлечь, только если бы она действительно появилась голой в общественном месте. А уродство и красота нейтрализуют одежду. Эти мысли отвлекли её, и она не заметила, как перед ней оказались трое, среди которых был парень в кожаной куртке. Он сказал под гогот остальных:

– Эй, милашка, давай заниматься штангой вместе.

– Какой штангой? – не поняла задрожавшая Сэнди. – Ты Билл?

Через секунду до Сэнди дошла шутка, и девушка снисходительно улыбнулась. Билл отхлебнул из кружки, заливая смех пивом, и сказал:

– А ты Сэнди.

Сэнди кивнула.

– Хочешь с нами прокатиться на машине? – спросил Билл.

– Можно, – согласилась Сэнди, удивлённая продолжением знакомства. Билл шепнул что-то своим приятелям, и они опять засмеялись. Сэнди почувствовала сыромятный запах кожи, который шёл от куртки Билла.

– Пошли, – сказал Билл, и Сэнди поспешно допила свой коктейль.

Когда она поднялась, приятели Билла опять загоготали, увидев тучность Сэнди во всей её красе.

– Езжай сам, – услышала Сэнди, как один из приятелей сказал Биллу, когда они подошли к машине.

– А вы что? – удивился Билл.

– А мы тебя здесь подождём, – сказал другой приятель. – Смотри не потеряй голову, – давясь от смеха, добавил он.

Сэнди покорно села в дряхлую машину.

– Ты где живёшь-то? – спросил Билл, когда они отъехали от бара. Сэнди назвала адрес. Билл молчал, и Сэнди ждала, что же будет дальше. Потом она не выдержала и спросила:

– Куда мы едем?

– К тебе.

– Ко мне нельзя, я живу с матерью, – спокойно сказала Сэнди.

– О чёрт, ко мне тоже нельзя. Чего же ты сразу не сказала? – раздражённо бросил Билл.

– А ты не спрашивал, – удивилась Сэнди и робко предложила: – Мы можем в мотеле остановиться.

– Ты что, смеёшься? Может, у тебя деньги есть?

– Нет, – сказала Сэнди и пожалела, что у неё нет этих проклятых двадцати долларов, из-за которых срывается приключение.

Они подъехали к дому Сэнди.

– Мать уже спит, – сказала Сэнди, увидев тёмные окна. Мимо проезжали машины, освещая фарами напряжённое лицо Билла и накрашенные губы Сэнди.

«Даже поцеловать не пытается», – привычно констатировала она. В этот момент Билл положил руку ей на плечо, а другой расстегнул молнию на джинсах. Сэнди с радостью раскрыла рот. «Хоть так», – подумала она, с жадностью вдыхая уже ставший забываться запах. Наконец Билл оттолкнул её голову и застегнул молнию.

– У тебя это хорошо получается, – сказал Билл и добавил: – Ну, мне пора.

Сэнди молча вышла из машины и направилась к дому. Она слышала, как Билл, не дожидаясь, пока она откроет дверь, завёл машину и, громко газанув, уехал. Войдя в дом, она залезла рукой в почтовую щель, проверяя, не застряло ли там что-либо из почты, которую она сегодня уже вынимала. Но щель была пуста.

Как-то почта ей принесла программу курсов, предлагаемых в городском культурном центре. Ей бросилось в глаза объявление о курсах по обучению танцам живота. Сэнди поду-

мала, что это было бы прекрасным применением её обширному животу. Курсы были недорогие и начинались через месяц. Сэнди записалась и стала мечтать, как она сможет привлекать мужчин своим искусством. Перед глазами стояли кадры из какого-то фильма, где «животная» танцовщица вызывала восторженные вопли мужского зрительного зала. Но чем ближе подходил день начала занятий, тем больше понимала Сэнди, что на неё нашло какое-то затмение – ну, кому и где она сможет продемонстрировать своё умение, да и не вызовет ли она отвращение своим животом вместо вожделенного желания. И в конце концов её обуял обыкновенный стыд показать своё тело.

Так что Сэнди решила потратить деньги, отложенные на курсы, на что-нибудь другое и купила себе красный шёлковый халат. Хотя полы его еле сходились на ней, Сэнди удавалось очертить талию, затянув пояс.

В один из дней Сэнди, как всегда, сидела у окна, поджидая почтальона. Он появился неожиданно и, поднимаясь по лестнице к двери, споткнулся и чуть не упал. Тут Сэнди впервые пришло в голову, что почтальон – мужчина, а не существо, разносящее почту. Он был бородат и с обширной лысиной, хотя ему было не больше сорока.

В почте были рекламы, и Сэнди подумала, что единственно, кто думает о ней, это те, кто хочет ей что-либо продать.

Была ещё открытка от подруги, которая сообщала, что она опять беременна. Сэнди представила её вздувшийся живот и сразу вспомнила лысину почтальона.

«А что, если с ним заговорить? – стала фантазировать Сэнди. – Нет, я не успею – он бросает письма и сразу уходит. Интересно, женат он или нет? А что, если пригласить его в дом? Нет, он откажется, небось торопится разнести все письма, чтобы скорей – к жене и деткам». Черт лица Сэнди не разглядела под густой бородой и гадала, обрезанный он или нет.

На следующий день она ждала почту с ещё большим нетерпением. Ко времени, когда он должен был появиться, Сэнди подкрасила глаза и губы, вышла во дворик со складным стулом и уселась с раскрытой книгой.

Подъехал почтальон на своём джипе и стал возиться, сортируя почту. Наконец он вывалился из машины с тяжёлой сумкой и, не глядя на Сэнди, стал подниматься к её дверям. «Добрый день», – крикнула она ему. «Добрый день», – буркнул он и зашагал к соседнему дому. У Сэнди было ощущение, будто она пришла на свидание, но никто не явился. И тут у неё мгновенно возник в голове план, будто она давным-давно подготавливала его, но скрывала от самой себя, дожидаясь, пока он станет совершенным и готовым для воплощения в жизнь.

На следующий день Сэнди утром пошла на почту и послала себе заказное письмо, вложив туда листок чистой бумаги. Ей сказали, что письмо может быть доставлено в тот же день. Придя домой, Сэнди устроила себе ранний обильный ленч, потом пошла в ванную и стала приводить себя в порядок – косметика сделала её лицо ярким. Потом Сэнди вспомнила, что надо почистить зубы. Она старалась не задеть помаду, но всё равно губы пришлось перекрасить. Она смотрела на себя в зеркало и видела не лицо, а лишь свои горячие глаза. Затем Сэнди покрыла ногти ярким лаком и с трудом сделала педикюр – очень мешал живот. Потом она подмылась, злясь на себя, что с этого надо было начинать, и тут же иронически говоря себе, что всё равно это ей не понадобится. Наконец она надела на голое тело свой новый красный халат и затянула покрепче пояс. Но полы халата она оставила полураспахнутыми, так, чтоб её огромная грудь ясно просматривалась. Сэнди села к окну и потянулась было за картофельными чипсами, но нашла в себе силы остановиться, чтобы не стереть помаду. Потом ещё одна идея сверкнула в её голове, и опять Сэнди удивилась, откуда она могла к ней явиться, – Сэнди стала играть пальцами со своими сосками, и они сразу зашевелились и стали чётко вырисовываться на шёлке халата.

И вот Сэнди увидела идущего по двору почтальона, который направлялся к её двери. Сэнди оцепенела в ожидании звонка. Всё ещё не веря своим ушам, Сэнди услышала его слабый звук и открыла дверь – перед ней стоял бородатый почтальон, держа в руке конверт.

– Вам заказное письмо, – сказал он мрачно.

– Заходите, пожалуйста, – произнесла Сэнди и подумала, что соски её, наверно, обмякли со страха, – ощущала она только колотящееся сердце.

Лысый почтальон переступил порог и протянул Сэнди квитанцию, на которой надо было расписаться. Беря из его руки квитанцию, Сэнди увидела его острый взгляд, но выражение лица было скрыто бородой. Она приложила квитанцию к стенке и расписалась. Поднятые руки высвободили её грудь ещё больше. Расписавшись, она протянула квитанцию почтальону, а он, передавая ей в обмен письмо, придержал его в своих руках. Сэнди удивлённо вскинула на почтальона глаза, и их взгляды совокупились.

– Очень хорошо наложена косметика, – произнёс почтальон, и в глубине бороды шевельнулась улыбка, так и не показавшая зубов.

– Спасибо, – в счастливом предчувствии сказала Сэнди.

– Ты дома одна? – спросил он и захлопнул за собой дверь ногой. Сэнди улыбнулась ему и кивнула головой. Он протянул руку и коснулся её груди. Почувствовав, что его рука уместна, он положил сумку с почтой на пол и сгрёб Сэнди в охапку. Борода колосась, как собачья шерсть. Сэнди высвободила губы и прошептала: «Пойдём в спальню». Однако, не расцепляя объятий, они повалились на ковёр в гостиной, не дойдя до спальни. Почтальон явно спешил – он только приспустил брюки. Сэнди же чувствовала себя победительницей, выталкивая языком изо рта его волосы и стараясь добраться до языка. Натянуть брюки заняло у него ещё меньше времени. «Он так торопится, – подумала Сэнди, – будто он работает не на обыкновенной доставке, а на срочной». Когда он ушёл, Сэнди вспомнила, что они даже не спросили имени друг друга. Она включила вибратор, но на этот раз не раскрыла «Плэйгёрл» – ей хватало свежих воспоминаний и живого запаха.

На следующий день, поджидая почтальона, она боялась, что он не захочет её, и все фантазии о том, как она без первой суматохи просмакует каждое движение, пойдут насмарку.

Сэнди особенно ясно прочувствовала, как прекрасно-тревожно жить ожиданием события, которое желаешь: это ожидание так заполняет твою жизнь, что всё прочее становится незаметным.

Вчера, когда мать пришла с работы и стала ворчать, что Сэнди сидит все дни дома и не ищет работу, Сэнди ничего не ответила, а днём раньше, перед приключением с почтальоном, из-за того же замечания матери разгорелся спор, который, даже утихнув, продолжал тлеть весь вечер. Мать плакала, кляня судьбу, отнявшую у неё мужа и наградившую её такой никчёмной дочерью. Сэнди зло огрызалась, запихивая в рот какую-то еду.

Теперь Сэнди приоткрыла дверь, чтобы облегчить решение для почтальона, если он заколеблется. Рисковать она не могла себе позволить, и Сэнди маячила у полураскрытой двери в своём огненном халате. Почтальон появился, и она раскрыла дверь шире, так что он не мог уже не заметить её. Он бросил письма в щель, и глаза их встретились.

– Хэлло, – позвала его Сэнди.

Почтальон не ответил, но вошёл в дверь.

«Теперь у нас много времени, – подумала она, – не надо расписываться в квитанции, не надо ждать, пока он решится ко мне прикоснуться». И действительно, почтальон прямо с порога схватил её за грудь.

– Как тебя зовут-то? – спросила Сэнди, улыбаясь его быстроте.

– Грег, – ответил он нехотя.

– А я – Сэнди.

– Ты что, всегда одна дома сидишь?

– Почти всегда. А ты совсем разденься.

– Нет, не могу, – отказался Грег, – мне спешить надо.

И он спешил, да ещё как. Но Сэнди не роптала – она уже давно призналась себе, что ей выбирать не приходится и нужно быть довольной тем, что посылает судьба.

– Хочешь встретиться вечером? – осмелилась предложить Сэнди, когда почтальон взялся за ручку двери.

Он оглянулся, посмотрел на неё как на зарвавшуюся нахалку и сказал:

– У меня жена и дети, да и как тебе могло такое в голову прийти?

Сэнди испугалась, что это может оттолкнуть его, и покорно пояснила:

– Да ты не подумай чего, я как для тебя лучше хотела, а мне так тоже хорошо.

– Ну, пока, – ухмыльнулся Грег.

Сэнди хотела сказать «До завтра», но вовремя сдержалась и сказала: «До свиданья».

Теперь Сэнди была небывало счастлива. Грег заходил почти каждый день, и эта регулярность была для неё чудом. В субботу мать обычно уезжала к своей незамужней подруге, и оставалось только воскресенье, которое Сэнди возненавидела ещё больше.

Однажды Сэнди наткнулась на статью в газете, в которой обсуждалась возможность перехода почты на два выходных – субботу и воскресенье. Это так взбесило Сэнди, что она написала гневные письма в почтовое управление и в газету. Ожидание ответов на эти письма составляло особое время в её жизни, когда жажда получения письма смешана со страхом перед его содержанием. Вскоре это волнение улеглось, так как она разуверилась, что ей ответят. Но больше ей не встречались упоминания о посягательстве на один из дней надежды и любви, да и Грег успокоил её, что до такой радости – быть выходным по субботам – ему не дожить.

Как ни старалась Сэнди затянуть пребывание Грега, оно не длилось дольше минут десяти. Она знала, что и эти минуты ей удаётся получить только из-за своей доступности и удобства. Да и все предыдущие краткие связи происходили по тем же причинам. Никто не приглашал её на люди – появиться с ней было стыдно. И только её искренняя готовность к совоплощению склоняла некоторых мужчин, заметивших это в её огромной непривлекательной плоти. Сэнди часто мечтала о муже как гарантии постоянного мужчины, для которого она бы готовила еду и о котором она бы всячески заботилась, чтобы он каждую ночь заполнял её собой. Перспектива иметь детей казалась ей ужасной – дети её подруг раздражали её постоянной демонстрацией своего присутствия, которое явно отвлекает внимание мужчин, и без того столь быстро ослабевавшее к Сэнди.

Несмотря на то, что Грег заходил к ней уже более месяца, Сэнди всё не успевала рассмотреть его – так наслаждалась каждой минутой, что, когда Грег отстранялся, Сэнди ещё находилась в иных мирах и приходила в себя полностью после того, как за ним закрывалась дверь. Потом она принималась за почту, которую Грег, входя, клал на столик в прихожей. Теперь конверты имели особый смысл – их приносил Грег. Сэнди даже нюхала их, перед тем как вскрыть, чувствуя запах Грега. Но этот запах стоял в гостиной повсюду, и Сэнди даже опасалась, что мать, придя с работы, сможет унюхать его. Но мать ничего не замечала.

В один из дней Грег, натянув брюки, не отправился тотчас к двери, а потряс Сэнди за плечо, приводя её в себя, и спросил:

– Хочешь сегодня пойти со мной на вечеринку?

Сэнди обомлела от неожиданности и вдруг заметила, что усы и борода вокруг его рта мокрые от её поцелуев.

– Конечно, хочу, – оживилась Сэнди. – А как же твоя жена?

– Это не твоё дело, – резко сказал Грег. – Я заеду за тобой около восьми.

– А как мне одеться? – поинтересовалась Сэнди.

Грег смерил её взглядом, в котором ясно просматривалось безразличие.

– Как хочешь, – бросил он и ушёл.

Сэнди сидела на полу ошеломлённая, с расстёгнутым халатом и почувствовала, что она течёт на ковёр. Сэнди спохватилась и побежала в ванную за губкой, чтобы его вытереть. Сэнди не подмывалась после ухода Грега, чтобы подольше сохранять его запах и ощущение его присутствия, и только на следующее утро она принимала ванну, предвкушая его скорое появление. На этот раз она подмылась, теряясь в догадках, что же может означать приглашение Грега. О, это была огромная область для предположений, каждое из которых казалось правдоподобным и фантастичным одновременно: «Может, он поссорился с женой и хочет провести вечер со мной, но тогда зачем идти на люди, когда можно было бы побыть вдвоём больше, чем десять минут. А может, он стал что-то чувствовать ко мне и хочет показать, что ему интересно взять меня с собой к своим приятелям. Конечно, раз он не стесняется меня показать своим друзьям, значит, он заинтересован не только в сексе. А вдруг он пошутил и не придёт или просто передумает? Нет, он ведь сам предложил и, наверно, всё взвесил, прежде чем предлагать мне пойти с ним».

Непрерывная череда подобных размышлений заполняла голову Сэнди, пока она готовилась к вечеру.

– Это ты куда собралась? – спросила мать, посмотрев на Сэнди, которая вышла из ванны с ярким лицом и в платье с блёстками.

– На свиданье, – с удовольствием ответила Сэнди. Что бы она ни надела, всё сидело на ней в обтяжку, и казалось, вот-вот лопнет по швам. Вообще-то говоря, она умышленно покупала всё в обтяжку, считая, что так она будет выглядеть менее толстой. Но, как бы то ни было, чтобы войти в дверь, ей приходилось поворачиваться боком.

– С кем же это у тебя свидание? – недоверчиво спросила мать, звучно ставя чайник на плиту.

– Ты его не знаешь, – бросила Сэнди и уселась у телевизора. Через десять минут наступало восемь часов, и её волнение усиливалось.

– Небось, не явится, – ухмыльнулась мать.

– А тебе-то какое дело? – взорвалась Сэнди. – Бесишься, что на тебя уже никто никогда не посмотрит?

– Замуж надо выходить, а не бегать там с разными, – нудно выступила мать.

– А ты мне жениха-то нашла?

– Самой искать надо.

– Вот я и ищу, тебя не спросясь.

– Не там ищешь.

– А ты что, адреса знаешь?

– Никакого из тебя толку не будет, – заключила мать и ушла к себе в спальню.

«Опять будет рыться в шкафу», – зло подумала Сэнди и действительно услышала, как мать открыла дверцу стенного шкафа.

У матери вошло в привычку перебирать вещи рано умершего мужа. Она хранила их все, не продавая и не выбрасывая ничего, более двадцати лет. Она снимала вещи с вешалок и раскладывала на кровати, вспоминая день, когда муж надевал тот или иной костюм, и что они делали в тот день. И хоть прошло так много лет, вещи хранили запах мужа. И особенно шляпы – потемневшие шёлковые подкладки пахли его запахом, смешанным с запахом его любимого одеколona. Сэнди знала, что мать сидела над вещами и плакала. Это то раздражало Сэнди, то вызывало липкую жалость. Сэнди совершенно не помнила отца и знала только, что он оставил достаточно денег, чтобы выплатить за дом.

Сэнди услышала, как у дома остановилась машина. Она подбежала к окну. В машине сидел Грег. В лучах заходящего солнца было особенно заметно, как грязна машина. Сэнди ужасно хотелось, чтобы Грег вошёл в дом и чтобы можно было представить его матери –

он ведь выглядел вполне прилично. Но Грег сидел в машине, явно не желая выходить. Он нетерпеливо гуднул два раза. Сэнди вышла на улицу, зная, что мать смотрит из окна своей спальни. Сэнди осторожно спускалась по ступеням в туфлях на высоких каблуках, которые она последний раз надевала два года назад, когда шла на вечер встречи в свою бывшую школу. Грег открыл ей дверь изнутри, и она уселась рядом с ним. Он посмотрел на её платье и туфли и хмыкнул. Сэнди в свою очередь оглядела его «непочтовую» одежду – джинсы и рубашку; его волосатая грудь заставила Сэнди издать утробный звук восторга.

– Что это с тобой? – удивился Грег.

– Обожаю волосатую грудь, – хихикнула Сэнди.

– Скоро насмотришься, – сказал Грег, выезжая на автостраду и набирая скорость.

– Это где же?

– На вечеринке. Кстати, это не обычная вечеринка, там все будут голые.

– Зачем? – спросила Сэнди и тут же поняла, что вопрос – дурацкий.

– А ты догадайся, – засмеялся Грег. Сэнди впервые видела его смеющимся. С правой стороны у него не хватало одного верхнего зуба.

– А почему ты не сказал мне заранее, что это за вечеринка? – спросила Сэнди.

– Хотел сделать тебе сюрприз. Ты разве ещё не устала от меня? Там будут красивые ребята.

Сэнди вспомнила фотографии из «Плэйгёрл», и надежда на прикосновение красивого тела шевельнулась в ней.

– Но ты будешь там со мной тоже? – спросила Сэнди.

– Куда же я денусь? – заверил Грег.

– А почему ты не взял свою жену вместо меня?

– Ей этого не полагается, – объяснил Грег.

– А может быть, ей бы понравилось, – ехидно предположила Сэнди и узнала в себе интонации своей матери.

– Эй, не лезь не в своё дело, – зло сверкнул глазами Грег.

«А глаза-то у него совсем малюсенькие», – заметила про себя Сэнди.

– А почему ты не поехал один? – спросила Сэнди.

– Эта вечеринка только для пар, – сказал Грег.

«Ах, вот оно что, – осенило Сэнди, – значит, он берёт меня с собой как пропуск, а я ему иначе и не понадобилась бы вообще». От этой мысли ей стало так грустно, как уже давно не было.

– Я не хочу туда ехать. Отвези меня домой, – твёрдо заявила Сэнди.

И тут Грег, словно почувал, каким способом нужно уговорить Сэнди. Он обнял её за плечо, притянул нежно к себе и, не спуская глаз с дороги, поцеловал её в голову.

– Ты знаешь, мне ведь очень хорошо с тобой, – сказал он.

Сэнди вздрогнула – ещё никто так нежно не целовал её и не говорил таких слов – на глаза навернулись слёзы. Она вытщила платок из кармана и промокнула глаза.

– Ну почему мы не можем побыть где-нибудь вдвоём хотя бы час? – всхлипнула Сэнди, размякая.

– Обязательно побудем, детка, но сегодня давай уж поедem на вечеринку. Тебе понравится, вот увидишь.

– Но ты обещаешь, что мы побудем потом вдвоём?

– Обещаю, детка, – сказал Грег и положил руку ей на ляжку.

Сэнди было не по себе – она очень редко бывала на вечеринках, и это были вечеринки либо с родственниками, либо со старыми, ещё школьными знакомыми. А тут – все незнакомые, да ещё голые. Впрочем, чужая, да ещё мужская нагота её не смущала – она стыдилась

своей наготы, своего толстого тела, вернее, её удручал факт, что мужчины не интересуются её телом, а само по себе тело – что ж, ей было в нём вполне удобно.

Они подъехали к большому двухэтажному дому. Окна были зашторены. Идя по дорожке к дому, Сэнди чуть не подвернула ногу из-за своих каблуков. Она рассердилась, сняла туфли и понесла их в руке. Дверь была не заперта, и Грег вошёл в дом, а за ним и Сэнди. Со второго этажа доносилась музыка. К ним навстречу уже спускался по лестнице хозяин дома. Это был высокий стройный парень в очках и с пренебрежительной ухмылкой на губах. Две вертикальные морщины ставили его рот в скобки.

– Привет, Грег, как зовут твою красавицу?

Сэнди в первый момент оскорбилась, а потом уговорила себя, что, может быть, она ему понравилась и он назвал её красавицей серьёзно – есть же мужчины, которые обожают толстых женщин.

– Это Сэнди, – вяло представил её Грег.

– А я Джордж, – сказал хозяин, всё ещё возвышаясь над ней на ступеньках лестницы. – Добро пожаловать во Дворец Наслаждений. Поднимайтесь наверх, там уже все собрались и смотрят видео.

Сэнди стала подниматься, и лестница под ней закрипела.

– Поднимайся быстрее, – сказал ей вслед Джордж, – а то лестница может обвалиться.

Сэнди приняла эту шутку всерьёз, заторопилась и услышала, как Грег и Джордж засмеялись. Сэнди поднялась на второй этаж и посмотрела вниз, почему Грег задержался. Она увидела, что Грег отсчитывает Джорджу деньги, а тот что-то говорит ему. Она прислушалась.

– ...всех ребят распугает. Мы же договаривались – только смазливых девочек.

– Вкусы разные бывают, – пытался отшутиться Грег.

– Послушай, здесь идиотов нет. В следующий раз с такой вовсе не приходи.

– Ладно, ладно, – примирительно согласился Грег, и они стали подниматься наверх.

Сэнди стояла с колотящимся сердцем, делая вид, что она ничего не слышала. По сути говоря, она ничего нового не услышала, просто судьба почему-то старалась лишить её приятных иллюзий.

– Не стесняйся, входи, – сказал Джордж, открывая перед Сэнди дверь, за которой слышалась музыка и стоны.

Сэнди очутилась в комнате, где у дальней стены стоял видеомэгафон с большим экраном. На экране в самом разгаре происходило совокупление. Сэнди всего два раза была в порнокинотеатре, куда её водили случайные мужчины, не осмеливаясь сразу вести в постель. Последний раз это было года два назад, поэтому Сэнди уставилась на экран, чувствуя быстрое появление готовности принять участие в подобном действе.

Наконец она заметила слева и справа от себя пять-шесть пар, сидящих на ковре. Все были стройные – это сразу бросилось Сэнди в глаза. Большинство были раздеты, а полураздетые не отставали от них в активности. Кое-кто поднял на вошедших голову, но сразу вернулся к прерванным занятиям. Грег быстро разделся, сложив вещи в углу, и кивнул ободряюще Сэнди. Одна пара разомкнулась и вышла в дверь, ведущую в другую комнату. Сэнди щёлкнула замком лифчика, и её груди выплеснулись на простор. С раздеванием же она решила повременить, пока в этом не появится необходимость. Грег сказал, что он сейчас вернётся, и вышел. «Наверно, в туалет», – подумала Сэнди. Она полулежала у стены и смотрела, как пары менялись партнёрами, объединялись в живописные группы. Сэнди хотела подойти поближе, надеясь, что ей предложат присоединиться, но у неё не хватало духа сделать первый шаг. Вернулась пара, которая выходила из комнаты. Мужчина прошёл мимо Сэнди, даже не взглянув на неё, и объединился с другой парой, а его партнёрша стала целовать женщину, над которой трудился мускулистый молодой человек. Сэнди заворожённо смотрела на зрелище перед собой и чувствовала, как в ней горит нутро. Она заметила, что

Грег вошёл в комнату с какой-то женщиной, держа руку на её зад. «Он никогда так не держал меня», – ревниво подумала Сэнди и огляделась в надежде увидеть незанятого мужчину. Один мужчина как раз отделился от скопления тел и направился к Сэнди. А Грег тем временем поблескивал лысиной, вызывая чьи-то стоны. Мужчина уселся рядом с ней на ковёр. «Привет», – без воодушевления сказал он. Сэнди молчала, напрягаясь от его равнодушия к ней. Но с какой жадностью она бы бросилась на него, если бы он хоть к ней прикоснулся – он был копией фотографий из «Плэйгёрл».

– Красивая картинка, не правда ли? – сказал он, указывая на композицию, которую создали две пары посередине комнаты. Ему просто хотелось поговорить.

– Ничего, – выдавила из себя Сэнди.

– Нет, я с вами не согласен, я считаю, что очень даже чего, – с ироническим глубокомыслием произнёс он и добавил: – Надо им помочь.

Он поднялся и гармонично вписался в группу.

«Даже не захотел до меня дотронуться», – подумала Сэнди, и слёзы потекли у неё по лицу, размывая результаты часового труда перед зеркалом.

Сэнди чувствовала, будто её оскорбили, надругались над ней. Она подумала, что, наверно, подобное чувство испытывает изнасилованная женщина. От этой мысли она всхлипнула и, застёгивая на спине лифчик, услышала, как треснуло её платье по шву. Сэнди нащупала свои туфли и быстро спустилась по скрипящей лестнице.

Никто не заметил её ухода, и последнее, что она услышала, выходя из дома, – это торжествующий стон какой-то женщины, добившейся своего. На улице было совсем темно.

И вдруг она ясно вспомнила картину «Лукреция». Она видела её в музее, когда ещё в школе их водили на экскурсию. И опять вспыхнула непостижимость причины самоубийства. Сэнди часто представляла, что её насилюют, и эта фантазия удручала её только тем, что не может сбыться. Сэнди шла по улице, испытывая полную безнадежность. Даже мысль о завтрашней почте не приносила ей никакого успокоения, так как она ощутила отвращение к Грегу, а он теперь неразрывно связывался с мыслями о почте. Сэнди испугалась, что её отрадные надежды на почту больше не будут с нею. А почтовая надежда была прекрасна тем, что, будучи разрушенной, она мгновенно восстанавливалась. Происходило ежедневное возрождение надежды, и это было удобно, так как оно обуславливалось не усилиями со стороны Сэнди, а всего лишь почтовым ритмом. Теперь вторжение Грега в безличную почтовую поставку ставило под угрозу автоматизм возрождения надежды.

Сэнди пыталась остановить машину, но никто не останавливался. Всё-таки одна машина замедлила скорость, но сидевший в машине мужчина разглядел её и проехал мимо, не останавливаясь. Сэнди опять заплакала.

Наконец какая-то машина остановилась. На переднем сиденье рядом с водителем сидела красивая девушка.

– Вам куда? – перегибаясь через девушку, спросил мужчина, который был ей под стать.

Сэнди назвала адрес. «Спят вместе», – сразу подумала она, заметив, как мужчина уверенно держал руку на колене своей спутницы.

– Садитесь, нам по пути, – сказал он и открыл ей изнутри заднюю дверцу.

Сэнди сидела и смотрела на ухоженные волосы мужчины и вдруг чётко вспомнила баночку с таблетками для сна, которые часто принимала мать. И Сэнди оказалась перед решением, принятым помимо её воли. Конечно же, этой баночки должно хватить. Так легко покончить с этим толстым телом. У Сэнди просто появилось желание избавиться от бесполезной плоти, и страха смерти не было, только острое любопытство. Думая об этом, Сэнди удивлялась, что умудряется отвечать на вежливые вопросы парочки впереди, но что это никак не отвлекает её от всё более глубокого погружения в бездну принятого решения.

Сэнди подсказала мужчине несколько последних поворотов, что оставались до её дома. Было поздно, но в гостиной и в спальне матери горел свет. Обычно мать всегда тушила свет на ночь, экономя каждый цент. Сэнди подумала о ней с неприязнью – своим бодрствованием мать может помешать. Входная дверь оказалась незапертой. Войдя в гостиную, Сэнди замерла, поражённая увиденным – за столом сидела мать, одетая в один из костюмов отца, в отцовской шляпе и в галстук, повязанном вокруг голой шеи. Мать сидела неподвижно и смотрела перед собой. На лице кривилась улыбка.

– Мама, что с тобой? – выкрикнула Сэнди.

Мать не шелохнулась и не отвела взгляда от того, что ей так приглянулось.

Сэнди осторожно подошла к ней и потрясла за плечо. Тело матери было напряжено и стойко сопротивлялось руке Сэнди.

Сэнди бросилась к телефону, стала набирать номер полиции 911, набрала 9 и стала искать на циферблате 11. Она никак не могла понять, почему она не может найти эту цифру. Потом она вспомнила, что надо позвонить оператору. Разъединила, дождалась гудка и набрала 0. Обычные несколько секунд задержки перед соединением оказались невыносимыми, и она снова разъединила и неожиданно для себя набрала с ходу 911. А мать всё не шевелилась. Сэнди с трудом объяснила, что это не ранение, не сердечный приступ и не удушье, и не кровотечение. «Что же это?» – спросили в трубке.

– Она сошла с ума! – крикнула Сэнди и разрыдалась.

Полицейский вбежал в дом, за ним санитары. Они попытались говорить с матерью, но быстро поняли, что тут не до разговоров. Поднять её со стула на ноги не удалось, так как она словно окаменела в сидячем положении. Когда санитары брали её на руки, шляпа упала с её головы, покатилась к ногам Сэнди и улеглась у её ног, как собака. Мать вынесли на улицу, где стоял медицинский фургон с распахнутыми дверями и полицейская машина.

– Вы можете поехать с нами в больницу, – предложил полицейский.

Сэнди отрицательно покачала головой.

– Тогда вам позвонят из больницы, чтобы выяснить анкетные данные, страховку, ну, и всё остальное.

Сэнди кивнула.

– Всё будет хорошо. Вы не расстраивайтесь, – сказал полицейский и вышел, осторожно прикрыв за собою дверь.

Машины отъехали от дома, и наступила резкая тишина.

Вдруг громко включился холодильник, и Сэнди вздрогнула от неожиданности. Это вернуло ей чувство голода. Она открыла холодильник и засунула что-то в рот. Сэнди жевала и вспоминала мать, которая всегда была так далека от неё, что ей казалось, будто отсутствие матери длилось всю жизнь.

Сэнди заглянула в комнату матери – на кровати лежала одежда отца. «По этому адресу ничего хорошего не может случиться, – подумала она. – Сюда приходит только безразличие и равнодушие мира».

Она стала ходить по маленькой гостиной, так как не могла сидеть от волнения. Машинально, как это она всегда делала, Сэнди подошла к почтовой щели и проверила, не застряло ли там чего. Её пальцы ощутили бумагу. Сэнди схватила её и вытащила конверт. Он был адресован ей, но почерк был незнакомый и обратного адреса не было. Она судорожно вскрыла конверт. Но в конверте ничего не оказалось, он был пустым.

Попытка разлуки

Э. С.

Первое, что почувствовал Кен, сходя с трапа самолёта в бомбейском аэропорту, – это запах дерьма. Взлётное поле было обнесено колючей проволокой, вплотную к которой подступали лачуги, а вернее, развалины лачуг, слепленные из ржавых листов железа, обломков дерева и невесть из чего ещё. Эти поселения кишели людьми, и для их запахов колючая проволока не являлась преградой.

Индийские таможенники и чиновники эмиграционной службы стояли надменные, как магараджи, снисходительно взирая на толпу пассажиров. Кен затосковал по вежливым улыбкам на лицах. Он вспомнил, как Натали не хотела больше ехать за границу после того, как побывала за океаном.

Все люди – чужие, а там они ещё и чуждые, – объяснила она ему.

Чиновник с грозным, но тусклым лицом долго изучал паспорт Кена. Наконец он решился – ляпнул печать и поставил в ней загогулину. Не глядя на Кена, он протянул ему паспорт и качнул отрицательно головой.

– В чём дело? – спросил Кен.

Чиновник поднял на него свои пустые глаза, опять отрицательно покачал головой и нехотя произнёс:

– Идите на таможенный досмотр.

Впоследствии Кен узнал, что в знак согласия в Индии не кивают, а покачивают головой из стороны в сторону.

Таможенник сладострастно копался в огромном чемодане молодой индианки. Следующим был Кен. Вокруг бегали и кричали обильные дети индийских пассажиров, мешавшие Кену спать в самолёте. Родители время от времени делали заведомо безуспешные попытки приструнить их. Индианка старалась запихнуть свои яркие тряпки в чемодан, а Кен засмотрелся на смуглую талию, которую сари оставляло открытой. Таможенник окликнул Кена и попросил раскрыть чемодан. Кен очнулся и щёлкнул замками. Таможенник погрузил руки в нутро чемодана и остался удовлетворённым. Он отметил документ и качнул головой. На этот раз Кен решил не задавать лишних вопросов и направился к выходу.

Автоматические двери нехотя расползлись, и Кен отшатнулся – шумящая черноволосая толпа индийцев жаждала всосать в себя всё выпускаемое аэропортом. Толпа состояла из говорливых людей, которые высматривали своих знакомых среди выходящих, а также из очень или не очень грязных подростков и взрослых: одни были шофёрами такси, а другие – носильщиками, профессионалами или любителями. И те и другие хватали пассажиров за руки, привлекая к себе внимание в ажиотаже конкуренции, пытались завладеть чемоданами.

Кен сам донёс чемодан до длинной вереницы такси. Шофёры призывно махали ему руками, а он старался выбрать среди машин ту, которая бы не развалилась по дороге – все они были «фиаты» одной и той же древней модели.

Наконец он сделал выбор, но не по машине, а по шофёру, лицо которого показалось Кену симпатичным.

Узкие улицы были настолько грязны и многолюдны, что казалось, по ним невозможно ехать.

Но навстречу неслись такие же развалюхи-«фиаты», непрерывно сигналив неповоротливой толпе. Многие машины ехали по стороне встречного движения, и, когда лобовое столкновение было почти неминуемо, они лихо отворачивали и чудом разъезжались. Прodelывая такие трюки, шофёр Кена сидел без всякого напряжения и лишь усердно жал на гудок. Кен решил внести предложение изготавливать сигналы в индийских машинах постоянно включёнными, чтобы, лишь изредка нажимая их, можно было бы прекращать гудение. Он усмехнулся этой мысли, но на душе у него было невесело.

После третьего расставания с Натали, которое, как он окончательно для себя решил, должно было быть последним, Кен принял предложение одной крупной компании и стал

менеджером по торговле с азиатскими странами. Работа эта была связана с частыми командировками, и это больше всего привлекало Кена возможностью быть подальше от Натали, чтобы опять не поддаться соблазну её преданной любви. Впрочем, преданной её любовь можно было бы назвать с оговоркой – помимо Кена она любила наркотики. Эту любовь Натали по возможности скрывала от Кена, но он об этом знал, ревновал и даже использовал это как предлог для окончательного разрыва. Вот уже год, как они не виделись, и это был самый тяжёлый год для Кена – он всё ждал, что со дня на день он перевалит через пик и станет легче. Но легче не становилось.

Гостиница оказалась вполне приличной по сравнению с улицей. Дверь такси заискивающе открыл длинный индеец в высокой чалме с павлиньими перьями. Бой подхватил чемодан, и вскоре Кен осматривал большую, но неудобную комнату с гудящим кондиционером. По сравнению с жаром улицы в комнате стоял мороз. Кен покрутил регулятор температуры, но быстро обнаружил, что он не работает. Оставалось только выключить кондиционер. Однако через полчаса стало невыносимо душно. Кен распахнул окно, и в комнату ворвался шум людей и машин. Пришлось закрыть окно и снова включить усердный кондиционер. Кен позвонил администратору, и тот обещал немедленно прислать техника.

День приезда предназначался для отдыха от смещения времени, и первая деловая встреча была назначена на завтра. Кен принял душ, задёрнул шторами назойливое солнце и лёг в кровать. Ему снилась Натали. С тех пор, как они расстались, она постоянно присутствовала в его сновидениях. Раньше ему сны снились редко, и, когда Натали, постоянно видевшая сны и придававшая им большое значение, рассказывала их Кену, он подтрунивал над ней. «Важно не то, что тебе снится, а какие ощущения ты при этом испытываешь», – серьёзно объясняла Натали. Тогда Кен приписывал курению её нескончаемые сновидения, но теперь он будто бы перенял от неё эту способность еженощно видеть сны. Станным было не то, что он видел сны, а то, что он помнил их в течение дня, а часто и по нескольку дней. На этот раз ему снился их первый разрыв. Натали стояла у окна полураздетая, только линия раздела проходила не горизонтально по талии, а вертикально, оставляя открытой одну грудь и одно бедро, как у Ричарда Линднера¹¹. Кен ещё успел удивиться, как же одежда держится на одной вертикальной половине и не сваливается. Кен произнёс давно задуманную фразу, что им пора расстаться, так как их отношения исчерпали себя. «Исчерпали себя», – несколько раз повторило эхо, и Кену стало неловко от бессмысленности этой фразы. Тогда, в прошлом, произнесённая твёрдым голосом, эта фраза казалась ему очень точной и значительной. «Почему?» – с ужасом в глазах спросила Натали, и по её лицу потекли слёзы. Она не всхлипывала, и черты её лица не исказились в плаче – то же застывшее выражение ужаса и обильные слёзы, которые она не пыталась вытереть. И тут Кену стало сниться, что и он заплакал от душераздирающей жалости. Но он твёрдо помнил во сне, что наяву у него не было слёз и что он тогда сам удивлялся окостенелости своей души. Но теперь, во сне, он чувствовал такую радость облегчения от слёз, что он бросился к Натали, встал на колени перед её лоном и уткнулся в него мокрым носом. Он проснулся от урчания, которое он услышал в её животе, но оказалось, что кто-то стучит в дверь.

Это был техник, пришедший чинить кондиционер. Кен посмотрел на часы и увидел, что проспал два часа.

В номере по-прежнему стоял холод. «Высокоскоростной сервис», – зло ухмыльнулся Кен и лёг в кровать, наблюдая, как техник ковыряется в регуляторе. Кен уснул опять, а когда проснулся, техник уже ушёл, но было по-прежнему холодно. Он позвонил в ресторан и заказал лёгкую закуску. Официант откликнулся гораздо быстрее – в комнате прямо запахло едой.

---

¹¹ Ричард Линднер – немецкий художник, с 1941 г. работавший в США. Его изображения женщин впечатляют резкой оригинальностью.

- Послушай-ка, – сказал Кен, – ты можешь достать мне девочку?
- Кого? – переспросил официант.
- Женщину, – пояснил Кен.
- О сэр, это очень тяжело, – заулыбавшись, вступил в торговлю служитель отеля.
- Я тебе хорошо заплачу, – пообещал Кен.
- Семьсот рупий, – хватил официант.
- О'кей, только она должна быть красивой и стройной.
- Да, она киноактриса, очень красивая, – заверял он, видно кляня себя, что так мало запросил.
- И это на ночь.
- Да, да, сэр.
- И в семьсот рупий входят твои чаевые, – сказал Кен твёрдым голосом, как о деле решённом.
- О'кей, – согласился официант и попросил в задаток половину.
- Нет, получишь всё через неё, когда она придёт.
- Хорошо, – легко согласился официант.

Договорились, что она должна появиться в течение часа.

Единственным эффективным средством против мыслей от Натали были другие женщины. Но все они, как болеутоляющее, действовали лишь временно.

«Киноактриса, – усмехнулся Кен, – небось снялась раз в любительском порнофильме. Но цены явно доступные. Что ж, здесь гораздо легче быть, что называется, финансово независимым». Кен называл независимостью наличие таких денег, которые позволяют покупать желаемых женщин, но и не наносить этим ущерб своему бюджету.

Кен стоял у окна и смотрел вниз на подъезжающие к отелю такси. Но одинокие женщины из них не выходили. Кен пытался представить, как снимается сари – нужно ухватиться за край, перекинутый через плечо, и потянуть, и женщина начнёт вращаться вокруг своей оси, разматываясь, словно кокон.

Проезжая утром среди толпы, Кен видел огромное количество статных, красивых индианок с голыми пупками, глазающими на прохожих. Многие женщины несли на головах различные грузы: кувшины, узлы, а на стройках даже корзины с камнями. И казалось, чем тяжелее груз, тем изящнее он делает несущую его. «Если их помыть, – прикидывал Кен, – прилично одеть и наложить чуть косметики, то каждая из них сошла бы за кинозвезду. Так что официант, быть может, и не солгал».

Час уже давно прошёл, и Кен заметил, что думает о том, что делает сейчас Натали. Эта мысль всегда приходила ему в голову, когда он ждал чего-то, а теперь, на другом конце Земли, вопрос этот казался возмутительно неразрешимым. Фантазия услужливо представила ему Натали, сцепившуюся с мужчиной, и он потянулся за телефонной книгой.

В телефонной книге не оказалось ни массажных заведений, ни эскорта. Отсутствие саун не удивило Кена, принимая во внимание местные климатические условия. Но отсутствие прочих услуг было дурным знаком государственного невежества. Оставались таксисты – люди, наиболее осведомленные о достопримечательностях своего города.

Раздражённый своей первой деловой неудачей в Индии, Кен спустился в холл. Швейцар распахнул перед ним дверь в тёмную улицу. На почтительном расстоянии от входа толпился люд, в основном состоящий из поджидающих шофёров такси. Обыкновенные странники жизни не допускались в оазис гостиницы. Кен отказался от предложения швейцара подать такси и пошёл по улице вдоль стены отеля. Улица вползала на холм, и по ней ехали велорикши, привставая на педалях и виляя задами. Сбоку, на той части улицы, которую едва ли можно было назвать тротуаром, сидели и лежали люди. Улица была их домом. Кен почувствовал, как кто-то сзади дотронулся до его руки. Он оглянулся. Это была красивая дев-

чонка лет пятнадцати с грязным, но упитанным малышом на руках. Она произнесла что-то на своём языке и мимически продублировала, поднеся сложенные щепотью пальцы ко рту. Кен дал ей монету, и девчонка с младенцем пропали в темноте улицы. «Переход греховности зачатия в святость материнства. Переход этот полнится беременностью, которая поначалу, невидимая для посторонних, оправдывает грех только для забеременевшей, а потом, становясь очевидной, вызывает оправдание и в глазах окружающих, ибо она – доказательство подступающего материнства. Что же касается незаконнорожденных... Теперь общество победоносно различило к внебрачным детям и не пытается отнимать радость материнства, как бывало». И тут Кен подумал о Натали, которая сделала от него три аборта. Совесть Кена всегда давала о себе знать при этой мысли, и он в какой уж раз старался уговорить себя, что он практически не виноват. Натали не желала принимать таблетки, так как была убеждена, что они очень вредят здоровью. Механические средства она отвергала, так как считала их либо опасными, либо уничтожающими значительную часть ощущений, которыми она не хотела жертвовать, несмотря на то, что Кен великодушно соглашался жертвовать своими. Она считала дни, и ей это казалось надёжным. Первый раз Натали забеременела, потому что она ощутила с Кеном такое яркое наслаждение, что решила отдаться на волю судьбы. Кен, не ведая об этом решении, несколько раз осведомлялся, не хочет ли она, чтобы он предохранялся, но она просила его не волноваться об этом. Кен решил, что она знает, что делает. Но вскоре Натали поведала ему, что у неё задержка, и, когда она призналась, что никак не предохранялась, Кен спросил:

– Почему?

– Потому, что я люблю, – сказала она, не глядя на него.

Это был первый раз, когда она ему сказала это слово. Кен подумал, что она хочет его разжалобить этим и получить согласие на ребёнка. Но Натали читала его мысли. Посмотрев Кену в глаза, она сказала:

– Я знаю, что ты не хочешь от меня ребёнка, не волнуйся – я сделаю аборт.

Кену стало неловко от её прозорливости, и он лишь сказал, что возьмёт все расходы на себя.

– Хорошо, – согласилась она. – Деньги – это по твоей специальности.

С тех пор она стала считать дни и продержалась полгода, пока не сбилась со счёта. В третий раз они были настолько пьяны, что были неспособны к каким-либо вычислениям. Они вдвоём встречали Новый год в доме Кена, настроение у обоих было тусклое в точном предчувствии близкой разлуки, и они выпили бутылку шампанского, бутылку коньяка, а потом ещё чего-то. За первые два раза Кен признавал свою вину наполовину. Но что-то у него внутри не принимало этой логики. Когда он вспоминал её провалившееся лицо, с которым она вышла от гинеколога, Кену становилось не по себе. Он и сейчас чётко слышал её стон от боли – анестезия почему-то не подействовала, и возникли эти страшные звуки. Кен сидел в приёмной и клялся себе, что теперь-то уж он обязательно расстанется с Натали – это единственное, что он может сделать, чтоб не быть причиной её боли впредь. И жутко было ему, слыша Натали, замечать, что боль вызывает стон, так похожий на стон наслаждения.

Кен высматривал таксиста поприличнее, но все они были чрезвычайно похожи друг на друга – чёрные жирные волосы, смуглые лица мелких мошенников и грязная одежда. «Один чёрт», – подумал Кен и подошёл к тому, что стоял поближе. Тот жевал какую-то жвачку, и зубы у него были покрыты чёрным налётом.

– Куда ехать, сэр? – подался к нему таксист.

– Ты можешь достать мне красивую девочку? – поинтересовался Кен.

Шофёр заулыбался и, с трудом подбирая английские слова, сказал, что для этого нужно куда-то ехать, где много женщин, там Кен выберет ту, что понравится, и её можно будет привезти обратно в отель.

– Сколько времени туда ехать? – спросил Кен.

– Двадцать минут, – пообещал таксист.

«Значит, все сорок», – прикинул Кен.

– Послушай-ка, я не хочу никуда ехать, ты привези девушку сюда.

Тут Кен заметил, что другие таксисты обступают их и обмениваются мнениями на своём тарабарском наречии. Шофёр стал что-то обсуждать со своими коллегами. Кену начала надоедать вся эта кутерьма.

– Так что, можешь привезти сюда девушку или нет? – прервал их Кен.

Таксист повернулся к Кену, как раз закончив совещаться.

– О'кей, четыреста рупий.

– На сколько времени?

– На всю ночь, – заулыбался таксист.

«Работают только по полной программе», – подумал Кен и сказал вслух своё заклинание:

– Только она должна быть стройной и красивой.

– Да, сэр, очень красивая, – заверил таксист.

Договорились, что через полчаса он позвонит Кену в номер, чтобы Кен вышел и принял товар, так как одинокие индийские женщины не допускаются в отель.

Кен вернулся в номер и не раздеваясь лёг в постель. Надежду он запрятал поглубже, зная, что всю свою силу она израсходует на саму себя, чтобы оставаться прекрасной. Он не заметил, как заснул, и обнаружил это, услышав резкий телефонный звонок. Таксист оповещал, что он ждёт внизу. Кен, полусонный, спустился в холл, но там никого, кроме служителей отеля, не было. Он вышел на улицу и увидел таксиста, манящего его рукой. Женщиной и не пахло. Таксист двинулся к своей машине, стоявшей рядом, продолжая делать зазывные жесты. Кен подошёл и увидел девушку, сидящую в машине. В темноте трудно было разглядеть её, но одно было ясно, что она не красавица.

– О'кей? – с надеждой спросил таксист.

– О'кей, о'кей, – сказал Кен устало и подумал, что доступность в какой-то мере восполняет недостаток красоты.

Таксист что-то резко сказал девушке, и она резво вылезла из машины. Она была одета в белое сари, полновата, с гроздьё белых цветков, воткнутой в конечно же чёрные волосы, собранные на затылке в узел.

Кен взял её под руку, но это выглядело неуклюже, и он, обняв её за талию, подтолкнул ко входу в отель. На свету Кен увидел, что она держит свои губы в улыбке. Ад министр атор окинул девушку всезнающим взглядом и окликнул Кена. Кен подошёл к нему и узнал, что по правилам он должен заплатить сто рупий за привод гостыи. Кен не стал спорить и расписался в ведомости в знак согласия. Девушка ждала его у лифта, не поднимая глаз от пола. Оказавшись с ней в лифте, Кен наконец взглянул на неё в упор. Запах цветка в её волосах напоминал запах жасмина. Она по-прежнему услужливо улыбалась. «Зубы белые и ровные», – удовлетворённо отметил Кен. Он спросил её имя – она пожала плечами и произнесла что-то нечленораздельное. Кен понял, что она не знает ни слова по-английски. Тогда он ткнул себя пальцем в грудь и сказал: «Кен». Её тёмные глаза просветлели пониманием, и она ткнула себя в большую грудь и произнесла своё имя, которое Кен тотчас забыл. «Да и зачем мне оно?» – подумал Кен. Лифт остановился, и Кену показалось, что двери не открывались целую вечность. Наконец они разъехались, и Кен, взяв девушку за руку, заспешил к своему номеру. Закрыв дверь на замок, он не медля стал раздеваться и через несколько секунд стоял голый перед всё улыбающейся девушкой. Ей было лет семнадцать. Кен требовательно потянул за край сари, и девушка стала его распелёнывать. Под ним оказался несвежий лифчик.

Груды были крупные, но некрасивые. Трусиков на ней не было, и лобок её был почти что лысым. Нет, он не был выбрит. Видно, не хватало мужских гормонов. Кен вспомнил

лобок у Натали, который представлял из себя наиправильнейший треугольник, состоящий из густых тёмных волос – прямо как в учебнике по анатомии. Кен хотел было сполоснуть девушку в ванне, но потом нетерпение взяло своё, и он подтолкнул её к кровати. Однако нетерпение не лишило его предосторожности – уж очень непрофессионально грязной выглядела девушка. Кену показалось, что её кожа не только тёмная, но и нечистая. Поэтому он решил развернуться к её наиболее безопасному месту и, чтоб вывести её из нерешительности, подал ей пример. Через минуту она размякла и ответила Кену взаимностью. Кен был разочарован полным отсутствием у неё запаха. Сильный и полный достоинства запах Натали служил ему образцом, которого не могла достичь ни одна из его последующих женщин. Эта же избирательно следила за чистотой своего тела, уделяя всё внимание «рабочей» его части и небрежно относясь ко всему остальному, и всё тех же гормонов не хватало, чтобы поддерживать запах на ощутимом уровне даже при идеальной чистоте. В мыслях об этом Кен радостно высвободил свою жизнеутверждающую жидкость. Индианка отпрянула, села на кровати и стала отплёвываться с таким остервенением, будто это был яд кобры. «Такое пренебрежение основами любви недопустимо, когда тебе за неё платят», – возмутился Кен и, поднявшись с кровати, швырнул индианке лифчик, показывая, чтобы она убиралась. Девушка виновато улыбнулась, и Кену стало жаль её. Он протянул ей денежную бумажку местного производства. Она уже нацепила лифчик и, сложив бумажку, запихала её меж грудей. Ещё не вполне понимая сложившуюся ситуацию, она была явно удивлена скорым окончанием дела. Она вопросительно посмотрела на Кена и, сложив ладони вместе, поместила их под ухо и склонила набок голову, показывая, что она не прочь предаться сну. «Наглая баба, – разозлился Кен, – вместо бардака норовит устроить ночлежку». Нет, она его явно не вдохновляла.

Спускаясь с ней в лифте, Кен решил не платить полной суммы. Когда они вышли на улицу, Кен стал оглядываться, пытаясь найти таксиста-сводника. Но девушка лучше разбиралась в ночной улице и сразу отыскала машину, перекочевавшую в сторону от места высадки. Таксист спал на заднем сиденье и, когда Кен открыл дверцу, сразу вскочил, готовый отправиться в путь. Девушка стала что-то говорить ему, а Кен протянул ему двести рупий и сказал: «Она плохо себя вела, и я был с ней только полчаса, поэтому я тебе плачу половину». Таксист деньги взял, но стал требовать всю сумму. Кен решил не вступать в дискуссию, повернулся и пошёл обратно в гостиницу. Таксист засеменял за ним, продолжая требовать, но не посмел приблизиться к дверям гостиницы и отстал. Кен вернулся в номер, принял душ и быстро заснул. Ему снилась Натали, которая многократно проезжала мимо по кругу на такси. Она махала ему рукой, а он всё ждал, когда же она остановится. Наконец это ему надоело, и он решил остановить кружащееся такси. Он почему-то был уверен, что, если он перегордит ему дорогу, машина обязательно остановится. Но когда он выбежал наперерез и расставил руки, к его изумлению и страху, такси не остановилось, а, набирая скорость, ринулось на него, громко гудя. Он проснулся от телефонного звонка – по его просьбе его будила телефонистка отеля. На полчаса позже назначенного времени.

Утром за Кеном заехал сотрудник индийского представительства его компании. Это был невысокого роста толстоватый парень с галстуком, который ни в коем случае не подходил ни к костюму, ни к рубашке. Парня звали Рамачандра, и он был очень доволен собой. Он подобострастно улыбался и часто облизывал губы. Рамачандра должен был отвезти Кена на совещание, на котором ожидалось подписание договора на поставку оборудования, изготавливаемого на фирме Кена. Когда они сели в такси и отъехали от гостиницы, дорогу преградил какой-то человек. Таксист затормозил, и машину окружили галдящие индийцы. Среди них Кен узнал вчерашнего сводника, который суетился рядом с дверью Кена и, размахивая грязными руками, что-то выкрикивал. Рамачандра возмущённо приказывал шофёру ехать, не понимая, что происходит, а тот, с испугом оглядываясь на бушующих коллег, беспомощно разводил руками и что-то объяснял, указывая на Кена. Рамачандра с удивлением повернулся

к Кену и перевёл требование толпы – двести рупий. Зубы у скалящихся в окно кредиторов были покрыты чёрным налётом. Кен обратил внимание, что все они жуют какую-то жвачку. Вот почему вечно жующая корова – их священное животное.

– Вы должны им деньги? – спросил Рамачандра.

Кен подумал об удобстве автоматического огнестрельного оружия и, не отвечая, вытащил две бумажки и дал их Рамачандре. Тот сунул их в чью-то руку, протянувшуюся в окно. Толпа в удовлетворении отхлынула, и дорога освободилась. Кену не удалось сдержать вздох облегчения. Рамачандра тактично начал разговор о бизнесе, будто ничего не произошло. Кен старался сосредоточиться на предстоящих переговорах и просматривал папку с документами, чтобы освежить в памяти все детали переписки, шедшей на протяжении двух лет.

На каждом перекрёстке, где машина останавливалась из-за скопления движения, к ним подходили, ковыляли, подползали нищие с протянутой рукой. Помимо замызганных мадонн с младенцами и просто шкодливых ребяташек, которые стали раздражать Кена своими иждивенческими настроениями, среди попрошайек было много калек с экзотическими уродствами. Если у одного не было ног, то культы имели жуткие отростки. Если у другого была сухая рука, то кости были выгнуты против всяких законов анатомии. Увидев у окна калеку, Кен давал ему монету – уж слишком это тяжёлое испытание для души: жить в ущербном теле.

Светофоры в основном не работали, а если и работали, то на красный свет никто не обращал внимания. Кое-как разгребал движение регулировщик-полицейский, который дул в свисток, как в трубу. Машины ехали в наиболее удобном направлении, поворачивая и разворачиваясь где придётся. В самый последний момент они тормозили, чтобы объехать корову или пешехода. У Кена создавалось впечатление, что водительские права в Индии выдаются не тем, кто сдал экзамен на вождение, а тем, кто провалил его.

Наконец они подъехали в обшарпанному зданию, где должно было проходить совещание. У входа слонялись охранники в смотрящейся по-военному униформе, вялые в движениях, но с выражением значительности на лицах. Рамачандра и Кен вошли в комнату начальника охраны, где гулял ветерок от вентилятора в потолке. На грозящем развалиться столе лежали кипы бумаг с обломатившимися от старости краями. Чтобы их не развеяло ветром, на каждую стопку были положены грузы в виде стеклянных разноцветных шаров.

Один из охранников, изучая визитные карточки Кена и Рамачандры, минут пять пытался дозвониться куда-то, чтобы выяснить, заказан ли пропуск. Телефон плохо работал, и охранник кричал в трубку, повышая интонации в конце каждой фразы.

Покричав пять минут, он получил подтверждение и старательно вписал имена посетителей в две бумажки, которые служили пропуском. Когда Кен и Рамачандра протянули пропуск стражу у ворот, тот даже не посмотрел в него, а лишь махнул рукой – проходите, мол, чего уж там. В приёмной было много народу. На стене висел плакат на хинди, который Рамачандра стыдливо перевёл после настоятельной просьбы Кена: «Спать воспрещается!» Кен еле сдержался, чтобы не расхохотаться. И действительно, из-за долгого ожидания и жары посетители в приёмной легко впадали в сон. Босой старик, исполнявший роль Вергилия в этом чиновничьем аду, повёл их по коридору мимо больших комнат, заставленных столами, на которых лежали всё те же рыхлые кипы бумаг. Старик раскрыл перед ними тяжёлую дверь, и они оказались в большом кабинете, где работал кондиционер.

Ощущение прохлады было первым приятным ощущением Кена. Из-за необъятного письменного стола встал человек в чалме и протянул руку ему, а потом Рамачандре. Человека звали Сингх, и он был директором этого учреждения. После недолгого вступительного разговора выяснилось, что он защитил диссертацию в Америке, и это явно чувствовалось в его манерах и движениях. Через несколько минут пришли три его заместителя, в Америке

явно не бывавшие, и директор, извинившись, что ему необходимо присутствовать на срочном совещании, ушёл, оставив своих заместителей торговаться.

Кен знал, что они отклонили предложения конкурентов по техническим соображениям, и теперь всё сводилось к цене покупаемого оборудования. Между тем Рамачандра напомнил о технических преимуществах их машин, так что, когда заместители стали жаловаться на высокую цену, Кен тут же обосновывал её, акцентируя то или иное преимущество. Заказчики стали просить скидки то под одним предлогом, то под другим. Кен вспомнил попрошаек, которые протягивали свои грязные ладони в окошко такси, и почувствовал в себе отчётливое нежелание идти на какие-либо уступки.

Один из трёх был явно выше по положению, и он в основном вёл разговор, повелительно бросая указания двум остальным, которые записывали ход совещания для протокола. Когда они предприняли основной нажим, чтобы получить скидку, вдруг отключился кондиционер и проступила тишина. Ведущий переговоры заместитель смущённо объяснил, что отключилось электричество и что это происходит иногда до четырёх раз в день из-за маломощности электростанции. И тут Кену вспомнились не просто нищие, а калеки, при взгляде на которых у него переворачивалось сердце, и Кен решил чуть уступить и предложил в дополнение к продаваемому оборудованию техническое обслуживание. Эти услуги, как правило, предоставлялись всем заказчикам за небольшую плату, но специально не оговаривались в контракте, чтобы воспользоваться этим как резервом в переговорах и, если потребуется, предложить их бесплатно. Предложение Кена решило дело. Все оказались довольны.

Был сделан перерыв на ленч, и Кена с Рамачандрой отвели в столовую для начальства. Скучность рациона старательно заменялась обилием специй. В потолке кружилось несколько вентиляторов, которые не только создавали прохладу, но и отгоняли толпы мух. Все блюда были вегетарианскими, а Кен хотел мяса.

После ленча был отпечатан протокол совещания и подготовлен контракт для подписи. Пришёл директор в чалме, и его первый заместитель подобострастно подал ему бумаги. Директор бегло просматривал контракт и небрежно задавал вопросы своим подчинённым, а те бросались к нему с объяснениями, привставая со своих мест. Наконец Кен и директор подписали контракт и обменялись рукопожатиями. Кен был очень доволен – после заключения этого контракта его престиж в компании очень укреплялся, да и деньги, которые теперь ему причитались, тоже были немалые.

Сидя в баре гостиницы, он уже более холодно думал о своём сегодняшнем успехе. Ощущение пустоты в сердце становилось более важным, как это часто бывало по вечерам.

«Если бы напротив сидела Натали и держала меня за руку», – подумал Кен. Где бы они ни бывали – шли по улице, ехали в машине или были в гостях, – Натали всегда держала его за руку, стараясь подтвердить прикосновением неисчезающую близость. Кен так привык к этому теплу, что и с другими женщинами он в счастливой привычке пытался поддерживать близость постоянными прикосновениями. Но и женщины, и он быстро начинали тяготиться этим непреходящим напоминанием своего присутствия и с облегчением отстранялись друг от друга.

С Натали он никогда не испытывал абсолютного пресыщения. У него всегда оставалось желание прикоснуться к ней. Кен вспомнил свой ответ на вопрос Натали. Ответ этот теперь казался ему поразительно глупым, но тогда почему-то представлялся естественным и самоочевидным. Натали открыла дверь, и лицо её было светло. Помимо запаха еды – она пригласила Кена на обед – он сразу почувствовал запах зелья, которое она курила. Она жадно поцеловала его и сказала: «Я еле дождалась, пока ты придёшь». В начале их близости Натали бывала шокирована, когда Кен начинал раздевать её, чуть ступив на порог. Но вскоре и она уже не могла себе представить, как это можно иначе. Они научились одновременно замыкать круг любви. Натали объяснила ему:

– Я так люблю тебя, что, когда я чувствую твой выплеск, моё тело сразу же начинает сигналить тебе в ответ: «Да, да, и я счастлива с тобой».

Когда они сидели голые за столом и заканчивали обед, Натали спросила:

– Скажи, что для тебя важнее всего в жизни?

– Успех в моей работе, – не задумываясь ответил Кен.

– Почему? – удивлённо и разочарованно протянула Натали.

Кен пожал плечами, не зная, как это объяснить.

– Что же самое важное для тебя? – спросил Кен.

– Любить, – тихо и убеждённо произнесла Натали и добавила: – Ещё никто мне не сказал, что любовь для него – самое важное.

Кена тотчас кольнула ревность и заработала фантазия, рисуя аналогичную ситуацию, при которой Натали задаёт этот вопрос очередному мужчине. Натали сразу почувствовала это, встала из-за стола, подошла к Кену и обняла его.

– Но ты единственный, кто своим ответом причинил мне боль.

Кен потянулся к ней, и её маленькие груди, как два зверька, доверчиво тыкались носами ему в лицо.

Размышляя о своей ревности к Натали, Кен подумал, что ревность является критерием любви потому, что её испытываешь только к той, к которой «прижился». Причина ревности – страх смерти. Страх, что, по большому счёту, женщине безразлично, существуешь ты или нет, так как наслаждение можно получить и с другим, забыв о тебе, будто ты умер. Но ведь ты прижился (как на Земле) и хочешь жить в памяти возлюбленной вечно (жить на Земле вечно), вернее, чтобы тебя любили вечно, тем самым даруя тебе вечную жизнь. Ревность к женщине как ревность к жизни, которая может продолжаться без тебя.

Кен заказал ещё один коктейль и подумал, с какой бы готовностью он теперь променял свой относительный успех в бизнесе на безотносительное ощущение чуда, когда он обнимал Натали.

Он оглянулся – бар был немногочислен, и одиноких женщин не было вообще. «Проклятье!» – вслух произнёс Кен.

– Да, сэр, – подошёл расторопный официант.

– Счёт, – сказал Кен.

В эту ночь ему снился долгий разговор с Натали. Она стояла к нему спиной, и две ямочки над ягодицами смотрели на него, как два глаза.

– Зачем ты куришь эту дрянь? – спрашивал Кен, и Натали, не оборачиваясь, отвечала ему:

– Потому что это расковывает меня и я могу тебе сказать, что люблю тебя. А без моего, как ты говоришь, зелья я буду молчать.

– Почему? – удивился Кен.

– Потому, что ты не любишь меня так, как я люблю тебя.

Тут Натали обернулась, и он увидел трубку у неё во рту. Он бросился к ней, чтобы вырвать трубку, и раскрыл рот, чтобы закричать: «Неправда! Я люблю тебя больше всего на свете!» Но звуки не выходили наружу.

Ещё три дня прошло в совещаниях, встречах и переговорах. К вечеру Кен бывал так измотан, что с трудом досиживал на деловых обедах с заказчиками и, придя в номер, сваливался как убитый.

Перед отлётом Кена в Токио Рамачандра спросил, как бы он хотел провести последний вечер.

– Есть здесь где-нибудь место, где бы я мог познакомиться с индийской девушкой? – взялся за своё Кен.

– Я знаю, что многие ходят в диско, – неуверенно сказал Рамачандра.

– А какое диско считается лучшим?

– Я не знаю, я в них никогда не был.

– Почему? – полюбопытствовал Кен.

– Это для меня очень дорого, да и женат я... уже около трёх лет.

– А это правда, что в Индии до сих пор родители устраивают браки детей? Вас познакомили родители?

– Да, как правило. Но мы познакомились сами, и мои родители были против нашего брака. А когда они поняли, что мы всё равно поженимся, они попросили меня пойти с ними к астрологу.

– Ну, и что он предсказал?

– Что наш брак будет счастливым, но что ребёнок у нас будет только через два года после женитьбы.

– И он был прав?

– Да, мои родители согласились, и у нас всё хорошо.

– А ребёнок?

– Моя жена забеременела ровно через два года, – сказал Рамачандра таким спокойным тоном, будто точность такого рода предсказаний является чем-то само собой разумеющимся.

Кен никогда не относился серьёзно к предсказаниям, гаданиям, считая, что всё это спекуляция на теории вероятности.

Натали, напротив, постоянно читала книги по астрологии, чёрной магии, телепатии, а когда Кен, подшучивая над ней, просил её продемонстрировать знания на практике, Натали отказывалась, говоря, что гадатели становятся несчастными и потому она предпочитает не рисковать. «Хорошо, тогда не надо», – с шутливым великодушием соглашался Кен. «Ты напрасно смеёшься», – озабоченно говорила Натали, будто Кен совершил кощунство. Кен обнимал её, как ребёнка, от которого нельзя требовать здравомыслия, и Натали, так легко отгадывавшая его мысли, однажды сказала: «Ты думаешь, что у меня нет здравого смысла? Но помнишь, что сказал твой любимый Гегель: “Здравый смысл – это предрассудок своего времени”». Способность Натали узнавать, о чём думает Кен, настораживала его, так как угрожала независимости, которой он так дорожил. Но в то же время он с радостью принимал объяснения Натали: она утверждала, что может узнавать его мысли только потому, что любит его.

– Я знаю, что я хочу делать сегодня вечером, – сказал Кен Рамачандре, – пойдём к твоему предсказателю.

Рамачандра удивлённо уставился на Кена.

– Да, да, – подтвердил Кен. – Ты сможешь позвонить ему и договориться, что мы придём?

– У него нет телефона, но он, наверное, будет вечером дома. А зачем это вам?

– Любопытно. И это, пожалуй, интереснее, чем диско.

Астролога звали Шарма, и жил он один в одноэтажном каменном домике. Мебель в комнатах отсутствовала. Астрологу было за шестьдесят. Белая длинная рубашка оставляла открытыми лишь его босые ступни. В углах комнаты, куда он провёл Рамачандру и Кена, лежали стопкой толстые книги. В нескольких местах курились какие-то травы, воздух в комнате был пряным, как бывало у Натали. Астролог не говорил по-английски, и Рамачандра был за переводчика. Где-то неподалеку проходила железная дорога – Кен услышал сопение поезда, а потом гудок, который всегда вызывал в нём смутную тревогу. Казалось, что гудок говорит ему: «Ну, пора!», но куда «пора» – оставалось щемящей тайной.

Астролог не выказывал особого дружелюбия.

Он даже не улыбался, как всякий торговец улыбается покупателю. Он указал гостям на коврик и сам уселся в углу комнаты, вывернув ноги в одну из йоговских поз. Кен не пытался

подражать и сел, вытянув ноги вперёд, а Рамачандра без труда уселся в ту же позу, что и астролог.

– Он говорит, что гороскоп будет стоить триста рупий, – перевёл Рамачандра.

«О'кей, это не место для торговли», – подумал Кен и отсчитал деньги. Астролог взял бумажки длинными красивыми пальцами, спрятал их где-то в своей рубашке и попросил Кена назвать дату, место и как можно точнее время своего рождения. Он достал лист бумаги, уже расчерченный на квадраты, нанёс карандашом точки, а потом стал соединять их линиями. Затем он потянулся за фолиантом, лежащим в стопке книг рядом с ним, раскрыл его, что-то усмотрел в нём и снова вернулся к листу с начерченными линиями. Прошло минут двадцать. Кен подмигнул Рамачандре, и тот вежливо полуулыбнулся, но весь его вид был полон благоговения перед действием, вершимым астрологом. Опять невдалеке прокричал поезд.

... За год разлуки Натали никак не давала о себе знать. Прежде, когда Кен не раз пытался положить конец их отношениям, она не позволяла разлуке свершиться. Один раз он уехал на месяц в командировку и решил использовать свой отъезд, чтобы избежать устных объяснений. Он написал ей короткое письмо, где говорил, что им пора расстаться. Через несколько дней он столкнулся с Натали в коридоре гостиницы – получив письмо, она сразу села на самолёт и прилетела к нему. Письмо было написано на фирменной бумаге отеля, и ей не стоило никакого труда найти Кена.

– Что это такое? – спросила она неверящим голосом, держа в руке письмо.

И он не знал ответа на этот вопрос. Он почувствовал, что у него нет ни сил, ни желания настаивать на разлуке. Натали осталась у него на несколько дней, и они были счастливы, стараясь не думать, что причиной этого счастья была попытка разлуки...

Астролог наконец заговорил, водя пальцем по линиям, начертанным на листе бумаги. Рамачандра внимательно слушал и переводил.

Поначалу было много общих мест, которые можно было с успехом отнести на счёт многих жизней, на вскоре началось то, что Кен счёл поразительным совпадением.

Астролог сказал, что Кен пытается отвлечься, вернее, планеты пытаются отвлечь его от большой любви, но, несмотря на это, самое сильное влияние оказывает планета, охраняющая эту любовь. Более того, до конца жизни это чувство будет преобладать над всеми. А дальше он сказал такое, от чего Рамачандра запнулся и долго переговаривался с астрологом, прежде чем перевести.

– Он спрашивает, хотите ли вы знать всё, что говорят звёзды, или, может быть, лучше не заглядывать в будущее?

– А за что же я деньги платил? – пытался пошутить Кен, предчувствуя недоброе, и решил, что нелепо прятаться от судьбы, если она соблаговолила выйти тебе навстречу. – Пусть договаривает.

– Он видит, что жизнь ваша скоро оборвётся, потому что вы пренебрегли этой любовью.

– Как это «скоро»? Завтра? Или через год? – спросил Кен, втягиваясь в эту игру и в то же время подсмеиваясь над собой за это.

Пока Рамачандра переводил вопрос и астролог отвечал, сердце Кена билось, как при взгляде на кружащийся шарик рулетки, но выигрыша тут не существовало, а была только возможность уменьшить проигрыш. Сердце каждым своим ударом вгоняло в тело всё больше и больше слабости.

– Он не может сказать точно. Единственное, что он видит, это – скоро.

Рамачандра явно воспринимал всё всерьёз и смотрел на Кена с испугом. Кен поднялся:

– Ну, спасибо на добром слове.

Он не желал позволять себе принимать эти предсказания близко к сердцу.

Рамачандра и астролог поднялись тоже и направились к выходу. Старик сложил свои ладони вместе и поднёс их к лицу в традиционном индийском жесте. Кен посмотрел в его глаза и в страхе отвернулся, но тут же одёрнул себя и улыбнулся старику на прощанье. На обратном пути они словили рикшу на мотороллере. Позади водителя был приделан фургончик, куда они втиснулись. Их подкидывало на ухабах, и мотор так трещал, что разговаривать было невозможно. Кен смотрел в тёмную улицу, мелькавшую редкими огнями, и чувствовал усталость, которую хотелось как можно скорее утопить во сне. Рамачандра вылез из фургончика, чтобы попрощаться с Кеном у гостиницы. Кен планировал приехать в Индию через полгода и, пожимая руку Рамачандре, сказал:

– До встречи через полгода! – и он видел, как Рамачандра старается скрыть своё сомнение, а может быть, даже неверие во встречу.

Перелёт в Японию прошёл в полусне-полубодствование. Кен летел в первом классе, пил бесплатные коктейли, смотрел кинофильмы и не снимал наушники, переполненные музыкой. Кормили часто и чрезмерно. Иногда открывалась дверь пилотской кабины, и пилот выходил размяться. Кен успевал увидеть в открытую дверь бескрайние пульта управления, лампочки, кнопки и думал о том, что он вручил свою судьбу в руки механизмов и приборов и в течение полёта никак не в состоянии повлиять на что бы то ни было. «Я понял, почему первый класс называется первым – потому что в случае катастрофы пассажиры первого класса погибают первыми», – сострил он вслух, и его сосед натянуто улыбнулся.

День и ночь перемешались, и Кена постоянно клонило в сон – не то от выпитого, не то от того, что действительно была ночь. Он наблюдал за покачиванием зада стюардессы, проходившей между рядами, и думал, что если произойдёт катастрофа, то нужно будет сразу прыгнуть на неё, чтоб успеть умереть в поцелуе. Но пока полёт проходил нормально, и он опять дивился чуду женского тела, которое ухитряется своё поступательное движение вперёд совмещать с покачиванием бёдер из стороны в сторону.

Кен проснулся, когда объявили посадку, и первым его ощущением пробуждения было удивление тем, что ему не снилась Натали. Затем он вспомнил о предсказании, будто о диагнозе смертельной болезни, и сердце его сжалось и долго не хотело разжиматься. Вскоре он уговорил себя, что нельзя принимать всерьёз слова какого-то шарлатана, и отвлёкся на яркие огни вечернего Токио.

Аэропорт светился порядком и чистотой. Насекомообразные иероглифы услужливо дублировались на английском, так что Кен быстро оказался у стоянки такси. Машины блестящие, будто они только что сошли с конвейера, а шофёры выглядели весьма чисто и вели себя с достоинством профессионалов. Дорога до гостиницы заняла около часа. Кен пытался было расспрашивать шофёра про достопримечательности, но тот едва говорил по-английски, так что Кен лишь смотрел по сторонам на выющиеся автострады, на целеустремлённо движущихся людей и на аккуратные здания, плотно приставленные друг к другу. К великому удивлению Кена, шофёр отказался взять у него чаевые. Электронный счётчик в такси оказался нравственным законом. Забронированный отель был в центре города и подчёркнуто высокого класса. Бой раскрыл перед Кеном просторный и ухоженный номер. В шкафу лежал халат-кимоно, который пришёлся Кену впору. У Натали был японский халат, в котором она выглядела по-восточному со своими широкими скулами и раскосыми, но большими глазами. Кен включил телевизор, и по экрану забегали женщины с голыми грудями – шёл фильм из японского средневековья. Он полистал программы и вернулся к той, что включил первой. На следующий день была назначена встреча с Ичи, менеджером фирмы, которая хотела представлять интересы компании Кена в Японии. Кен по телефону запрограммировал компьютер-будильник, и утром его разбудил телефон. В трубке запели птицы, заиграла ласковая музыка и сладкий женский голос объявил время и пожелал доброго утра.

Ичи вошёл в вестибюль точно в назначенное время. Кену предстояло решить, заключать ли контракт на представительство с фирмой Ичи или с другой компанией. Фирма, в которой работал Ичи, была одной из старейших в Японии и имела заслуженно высокую репутацию. Но прежде чем принять решение, Кен хотел лично познакомиться с людьми, которые предназначались для ведения дел в Японии.

Кен считал пунктуальность одним из важнейших человеческих достоинств, его всегда бесила непунктуальность Натали. Но теперь, вспоминая об этом, он чувствовал нежность. Она опаздывала на свидания, но не было случая, чтобы она отказалась с ним встретиться, когда бы он ни захотел – в любое время дня и ночи.

Ичи спросил, какую еду предпочитает Кен, японскую или американскую. Кен выбрал японскую, чем явно обрадовал Ичи. Кен всегда предпочитал кухню той страны, где он находился. Людям приятно, что иностранец не воротит носа от их еды. Кен заказал сырую рыбу, отказался от вилки, предложенной официанткой, и ел палочками, ловя одобрительные взгляды Ичи. За обедом договорились, что Кен возьмёт с собой Ичи и его помощника-инженера на запланированные встречи с заказчиками. Кен рисковал, соглашаясь раскрывать детали переговоров до того, как будет подписан контракт о представительстве, но это был единственный способ проверить Ичи и его сотрудника в деле, а без такой проверки было бы ещё рискованней принимать решение. Рыба была непривычно вкусна, о чём Кен сказал Ичи и этим вдохновил его на маленькую лекцию о японской кухне. Ичи обратил внимание Кена на обилие маленьких чашечек и тарелочек, в которых подавались различные овощи и кусочки чего-то неузнаваемого. Каждая чашечка была своего цвета и формы – красота посуды придаёт дополнительную радость трапезе. Пища готовится так, чтобы максимально сохранить её естественный вкус и не исказить его, смешивая одну пищу с другой, или не обезображивать её вкус соусами. Потому еда и должна происходить при свете, чтобы видеть красоту пищи и посуды и получать зрительное наслаждение в дополнение ко вкусовому. В связи с этим Ичи, побывавший несколько раз в Штатах, с иронией отозвался о непроглядном мраке в американских ресторанах. «Быть может, это способ скрыть однообразие американской пищи?» – подыграл ему Кен, и оба рассмеялись. Кен даже не вспоминал о предсказании астролога. Ичи заплатил по счёту, а когда Кен сказал, что оставит чаевые, Ичи пояснил, что чаевые не приняты в Японии.

После ленча они поехали в центральный офис фирмы, где их прибытия ожидали президент компании и два вице-президента. Они расположились в комнате для совещаний на двадцать первом этаже.

Натали очень боялась высоты и не подходила к окнам, если ей случалось бывать в высотных зданиях.

Кен изложил условия, которые он хотел положить в основу контракта. Главной задачей было максимально ограничить доступ к техническим секретам и позволить агентству быть лишь пассивным посредником в продаже, а не активным участником процесса изготовления оборудования, которым в конечном итоге каждая японская компания стремится стать.

Кен упомянул имена их конкурентов, которые горели желанием представлять компанию Кена в Японии. Это упоминание заметно повлияло в пользу Кена, и его требования были приняты практически без изменений.

Кен обратил внимание, что на стене висел подлинник Мירו. Он похвалил картину, и разговор потёк более оживлённо. Лицо у президента было сонным, за исключением глаз. Костюм сидел безукоризненно на его щупленькой фигуре. Кен не мог определить его возраста точнее, чем между тридцатью пятью и пятьюдесятью. Два вице-президента напоминали близнецов, крепких ребят, которые умеют постоять друг за друга. Президент извинился,

что не может уделить Кену больше времени, так как улетает в командировку, и выразил уверенность, что коллеги без труда заменят его. Коллеги улыбнулись, но без всякого подобо-страстия.

Они обсуждали детали договора до вечера. Была пятница, и решили, что в понедельник и вторник Кен, Ичи и его помощник посетят нескольких заказчиков, а в среду будет готов окончательный вариант контракта и состоится его подписание.

После окончания совещания Ичи предложил Кену зайти пообедать, и Кен очень обрадовался этому, так как не хотел оставаться один. За обедом, захмелев от сакэ, Ичи спросил, чем Кен хочет заняться вечером.

– Пойти к гейшам, – не задумываясь сказал Кен.

Но Ичи объяснил, что гейши очень дорогие, да и секс для них – дело вовсе не главное. Последнее смутило Кена гораздо больше, чем дороговизна, и он согласился на турецкие бани, которые, по словам Ичи, являлись тем, что надо.

– Я надеюсь, там не турчанки, а японки, – решил заранее уточнить Кен.

– О, конечно, конечно, – закивал Ичи. Он решил тоже кутнуть за компанию с Кеном.

Ичи остановил такси, и они поехали по огненным улицам, запруженным людьми. Однако, в отличие от Индии, создавалось впечатление, что в толпе каждый преследует свою чёткую цель, которая соразмерна с целями остальных, а посему не возникают грязь и хаос.

Такси подвезло их к многоэтажному зданию. Широкие стеклянные двери напоминали гостиницу. У двери не было стражей, и они вошли в холл.

Кен вспомнил гостиницу в Чикаго, где они останавливались с Натали и он записал её под своим именем как жену. Кен тогда постоянно представлял себе, что они муж и жена, и это придавало их близости особую значимость и дополнительную окраску. Но в то же время он помнил, что в действительности он свободен от Натали, и испытывал лёгкость от возможности расстаться в любое время, что тогда казалось ему таким простым.

Они подошли к типично гостиничному прилавку, за которым стояла очень милая и немолодая японка с лицом, красноречиво говорящим, что в свои юные годы она не тратила времени зря. Справа в глубине холла на креслах сидели пять девушек. Они смотрели телевизор. Две оглянулись на вошедших и улыбнулись, а остальные три даже не обернулись. Кен одним взглядом охватил всех – три профиля и два фаса. И лицо одной сразу же остановило на себе все помыслы Кена. Он скользнул взглядом по фигуре этой девушки – она была из тех, что не обернулись. Она курила сигарету, глубоко затягиваясь, и не отрывала глаз от телевизора.

Что-то в её облике было от Натали – широкие скулы, форма губ, а скорее всего это была манера курить – быстрая и глубокая затяжка, положение пальцев, которыми она держала сигарету. Девушки были в очень коротких юбочках и красных майках на голое тело.

Тем временем Ичи объяснялся с хозяйкой, которая наконец закивала головой. Ичи поманил Кена. Кен радостно вздрогнул. Хозяйка поклонилась ему и спросила на понятном английском, какую девушку он хочет. Кен указал. Ичи перенял эстафету у хозяйки и сообщил, что за семьдесят минут нужно отдать 35 000 йен. Кен прикинул, что тариф примерно такой же, как дома, но почему семьдесят минут, а не час? Но в тот момент было не до вопросов. Хозяйка произнесла имя девушки, та с готовностью вскочила, притушила сигарету и подбежала к хозяйке.

Кен вытащил деньги и вручил хозяйке нужную сумму. Она отсчитала около половины и отдала девушке. Та зажала деньги в кулачок, непринуждённо улыбнулась Кену и поклонилась. Зубы у неё были с червоточинной – вроде белые и ровные, а что-то не то. После идеальных зубов Натали Кен стал очень привередлив к зубам.

Девушка взяла Кена за руку и повела его по лестнице на второй этаж. Влево и вправо от лестницы шли коридоры с дверьми, ведущими в рай, разбитый на комнатные участки. Она

подвела Кена к одной из дверей в начале коридора, у которой уже стояла другая девушка, кого-то поджидая. Кен с удовлетворением отметил, что его девушка значительно привлекательней. Она жестами указала Кену на дверь. В тот момент, когда Кен взялся за ручку, дверь раскрылась и японец вышел из туалета. Кен посторонился и улыбнулся ему, но тот потупил глаза и хмуро прошёл мимо. «Наверно, обременён мыслями о греховности», – ухмыльнулся Кен, устраиваясь у писсуара.

Запах Натали после проведённого дня гулянья по городу – запах гляцевых внутренностей.

Кен вышел из туалета, и девушка, взяв его за руку, повела дальше по коридору. Она открыла одну из дверей и вошла первой. Кен очутился в крохотной квадратной прихожей, отделённой от комнаты ступенькой, поднимающейся вверх. Кен занёс уже было ногу на ступеньку, но девушка остановила его жестом и показала, что он должен снять туфли. Кен быстро сбросил их и поднялся за ней в комнату.

Комната состояла из двух частей. Первая являлась маленькой площадкой, покрытой ковром, где у одной стены стоял диван, а у другой – комод с зеркалом. Вторая часть этой комнаты опускалась ступенькой на уровень прихожей и представляла из себя отделанную кафелем ванную. У стены переливалась через края большая прямоугольная ванна из нержавеющей стали. Кран был затоплен водой, так что шума льющейся воды не было слышно, и ванна, заполненная до самых краёв, выглядела как воплощение чего-то чрезмерного. Рядом на полу лежал резиновый надувной матрас зелёного цвета.

Кен стал раздеваться, чтобы не терять времени. На комод стояли часы, и Кен заметил время. Часы были окружены маленькими бутылочками кока-колы и прочими явно безалкогольными напитками. Кроме того, там были баночки и бутылочки с парфюмерией или гигиеническими химикалиями да несколько пачек сигарет. Пока Кен всё это рассматривал, быстро освобождаясь от одежды, девушка тоже успела сбросить с себя символическую одежду, открыла ящичек, вытащила сложенную вчетверо бумажку, развернула её и дотронулась до Кена, привлекая его внимание к её лицу. Старательно вглядываясь в бумажку, она произнесла две английские фразы, изрядно коверкая слова и звуки: «Делайте, что я покажу. Не спешите». Кен кивнул головой в знак согласия в трепетной надежде, что она не станет этим злоупотреблять. Тело у неё было не желтое, а смуглое, крепкое и округлое. Волосы на лобке были густыми. Девушка поманила Кена в ванну. Он с наслаждением погрузился в горячую воду, выплеснув поток воды на кафельный пол. Девушка знаком спросила, не горячо ли, и Кен сказал своё «о'кей», которое она поняла, и, улыбаясь, закивала. Она села в ванну лицом к нему, и Кен обнял её благодарно и нежно, но через секунду она мягко отстранилась, вылезла из ванной и поманила Кена за собой. Он послушно вылез, и она посадила его на низкую скамеечку, которую он поначалу не заметил. Сделана она была таким образом, что оставляла доступ к его паху, чем девушка немедленно и воспользовалась. Откуда-то появилась мыльная пена, и девушка, присев перед ним на корточки, стала добросовестно мыть Кена. Он решил ответить ей взаимностью, и она восприняла это благосклонно. Затем они опять залезли в ванну, чтобы смыть пену. Следующая процедура происходила на матрасе, и девушка исполнила её с таким энтузиазмом, который можно было бы принять за великую страсть, не будь денежной предыстории их отношений.

Потом они снова окунулись в ванну, и она тщательно обтёрла Кена полотенцем. Кен заботливо прошёлся полотенцем по всем закоулкам её тела. Они уселись на диван. Над диваном висела репродукция с известной не то эротической, не то порнографической японской картины. Сравнивая эротическую живопись Японии и других азиатских стран, Кен поражался невероятной разнице в подходе. У японцев – это обетованная похоть с искренним бесстыдством, а следовательно, и с любовью к деталям, телесным и эмоциональным. В Индии же, к примеру, акт любви изображался исполняемым стереотипными куклами, которые меха-

нически ставятся в серию поз. Их лица и тела безэмоциональны, и максимальный намёк на какие-либо ощущения изображается художниками в виде закрытых глаз. Короче, изображается не совокупление, а однообразная стилизация совокупления.

Девушка предложила Кену сигареты и прохладительные напитки. Кен не желал тратить время не по назначению. Она села на край дивана и закурила – как она напоминала ему Натали! Кен сел позади неё, обняв её руками и ногами, и стал целовать ей шею, разгребая тяжёлые волосы. Японка среагировала так же, как Натали, – она притушила сигарету и с мутными глазами повернулась к Кену, ловя его губы. Второй раз быстро превратился в третий, и Кену показалось, что в заключение она прикасалась к нему с искренней нежностью.

Кен всегда испытывал прилив тепла и благодарности к женщинам, которые не мучили его нудным процессом соблазнения, каким бы коротким он ни был. Посему многие небезразличные проститутки ощущали в нём больше нежности, чем благопристойные женщины, которые уступали наконец, а не сразу.

Девушка пыталась что-то ему объяснить, тыча пальцем ему в грудь, но он никак не мог понять смысла её жестов.

Когда она привела его в холл, там уже сидел Ичи. Девушка подсемила к нему и стала что-то щебетать. Ичи удивлённо качал головой и смеялся. Потом он перевёл Кену, что она восхищается тем, что Кен умудрился использовать отпущенное время в три раза эффективнее, чем японский мужчина. «Что ж, хоть здесь Америка впереди Японии», – заметил Кен. И пока Ичи смеялся этой шутке, Кен подумал, что за весь этот вечер он не вспомнил о предсказании астролога. Девушка чмокнула Кена в щёку, прощаясь, так как её по-хозяйски взял за руку какой-то мужчина – видно, было уже заплачено.

Когда они вышли на улицу, Ичи всё продолжал изумляться подвигу Кена, а Кен перевёл разговор на девушек из турецких бань. Ичи рассказал, что они могут выдержать не больше пяти лет, так как их кожа из-за постоянного использования мыла и воды резко портится. Однако эти пять лет могут их обеспечить на всю жизнь.

Кен с облегчением высадился из такси у своего отеля и помахал рукой Ичи, как бы отмахиваясь.

Когда он проснулся на следующее утро, он не мог вспомнить, чтобы ему что-нибудь снилось. Была суббота, и он купил билет на автобусную экскурсию по Токио. Первая остановка была в парке напротив императорского дворца: курчавые крыши строений и деревья со стволами, обёрнутыми в соломенные маты, в которые насекомые забирались зимовать. Ранней весной эти соломенные маты снимались и сжигались вместе с насекомыми. «Бедные доверчивые насекомые, – думал Кен, – они верят, что там, где тепло, им будет хорошо. И я хочу к Натали, потому что мне с ней тепло, а быть может, это ловушка судьбы».

В конце экскурсии автобус остановился у древнего храма, и экскурсантов отпустили погулять на полчаса. У храма стояли просящие подаяния – их нельзя было назвать нищими, которые кишели в Индии. Эти люди стояли с достоинством в бедных, но чистых одеждах. Некоторые из них ударяли во что-то громкое, типа бубна, чтобы привлечь к себе внимание. Кен увидел двух инвалидов – один слепой, а другой без рук, с блестящими крючками протезов. Оба были в белых комбинезонах. Перед храмом, посередине площади, горел костёр, над которым была возведена невысокая крыша, чтобы спасти его от дождя. Со всех сторон к нему подходили люди, старались дотронуться до косматого огня и быстро отдёргивали руку.

Кен вошёл в сумрачный храм. В центре восседал жирный Будда. Постояв несколько минут и понаблюдав за сосредоточенными людьми, Кен вышел. У внешней стены были установлены деревянные шкафы с маленькими ящичками, которые напоминали маленькие сейфы в банках, предназначенные для индивидуальных вкладчиков. У этих шкафов толпилось много людей. Кен подошёл поближе и увидел, как люди выдвигают ящички, на которых стояли номера, вынимают из них бумажки, свёрнутые в трубочку, и, разворачивая, читают их

с большой серьёзностью. Когда они с Натали бывали в китайских ресторанах и она вытаскивала предсказание, спрятанное в печенье, её лицо всегда становилось очень тревожным, хоть всем известно, что предсказания в ресторанах всегда доброжелательные. Но однажды Натали вытащила бумажку, которая оказалась пустой. Натали побледнела и глубоко задумалась, будто пустая бумажка сказала ей много больше, чем стандартные обещания скорых успехов. Она сидела, забыв о Кене, и крутила в руке бумажку, пока Кен не вырвал её и не разорвал на мелкие части. Натали подняла на него удивлённые глаза и с облегчением вздохнула, будто он спас её от неминуемой гибели.

«Она немножко ненормальная», – подумал тогда Кен, глядя на неё с нежностью, и почувствовал, что мысль об этом не огорчает его, а делает счастливым.

Теперь, глядя на людей, разворачивающих бумажки и явно принимающих всё всерьёз, Кен ясно понял, что ему надо пойти и вытащить бумажку со своей судьбой.

Иногда Кен чувствовал в себе назревание какого-нибудь неотвратимого решения, и если разум противился ему, приводя различные доводы, он знал, что ничего уже не поможет и он должен будет выполнить это решение, каким бы абсурдным оно ни казалось. Он даже внутренне посмеивался над усилиями разума что-то изменить. Решение, созрев, представляло таким чётким и сильным, что он тотчас бросался на его выполнение, ибо становилось физически невозможно удерживать его в себе. И Кен почувствовал знакомую неотвратимость принятого решения.

Он подошёл к одному из японцев в толпе и спросил, указывая на людей у ящичков, что они делают. Кен только сейчас осознал, что он, по сути дела, даже не знает, что обозначают эти бумажки – может быть, это вовсе и не предсказания судьбы, а, к примеру, кулинарные рецепты или лотерея. Но в глубине души он был уверен, что предчувствие не обманывает его. И действительно, японец сказал мелодично-ломано: «Будущая судьба». Оказалось, нужно было заплатить сколько-то там йен за право подступиться к своей судьбе, и Кен подошёл к ящичку с номером, указанным на бумажке, которую он вытащил в обмен на деньги. Кен открыл ящичек. В нём оказалось несколько бумажек, свернутых в трубочку, и с колотящимся сердцем Кен вытащил одну. Он тут же развернул её и увидел иероглифы. Люди подталкивали его, жадные до своей судьбы, и Кен отошёл в сторону. Он шагнул навстречу проходящему японцу и протянул развернутую бумажку. Тот остановился, взглянул в бумажку, внимательно посмотрел на Кена и что-то сказал по-японски. Потом опять проговорил что-то непонятное и ушёл. Кен направился к автобусу, решив показать бумажку экскурсоводу, тем более что отпущенные полчаса истекали.

Он шёл сквозь толпу и думал, что судьба уже предрешена и он только ждёт теперь её откровения. И даже не важно, узнает он о ней или нет – она всё равно свершится. И если существует судьба, то зачем люди так стремятся её узнать? Чтобы ужаснуться? А быть может, откровение, которым иногда обнаруживает себя судьба человеку, это последний шанс изменить её? Но обычно, замороженный увиденным, человек лишь движется ей навстречу. «Вот я и стал фаталистом, Натали», – сказал Кен вслух, подходя к автобусу.

Экскурсовод, стоя на входных ступеньках, вытягивал шею и подсчитывал своих подопечных. Кен, видимо, сбил его со счёта, протянув ему бумажку и попросив перевести. Экскурсовод взглянул на иероглифы сквозь пузатые очки и, будто укоряя кого-то, покачал головой.

– Это вы в храме из ящичка взяли?

– Да. Что там написано?

– Не обращайтесь внимания, это суеверная чепуха, – старательно улыбнулся экскурсовод.

– А что там написано? – резко переспросил Кен и ткнул пальцем в иероглифы.

Экскурсовод замялся и пробормотал:

– Там написано: «Жить осталось немного дней».

Сердце у Кена споткнулось и упало, но тут же поднялось и ринулось с удвоенной скоростью. Он взял из рук японца бумажку и сел на своё сиденье. «Что ж, – стал он пытаться рассуждать хладнокровно, – два предсказания, сделанные в разных концах Земли, совпали. Для простого совпадения слишком мала вероятность». И он вдруг ясно осознал, что он не может рисковать, пренебрегая этими предсказаниями. Если предположить, что они верны, то, значит, он умрёт, не увидав Натали. И если действительно ему осталось жить считанные дни, то он должен провести их с нею. Более того, ему сейчас открылась простая истина – вне зависимости от того, когда он умрёт, он хочет быть с Натали. Он теперь признался себе, что все это время он только и ждал предлога, чтобы вернуться к ней, – а какой найти лучший предлог, чем скорая смерть. Если смерть близка, то ничто не имеет смысла, кроме любви к Натали. А смерть – она всегда близка. Ему вдруг стало необычайно смешно от этой мысли, и он громко рассмеялся. Пассажиры оглянулись на него и снова уткнулись в окна. Кен испытывал ощущение, будто он решил головоломку, которая представлялась невероятно сложной до тех пор, пока одно правильное движение не превращает её в простые составные части. И превращение это вызывает смех просветления. Какими ничтожными казались ему теперь все его заботы о карьере, его обязанности, работа – всё, что не было связано с Натали. «Так вот оно что! – тихо смеялся Кен. – Только ясно увиденная смерть может придать подлинность нашей жизни. И любовь». Сосед Кена с тревогой наблюдал за ним. «Наверное, решил, что я помутился рассудком, а ведь я просветлился», – подумал Кен. Вдруг он услышал, что экскурсовод объявляет название его гостиницы. Он очнулся и увидел в окне яркие двери, тербимые входящими и выходящими. Кен вскочил и легко выбежал из автобуса. Он бросился к лифту, краем глаза наблюдая за собой и удивляясь себе. Он ворвался в номер и схватил телефонную трубку. Он набрал код выхода на Америку и номер Натали, который не позволял себе набирать целый год. Несколько секунд – и через океан пронеслась автоматическая запись, что этот номер отключён. Кен бросил трубку – он почему-то был уверен, что Натали ждёт его звонка у телефона. Он снова схватил трубку и позвонил в авиакасса гостиницы. Ближайший самолёт в Америку отлетал через четыре часа, и ещё были свободные билеты. Через два часа Кен уже шёл по залу аэропорта. Он послал телекс к себе на фирму, что по состоянию здоровья он сокращает свою командировку. В гостинице он оставил записку Ичи с тем же содержанием. Теперь Кен в нетерпении ждал отлёта, надеясь, что предсказанная скорая смерть – это не смерть в авиационной катастрофе.

Когда самолёт взлетел и стюардессы стали развозить напитки, Кен попросил три «красные Мэри». Стюардесса поставила ему на столик три бутылочки с водкой. Она хотела налить ему тройную порцию томатного сока, но Кен остановил её на первой: «Моя Мэри малокровная», – пояснил он стюардессе. Напряжение чуть спало – Кен смотрел в окошко на покачивающееся крыло самолёта. Вдруг самолёт стало резко подбрасывать. Создалось впечатление, что самолёт летит благодаря взмахам крыльев. Голос пилота сообщил пассажирам, что они пролетают через потоки восходящего воздуха. Стаканчик Кена упал, хорошо, что уже всё было выпито. «Только бы долететь», – взмолился Кен. Он почему-то был уверен, что сразу же разыщет Натали. Наконец-то самолёт выплыл из воздушных ям. Одно из облаков напомнило Кену картину Натали.

Натали занималась живописью, и её картины всегда тревожили Кена. Он вспомнил ту, что она ему подарила в начале их близости, – голая женщина, сидящая на ветке безлистного дерева и воющая на луну. Под деревом стоит голый мужчина с виновато-дурашливым лицом, и мимо него проносится яблоко, брошенное на землю то ли женщиной, то ли веткой. Раза два Натали устраивала выставку у себя на квартире, и Кен пригласил своих деловых знакомых, которые, как он надеялся, купят картины. Но Натали не горела желанием продать

свои труды за бесценок. Она справедливо считала, что вдохновение стоит дорого. Поэтому продать ничего не удалось.

Кен закрыл глаза и с привычной лёгкостью вызвал образ Натали. Часто он испытывал неуместное чувство опасения перед беззаветностью Натали. Полюбив, она следовала исключительно чувствам, которые всецело поглощали её. Она говорила, что разум всегда подгаживает в любви и может принести только материальную пользу, но духовную – никогда. Поэтому она всегда с отвращением относилась к противозачаточным средствам – воплощению вмешательства разума в запретную для него область любви. Было ею сказано и такое: «Большинство сентиментальных романов написано наивными мужчинами. Герой ухаживает за героиней, и ему не терпится сблизиться с нею. И она, судя по всему, согласна, но вместе с тем всё оттягивает, откладывает, переназначает. И герой негодует на её коварство или повергнут в смятение таинственностью её поведения. А ведь она просто старается приурочить свидание к безопасным дням». Кен тогда спросил: «Что же, ты считаешь, что она должна иметь ребёнка за ребёнком, а если у неё подворачивается приключение, то и от любовника, которого, может быть, она никогда больше не увидит?»

– В идеале, то есть следуя чувствам, женщина должна хотеть иметь ребёнка от того, кому она отдаётся. Это Бог решает, зачать ей или нет. Не всем женщинам дано иметь много детей, даже если они того и хотят.

Кен воспринял это как упрёк в том, что он не позволяет ей следовать своим чувствам, и опять в который раз уже подумал, что пора расставаться. По Натали, оказывалось, что любовь между мужчиной и женщиной – это лишь первый, несовершенный шаг по направлению к истинной любви – любви матери к ребёнку.

Что стоит любовь, основанная на корысти оргазма, – она то исчезает, то появляется вновь, то набрасывается на других, доступно подвернувшимся или недоступно отвернувшимся. Но в результате суетных любовных потуг рождается любовь, которая может длиться без всякой стимуляции всю жизнь. Похоть – это уловка для возникновения любви, ибо любовь, будучи явлением духа, не может прийти в материальный мир без посредника. Исключение возможно лишь в религиозном откровении, но оно, произойдя, отстраняет человека от материальной жизни. А для большинства людей половая любовь – это компромисс между материальным и духовным миром. Потому-то женщина тяготится бездетным существованием, в котором она всегда одинока.

Натали не походила на образ жены, который нарисовал себе Кен. В ней не было той домовитой женственности, которая поддерживает огонь в семейном очаге. Если отрывалась пуговица – у неё портилось настроение. Затем, она имела слишком много мужчин до него, Кен не знал, сколько, но их было больше одного, что уже много. В движениях Натали не было врождённой грации, которая так завораживала Кена в других женщинах. Она была порывиста, а говоря точнее, её пришлось бы назвать неуклюжей. И самое главное – её пристрастие к наркотикам. В начале их знакомства, когда Кен узнал об этом, ему было безразлично, но потом, сближаясь всё больше и больше и рефлекторно примеряя её на место будущей жены, он стал пытаться протестовать против её привычки, убедив себя, что она – главное препятствие. Натали согласилась пойти на жертву, и она не курила недели две, и Кен с трудом узнавал Натали – её постоянная жажда прикосновений иссякла, или что-то не выпускало её наружу. Она стала стыдиться слов, исчезли темы для разговоров. Когда Кен смотрел ей в глаза, она стала их отводить. И в постели она умолкла, и, хотя тело её говорило всё тем же языком, губы её были плотно сжаты и не выпускали ни звука.

– Ты чувствуешь, какая во мне стена, – виновато говорила она, садясь в постели.

Она опускала голову, и длинные прямые волосы тяжело падали вниз, закрывая её лицо и груди.

– Ведь то, что я курю, приближает меня к тебе, а не отдаляет, как ты думаешь.

– Но ты без этого не сможешь жить, – ужаснулся Кен.

– Но без еды и ты тоже не сможешь жить.

– Еда – это естественно, – вяло парировал Кен, а Натали зажигалась от этой темы разговора.

– Скажи, а умереть от любви – естественно?

– Не думаю.

– А любить – естественно? – продолжала Натали.

– Говорят, что и это жизненно необходимо, – улыбнулся Кен и обнял её, но она отчуждённо сидела, сосредоточившись на ходе своих мыслей.

– Как же тогда не умереть, если у тебя отнимают то, что естественно и жизненно необходимо. Как продолжать жить без любви?

– Можно найти другую любовь – как тебе нравится этот выход?

– Не нравится, – твёрдо сказала Натали и замолчала.

– Но мы отвлеклись от темы. Мы говорили о твоём курении. – Кен старался не употреблять слово «наркотик», которое звучало слишком грозно и обвинительно.

– Нет, мы не отвлеклись, – возразила Натали таким тоном, будто весь этот разговор, вопросы и ответы были ей давно известны. – Естественным становится всё то, что по-настоящему любишь. Но, увы, это естественно только для того, кто любит.

– Но так можно оправдать и убийство.

– Да, если оно совершается по любви, а не по ненависти.

Кен стал томиться её отстранённостью, и когда она, видя это, начала опять курить, Кен внутренне облегчённо вздохнул, ибо узнал в ней прежнюю близкую Натали.

Самолёт устало опустился на вечернюю землю. Выйдя из таможни, Кен сразу бросился к телефону и позвонил в справочную. Телефона на фамилию Натали не значилось. Кен решил немедленно ехать к ней на квартиру. Сердце его нервно засуетилось, когда такси подъехало к её дому. На её почтовом ящике значилась чужая фамилия. Кен позвонил смотрителю здания, представился в микрофон и сказал, что разыскивает Натали. Замок щёлкнул языком, и Кен с влажным чувством предвкушения распахнул дверь. Квартира смотрителя была в самом начале мёртвого коридора. Дверь квартиры была услужливо приоткрыта. Смотритель вышел из квартиры с письмом в руках:

– Вам письмо, только тут написано: «Передать только в случае затребования адресатом и по предъявлению удостоверения личности. По почте не отсылать. Уничтожить, если не будет затребовано до...».

Кен с удивлением увидел, что срок истекает через неделю. Он вынул паспорт и дал смотрителю. Тот стал внимательно сверять имя на конверте с именем в паспорте. Руки у него слегка тряслись. Наконец он как бы нехотя отдал письмо, вложив его в паспорт.

– Где живёт Натали? – спросил Кен.

– Я не знаю, она не живёт здесь больше полугода, – ответил смотритель и отвёл глаза.

Кен вышел за дверь и стал распечатывать письмо. Он слышал, как за его спиной смотритель закрывает дверь на замок и навешивает цепочку. В конверте лежала квитанция на сейф в банке, выписанная на имя Кена. Кен недоумённо разглядывал эту квитанцию и никак не мог придумать, что бы это значило. Он сел в поджидавшее его такси и дал шофёру адрес банка, который оказался в трёх кварталах. Банк был уже закрыт. Только теперь Кен заметил, что стемнело, и почувствовал, как он устал.

Шофёр помог Кену внести чемодан в дом и спросил озабоченно:

– У вас всё в порядке?

Кен удивлённо посмотрел на него:

– Конечно. А в чём дело?

– Извините, сэр, мне просто показалось, что вы плохо себя чувствуете.

Кен поблагодарил его и дал хорошие чаевые. Он взглянул на себя в зеркало – лицо было чужим.

В ванной на полу лежало полотенце, которое он бросил, собираясь в командировку. Он подумал о том, что одиночество – это когда приходишь домой и все вещи лежат на прежних местах. Кен наполнил ванну горячей водой, и пар быстро затуманил зеркало. Его взгляд опять упал на лежащее полотенце. В голову одно за другим лезли возможные объяснения происшедшего.

Натали оставила письмо с новым адресом. Но тогда зачем его класть в сейф? Можно было прямо оставить у смотрителя. Драгоценности? Но у неё их почти и не было, да и не умерла же она, чтобы оставлять их кому-то. А если умерла? Но конверт надписан её рукой. Она могла надписать, а затем покончить жизнь самоубийством. Кен вздрогнул от мысли, что её нет в живых, и от гаденького тщеславия, что она могла покончить с собой из-за него. Он опять стал думать, как бы разыскать её.

Родители её умерли, оставив ей наследство, достаточное, чтобы не заботиться о хлебе насущном. Натали была единственной дочерью. С родственниками она связей почти не поддерживала, и Кен не знал никого из них. Несколько раз он встречал её знакомых, но он не знал их по фамилиям. Близких друзей у неё не было. Ничего не оставалось, как ждать до утра. Кен думал, что проведёт бессонную ночь, но, к своему удивлению, быстро заснул.

Полчаса он ходил перед дверьми ещё закрытого банка. Кена допустили к сейфу только после тщательного изучения его водительских прав, кредитных карточек и после телефонных звонков каким-то менеджером. Наконец Кен раскрыл дверцу сейфа и вытащил плоскую коробку – это была видео-магнитофонная кассета. Больше в сейфе ничего не было. Кен ринулся к машине и погнался к дому. Он вбежал к себе в кабинет, бросился к видеомангнитофону и вставил кассету.

На экране вспыхнула Натали – она сидела в кресле голая, в руке у неё дымилась трубка, и глаза её смотрели прямо в глаза Кена.

– Я знала, что ты вернёшься ко мне. Вернёшься навсегда, – заговорила она. – Ведь то, что случилось с нами, было от Бога. Мы расстались три месяца назад, но это ничего не значит – мы всегда теперь будем вместе. Я тебя не вижу, не ощущаю, не слышу твоего голоса, не чувствую вкуса и запаха твоего тела – но ты рядом. Я устала ждать, нет, мне больно ждать этих ощущений, и я отправляюсь в бесконечное путешествие. Помнишь, какая я (Натали развела ноги), мы могли иметь детей, а они бы сохранили память о нас, о том, как мы любили (Натали затаилась). Я дала тебе возможность забыть обо мне. Я сомневалась и верила, что ты – мой. А я всегда была твоей, даже ещё до нашей встречи – я видела тебя во сне, но твоё лицо было неотчётливо. И когда я впервые увидела тебя, я тебя сразу узнала. И всё поняла. Теперь и ты понял многое. И раз ты пришёл, ты сам решил свою судьбу, и я забираю тебя с собой.

Экран потух. Кен задержал дыхание в твёрдом предчувствии чего-то, и действительно, раздался взрыв, разметавший по комнате куски тела Кена. Его душа в то же мгновение соединилась с душой Натали, и они образовали единое целое, безмерно совершенное в своём инобытии.

Из книги «Двойственные отношения» (Излюбленные рассказы) 1993

Страстная дружба

Я не хотел с ней жить, и подавно я не хотел на ней жениться. А вот Джил именно этого и хотелось. «Чтобы меня кто-нибудь дома ждал», – такого минимального, но необходимого эффекта от замужества или сожительства она нетерпеливо ждала. В этом желании много логики, и я ему сочувствовал, поскольку не возражал бы и сам пожить с женщиной, но совершенно иного склада, чем Джил. Я тоже хотел бы прийти в каменный дом на берегу озера или океана, где бы меня ждала красивая, как Джил, женщина, которая уже приготовила мне обед, но не, как Джил, ненавидящая готовить; чтобы дом был чистым, чтобы женщина служила мне, счастливо засматриваясь мне в глаза.

Жизнь с Джил происходила бы в вечно неубранной дешёвой квартирке, жрали бы мы всухомятку, её настроение менялось бы десять раз на дню, и ебля – главная радость наших долгих отношений – превратилась бы в разовые перепахивания наспех. Нет, в жёны она не годилась. Как, наверно, и я – в мужья. На последнее я напирал сильнее всего, чтобы не оскорблять достоинство Джил указанием на её никчёмность в этом деле. Если бы я ей сказал, что она не годится в балерины, то она согласилась бы с этим безо всяких обид, но не дай Бог сказать женщине, что она не годится в жёны, – большее удара не нанести, хотя талант здесь требуется побольше, чем у балерины.

В отношениях с каждой любовницей наступает такой момент, когда никакие подарки, никакое внимание её не радует, и единственное, чего она желает, и единственное, что её излечит от недовольства и сварливости, – это замужество – тотальное свидетельство любви, которое она принимает всерьёз и с тайным ощущением победы над сопротивлявшимся любовником.

С каждым месяцем недовольство Джил усиливалось. После нескольких оргазмов – хорошо хоть, что не «до», а то они могли бы и вовсе не возникнуть (у неё) – между нами неизбежно начинался разговор о безысходности наших отношений, и её настроение становилось беспросветным. Я одевался и уходил. С чувством великого освобождения и счастья я нёсся по автостраде домой и поздравлял себя с очередной победой, ибо если мужчина выеб женщину без денег и без наложения на себя обязательств по продвижению в сторону брака, значит, он выиграл бой. Ведь в глубине души женщина всегда презирает мужчину, который женился на ней, поскольку женитьба для мужчины – это акт слабости. Он уступает требованиям общества вместо того чтобы следовать требованиям своих желаний. Итак, если мужчина не женится на женщине, то она его начинает ненавидеть, а если женится, то она его начинает презирать. Но, как известно, до любви гораздо ближе от ненависти, чем от презрения.

Я дружески посоветовал Джил искать мужчину, который бы исполнил её брачные мечты, а пока ебаться со мной. Мне с ней было сладко, и, признаться, я представлял со страхом, что я когда-нибудь буду без неё, но мне было ещё страшнее представить, что когда-нибудь я буду только с ней.

Наши прежние отношения строились на презумпции моногамии (как Джил того желалось). Я же ей внушал, что моногамия и прочая верность вовсе не являются доказательством любви. Ведь теперь уж все признались-перепризнались, что в фантазиях измены всякого

рода процветают, как в тропиках. Задача общества в том, чтобы не позволить фантазиям превратиться в реальность. А раз есть желание, то разве не является самым естественным попытаться удовлетворить его для того, кого любишь. Истинная любовь будет стремиться моногамию уничтожить, ибо моногамия противоречит фантазиям возлюбленных, а значит, и их сексуальной жизни. Так что, если ты требуешь верности от партнёра, то это эгоизм. Если же ты принуждаешь к верности себя, то это самоистязание. Истинная моногамия уже заложена в мужчине природой, и она заключается в том, что, если перед тобой лежит десяток голых баб, то ты выбираешь одну, в которую хочешь кончить. В этом и состоит «единственность» женщины, ибо ты не можешь кончить одновременно в нескольких. Вот в чём настоящая суть моногамии.

Джил в ответ на мою теорию пыталась уничтожить меня словом «циник». «Что ж, – думал я, но вслух не говорил, – женщины ненавидят цинизм, потому что с его помощью мужчине удаётся избежать женитьбы».

Джил была исключительно ревнива и бесилась от одной только мысли, что я могу совокупляться с кем-либо ещё. Я же не тревожился, представляя, что она с кем-нибудь спит, – главным для меня было, чтобы она была готова раздвигать ноги, когда бы я этого ни захотел. А что она делает в промежутках, меня мало волновало. Более того, я испытывал не ревность, а неожиданный восторг, представляя её с другим мужчиной, мысленно глядя на неё со стороны, на наслаждение, ею поглощаемое, на её столь знакомые движения бёдер, стремящихся к оргазму. И я испытывал от этих фантазий вполне законное наслаждение. В психоаналитических анналах такие чувства диагностируются как латентный гомосексуализм. Что ж, пушай диагностируют, пока я наслаждаюсь.

Джил постоянно подозревала меня в неверности, и не без оснований, хотя я тоже спал с ней всегда, когда ей этого хотелось, но в промежутках у меня имелась, по меньшей мере, ещё одна любовница. Женщины требуют верности, потому что тогда им легче управлять партнёром, шантажируя пиздой, а если нет другой пизды, ты становишься более зависимым от единственной.

Самое мучительное чувство у Джил, как, впрочем, и у многих женщин, возникало от предположения, что я хочу её только ебать. Женщины чувствуют себя несчастными в двух случаях: когда их никто не хочет ебать или когда их хотят только ебать.

И ничто не могло убедить Джил в противном: ни моя безотказная помощь в её бытовых делах, ни наши общие интересы в искусстве и совместная и, что самое главное, успешная работа в нём – ничто не убеждало её в моей заинтересованности, выходящей за пределы её половых органов. Единственным доказательством моей любви для неё была женитьба.

После того как Джил стало совершенно ясно, что я на ней не женюсь, она начала стараться (а я её подначивал) наши отношения прервать, чтобы быть свободной для другого мужчины. Ведь по традиции, если женщина начинает совокупляться с другим, то получается нечестным продолжать ебаться с прежним любовником. А Джил хотела быть честной. Я же говорил, что не ревную, что я остаюсь ей другом, желающим ей всего наилучшего, а значит, и наслаждения, пусть не обязательно со мной. Но со мной – тоже. Главным для меня было, чтобы она перестала смотреть на меня как на потенциального мужа, а то я хочу посадить бабу на хуй, а она хочет сесть мне на шею.

Отношения любовников состоят в том, что требования женщины к мужчине постоянно возрастают и доходят до требования брака. В результате женщина остаётся либо с разбитым, либо с новым, но всё равно – корытом. Значит, чувствами женщины руководит вовсе не любовь, ибо при любви должно существовать одно желание – быть с любимым при любых условиях. Но если эти растущие требования женщины не выполняются, то она решительно похерит эту не нужную ей любовь.

Вот мы и стали встречаться вместо нескольких раз в неделю – один, чтобы у неё было время на поиски. Я выпрашивал о её похождениях. Джил сначала было неловко рассказывать о них, да ещё – мне, но потом она решилась и, увидев, что моя реакция не болезненная, а эротически заинтересованная, совсем раскололась. Любовница стыдлива ровно настолько, насколько ей позволяет любовник.

Сначала было вроде не о чем рассказывать – мужики были малоинтересные, и дальше поцелуев не доходило. Но вот она мне объявила, что познакомилась с Тэдом, богатым мужчиной сорока пяти лет, который к ней замечательно относится и который после нескольких встреч стал планировать, через сколько недель они съедутся жить вместе, а через сколько месяцев – поженятся. «То, чего я не могла добиться от тебя в течение лет, я получила от него за две недели, – сказала она, торжествуя. – Моя уверенность в себе была нулевая, а теперь она взметнулась до небывалых высот». Она рассказывает, как Тэд шлёт ей на работу открытки, цветы, подарки и прочие знаки внимания. «Он очень старается», – говорит Джил. И в этой фразе столько холодной наблюдательности за развитием чувства у жертвы, попадающей в капкан пизды.

– Ну, а что он за любовник? – спросил я.

Тут Джил замялась:

– Странно мне как-то говорить об этом с тобой...

– А ты не смущайся, мне же не может быть безразлично, как удовлетворяют мою девочку. Ты кончила с ним?

Я знал, что ей трудно кончить с новым мужчиной и что ей нужно к нему приспособиться, приноровиться. У мужчины направление – от оргазма к комфорту, а у женщины – от комфорта к оргазму. Несчастные женщины: одна может кончать, только лёжа на спине, другая – только лёжа на животе, третья – только лёжа на боку и т. д., а мужик – хоть вниз головой, хоть на бегу, и всё – без всякого труда.

– Нет, ещё не кончила, – призналась Джил.

– Но он хоть знает, что делает?

– Я ещё не разобрала. Мы были вместе только три раза, и первые два раза я была совсем пьяная.

– Теперь ты понимаешь, почему испокон веков считалось для женщины неприличным напиваться?

– Почему?

– Да потому, что пьяной женщине трудно кончить. Вот мужчины, заботясь об экономии собственных сил, и установили удобные для себя моральные нормы.

– И по той же причине для мужчины пить – признак мужества, потому что у него, когда хорошо выпьет, стоит, и он кончить не может, – продолжила мою мысль Джил.

– Вот видишь, какая ты молодец – всё понимаешь. Но у Тэда этот закон, как мы знаем, не сработал. Давай встретимся, ты небось голодная, да и расскажешь всё поподробнее. Ты сегодня не занята?

– Нет, не занята. Да, я хочу с тобой встретиться, я ведь ему ничего не обещала, и мы ни о чём не договаривались, – сказала Джил, чтобы оправдать для себя совокупление со мной.

Я испытывал острейшее возбуждение и желание, поджидая нашу встречу. Причиной такого возбуждения было знание, что другой мужчина ебёт Джил, что она не может с ним кончить и находится во взведённом состоянии, несмотря на мастурбацию, которой, я был уверен, она, как всегда, снимала излишнее возбуждение. Я так ясно представлял её с расprostёртыми ногами, прижимающую к себе за зад этого мужика и делающую свои любимые движения бёдрами, засовывающую язык ему в рот, как она это делает со мной. Мне слышались её усиливающиеся стоны и потом его скороспелый оргазм, и виделось лицо Джил, разочарованное и злое, каким я никогда не видел его в постели, но увидался при наших раз-

говорах о нашем будущем, вернее, об его отсутствии. И вот этот Тэд отваливается, беспомощный и бессильный, и тут я бросаюсь на неё по свежим, мокрым следам любви, и Джил, радостная, хватается уже за мои ягодицы и ритмично прижимается клитором к основанию хуя, и я чувствую особую влажность во влагалище от спермы отработавшего мужика, который сидит и наблюдает за нами – учится. Наконец я чувствую, как Джил напрягается, вытягивается в струнку и со стоном облегчения начинает поддавать бёдрами, знаменуя покорение вершины, и тут кончаю я, и она изо всех сил прижимает меня к себе. Я не вытаскиваю хуй, а держу внутри, пока не закончатся сокращения стенок, которые становятся всё реже, и вот наконец последнее. Джил открывает глаза, в которых светится благодарное счастье, и тогда я выскальзываю из неё, а мои сперматозоиды продолжают борьбу со сперматозоидами того мужика, и если одерживают победу, то пиррову, так как Джил принимает противозачаточные таблетки.

И вот я у её дверей. Она открывает мне со смущённым лицом – первый раз мы встречаемся с точным знанием, что у неё есть другой любовник, а у меня – другая любовница. Я сказал ей об этом, чтобы она поревновала. У Джил маниакальная структура ума. Бросишь слово, а она будет вокруг него строить фантазии без конца, которые разгоняют её по кругу навязчивой идеи, принося боль и неуверенность в себе. И никак ей из этого круга не выскокить, пока не появится новое слово, за которое она схватится.

Переступив порог, я, обделённый её верностью, бросился на её тело – губы, шею, уши, грудь, живот и нижеследующее. Страсть наша теперешняя была сильнее, чем даже при первых встречах. Тогда в ней был акцент на познании друг друга, на пробах и ошибках в принятии друг другу наслаждения, а потому в страсти был привкус неуверенности, сомнения в правильности ласк. Теперь же, после стольких лет, мы точно знали, что нужно друг другу, и наши движения и ласки были меткими, выверенными и вызвали сильнейшие наслаждения. Вот оно, преимущество длительности нашей связи, которую я хотел сохранить, несмотря ни на каких новых любовников и любовниц, что для Джил было так странно, но что она теперь тоже ценила.

Мы отбросили одежду и легли в пахучее месиво ласк. Её анус был особо чувствителен, и я уделял ему трогательное внимание.

Во время передышки она мне рассказала, что при первом совокуплении с Тэдом он сразу вошёл ей в зад, что обрадовало её как обещание изощрённости в любви. Но потом он, видно, почувствовал что-то не то, вытащил и переместился во влагалище. («Хуй даже не вымыл, – возмутился я, – ещё занесёт тебе микробов!») Однако ни разу после он не проявлял интереса к её анусу, а ведь для того, чтобы первое совокупление с женщиной сотворить в жопу, надо быть, как де Сад, с довлеющим анальным уклоном. Посему я сделал глубокомысленное заключение, с которым Джил с усмешкой согласилась: она слишком высоко задрала ноги, а Тэд промахнулся и всунулся в зад, благо он у неё такой разработанный, что войти в него легко. Тэд быстро кончил, не заботясь о Джил, и заснул.

Они встречались целых четыре раза до того, как лечь в постель. В последний раз три часа разговаривали у неё в квартире, и он заключил разговор обнадеживающим заявлением, что скоро им нужно будет решиться на половую жизнь. На этом он встал и, к великому разочарованию Джил, ушёл. На следующий раз Джил взяла инициативу на себя, и они оказались в постели, но для этого ей пришлось хорошенько выпить.

И тут я бросаю невзначай, что моя новая, двадцативосьмилетняя, замужняя, с ребёнком, впервые в жизни испытала оргазм со мной и теперь рвётся совокупляться днём и ночью, предпочтительно без всяких перерывов. Я вижу, как Джил улыбается, но улыбка её кривится от боли. Я вижу, как эта мысль, мною подброшенная, подхватила огонь её воображения и понеслась по мозгу. А я подливаю в него масла и говорю: моя любовница была настолько

невинной, что считала, что испытала оргазм, когда становилась мокрой. Джил смеётся дрожащими губами.

И вот мы тешим друг друга в четвёртый раз. А Тэд кончает только раз за ночь, а утром даже не пытается – быстро вскакивает с постели и бежит мыться. Джил спросила Тэда, кончает ли он больше одного раза за ночь. Он не ответил ни да, ни нет, но стал юлить, мол, должно пройти время, чтобы они привыкли друг к другу. Когда он кончил, а Джил не успела, он заявил ей: «Я вижу, что ты мне сопротивляешься». Мол, это её вина.

– Да, он не по этому делу, – заметил я соболезнующе.

Джил деловито и одновременно мечтательно сказала:

– Если бы я с ним кончила, тогда можно было бы развивать отношения. А так никаких усилий прикладывать не хочется.

Теперь при моём самом незначительном подталкивании она рассказывает мне детали, меня и её возбуждающие. Говорит, что хуй у Тэда совершенно гладкий, шёлковый, не то что у меня – шершавый. Во рту его держать, мол, удобней, а в остальных отверстиях шершавость помогает. «Ещё бы, – поясню я ей, – он свой хуй и не использовал почти, потому он у него как новый, а мой работал не покладая рук, весь в трудовых мозолях».

Тэд во время ебли норовит задрать ноги Джил повыше. А она может кончить, только опустив и вытянув ноги. Тэд, когда она опускала ноги, думал, что ей больше не хочется, и со спокойной совестью кончал. Никак он не мог разрешить парадокс, что положение наибольшей женской доступности – широко разведённые ноги, согнутые в коленях – вовсе не обязательно является положением наибольшего наслаждения для женщины.

Звонит телефон. Джил не хочет снимать трубку. Включается ответчик. Она всегда прослушивала ответчик при мне, когда мы приходили к ней домой после гульбы, – тем она демонстрировала, что ни один мужчина ей не может звонить с компрометирующими словами. И действительно, это были либо подруги, либо деловые звонки. А теперь она не скрывает, что у неё есть другой любовник. И он наговаривает на ответчик: «Джил, это Тэд, я очень хочу тебя видеть, я буду звонить тебе каждые полчаса».

Мы оба приостанавливаемся в движениях, слушая это важное сообщение, потом понимающе улыбаемся друг другу и продолжаем продвижение к оргазму, который не медлит совершиться сначала с Джил, а потом со мной. Теперь ей будет трудновато кончить с Тэдом. Я не сомневаюсь, что она его пригласит после моего ухода, да я и хочу, чтобы она его пригласила. Пусть она тщетно потужится и повспоминает обо мне.

Я встаю с кровати и одеваюсь. Джил начинает застилать постель, чего она никогда не делала перед моим уходом. Значит, точно пригласит Тэда и потому хочет, чтобы у него не появилось никаких подозрений из-за смятой постели. Прощаясь, Джил говорит, желая уязвить меня: «Счастливой ебли», а я отвечаю: «И тебе – того же: позови сейчас Тэда, поебись с ним», – поощряю её известное мне намерение искренне доброжелательным голосом. Пусть она чувствует мою дружескую заботу, чтобы их связь сохранилась, чтобы Тэд на ней женился и чтобы Джил получила всё, недополученное от меня, – ожидающего её дома мужчину.

У гинекологического кресла

Единственный путь к пизде Глен отыскал в медицине, а именно, в гинекологии. Он потерял веру в то, что какая-либо женщина когда-нибудь заинтересуется им. С детства лицо его было покрыто мерзостными пятнами экземы, и люди избегали смотреть ему в глаза, а смотрели в лоб – единственное место, которое оставалось почему-то чистым. Вот из-за чего до тридцати пяти лет он и остался девственником. Проститутки он панически боялся, потому что они были воплощением доступности женщин, которой он вожделел, но и в такой же степени страшился. Свой страх по отношению к проституткам Глен объяснял себе опасностью

заражения венерическими заболеваниями. Ему уже вполне хватало экземы, и всякая иная болезнь, даже обыкновенная простуда, вызывала в нём непомерный ужас.

Последние несколько лет Глен в общественных местах всегда носил белую маску. Носил он её и на приёмах в поликлинике, объясняя это гигиеническими соображениями. Маска прятала его лицо, оставляя на виду только лоб. Таким способом он скрывал от пациентов свою болезнь.

Из-за своей профессии и постоянного голода Глен воспринимал женщин прежде всего как гениталии. Женщина для него была символом пизды. Например, когда он видел идущих по улице женщин, он думал так: «Выгуливают пизды».

Гэйл, пациентка Глена, обожала ходить к гинекологам. Почувствовав такое влечение, она сначала убеждала себя, что причиной его является забота о собственном здоровье. Но постепенно ей пришлось признаться, что наслаждение, которое она получает при осмотре врачом её нутра, является единственной, но вполне основательной причиной. Гэйл не шла на приём к женщине-гинекологу. Она не ходила подолгу к одному и тому же гинекологу-мужчине, а меняла одного на другого, разочаровываясь в них, как в обыкновенных мужчинах. Мужчина влёк Гэйл, только если он был гинекологом. Ибо только гинеколог смело давал ей указание раздеться ниже пояса и лечь на гинекологическое кресло, а иными словами – раздвинуть ноги, и тем очаровывал её своей мужской бесцеремонностью и самоуверенностью. Гэйл сразу становилась мокрой и поначалу стыдилась этого, но потом, наоборот, хотела, чтобы врач заметил её влажность и по-мужски отреагировал на это.

Её влёк профессиональный опыт обращения с женскими половыми органами, которым обладал всякий гинеколог. Она знала, что он не будет отводить глаза от её разведённых ног, как это делали многие мужчины, перед которыми ей приходилось оказываться в подобной позиции. И, как следствие такого опыта и бесстыдства, ей предвосхищалось в гинекологе сексуальное мастерство: уж он-то знает, где находится клитор и сколько наслаждения он приносит женщине. Каждый раз, когда она ложилась на гинекологическое кресло, она ждала, что врач, находящийся в такой удобной позе, прильнёт к её распахнутости ртом и точным попаданием языка доведёт её до оргазма. Однако этого не происходило, и Гэйл записывалась на приём к следующему гинекологу.

Глен был вполне возможным воплощением её мечты. Он обладал неоспоримой властью над женщинами, и перед ним любая женщина расщепляла ноги. Но на этом, увы, всё и останавливалось. Изошрённое попытки было придумать невозможно. Для большинства мужчин главным препятствием при овладении женщиной являются одежда и её сдвинутые ноги, но после того, как она раздета и ноги раздвинуты, совокупление гарантировано. Для Глена же всё было наоборот: женщина раздевалась и раздвигала ноги без всякого сопротивления, но именно после этого для врача совокупление с пациенткой становилось преступлением.

Глен воображал каждую пациентку своей любовницей. Он возненавидел резиновые перчатки, которые он обязан был надевать при исследовании. Он избегал смотреть на лица женщин, поскольку не хотел, чтобы привлекательность или непривлекательность лица оказывала на него влияние и меняла отношение к половым органам женщины. Когда пациентка расслаблялась, развываясь в гинекологическом кресле, её тело и лицо не были видны, и только пизда открывалась его глазам, носу, губам, языку. Каждая женщина была для него красива благодаря своей пизде. И не только в красоте было дело, а в нежности, мягкости, то есть во всех тех атрибутах самки, которыми сама-то женщина, выше пояса, быть может, и не обладала.

Он с наслаждением вводил два пальца во влагалище, проверяя его консистенцию, и нажимая другой рукой ей на живот, обласкивал ими матку. Его ноздри расширялись, стараясь уловить запах влагалища, который был, как правило, прибит тщательным подмыванием, которое женщины совершали, к его величайшему сожалению, перед визитом к нему.

Он всегда исследовал матку через анальное отверстие, даже когда такой осмотр с медицинской точки зрения не требовался. Это оказывалось неожиданным для многих женщин, не опорожнивших желудок. И поэтому он часто упирался пальцем в фекалии, скопившиеся в прямой кишке. Тут он всегда быстро подносил к носу палец и делал несколько коротких вдохов. После осмотра он делал одно и то же заключение, не высказывая его, конечно, вслух: «К ебле пригодна».

В течение всего приёма член его находился в состоянии эрекции, и после последней пациентки он уходил в туалет и там онанировал. Часто он делал это по два-три раза за время приёма. Именно в работе Глена и состояла его половая жизнь.

В первый раз Гэйл пришла на приём к Глену по рекомендации подруги. Одной из самых важных тем в разговорах с подругами для Гэйл была, разумеется, тема о гинекологах. Начать такой разговор всегда оказывалось легко: она спрашивала, довольна ли подруга своим гинекологом, и тут же рассказывала о недовольстве своим, которое заключалось в его непрофессионализме, – в детали Гэйл не вдавалась. Она расспрашивала о возрасте, привлекательности и врачебном мастерстве гинеколога подруги и без труда получала его телефон. Глен не только заинтересовал её, как всякий гинеколог, но и заинтриговал, поскольку подруга, которая дала Гэйл его телефон, рассказала, что она никогда не видела его лица, потому что врач постоянно был в маске.

Гэйл приходила к гинекологам с одной и той же жалобой: боль в придатках из-за неспособности достичь оргазма. Она утверждала, что у неё слишком маленький клитор и это является причиной её страданий. Врач исследовал её и утверждал, что клитор у неё вовсе не маленький, а даже изрядных размеров. Тогда она просила гинеколога помассировать клитор и показать, как это надо делать, потому что она, мастурбируя, явно делает что-то не то. Тут гинеколог задавал вопросы, на которые у Гэйл были подготовлены ответы, дающие гинекологу моральное право провести эксперимент. Не все этим правом пользовались, но некоторые начинали массаж в попытке обучить Гэйл тому, что она прекрасно знала сама. Было несколько врачей, которые предлагали ей использовать вибратор, от чего она отказывалась. Стоило гинекологу начать массировать клитор, как она сразу кончала, привычно подавляя рвущиеся из неё стоны, чтобы не услышала сестра или пациентки за дверью. Но ни один гинеколог не осмелился приникнуть к ней языком. Следует сказать, что Гэйл была красивой женщиной, и они утаивали своё восхищение, как она – свои стоны. Но для неё не проходило незамеченным их восхищение. Были случаи, когда гинекологи пытались назначить ей свидание после приёма. Но она отказывалась, потому что вне гинекологического кабинета они становились для неё обыкновенными мужчинами и не могли возбудить её.

Когда она пришла к Глену, он, как и все, был впечатлён её красотой. Однако маска скрыла кровь, бросившуюся к его щекам. Лоб же его был по-прежнему безмятежен и бледен.

После снятия анамнеза он дал привычные для себя и для Гэйл указания раздеться ниже пояса и лечь в гинекологическое кресло. Она возбуждённо повиновалась. Эта была первая пациентка Глена с такими симптомами, и он затрепетал. Когда же Гэйл попросила его помассировать клитор, у Глена закружилась голова от вида её гениталий, которые просили у него наслаждения.

– Вы хотите испытать оргазм от моего массажа? – спросил он как можно более холодным голосом.

– Я была бы вам очень благодарна, – как ни в чём не бывало произнесла Гэйл.

Перед глазами Глена было раскрыто чудо, на которое накладывалось увиденное им красивое лицо Гэйл.

Он вдруг подумал, что если он будет массировать клитор не пальцем, смазанным в лубриканте, а языком, то пациентка, быть может, и не заметит разницы, если не касаться её

губами и лицом. Решение было принято мгновенно – это была первая и, скорее всего, единственная такая возможность. Но для совершения задуманного ему надо было снять маску. И вот он приблизился к чуду на длину своего языка. Гэйл сразу почувствовала, что это не палец, и восхитилась смелостью гинеколога и наслаждением, которое он ей давал. Она схватила его голову руками и прижала к себе так, что Глен не успел убрать язык в рот, и тот у него прижался к верхней губе. Всё его лицо, покрытое пятнами экземы, утонуло в вожделенном волшебстве, и Глен кончил одновременно с Гэйл.

Он ещё не пришёл в себя, как услышал крик Гэйл, – она села в кресле и увидела страшное лицо Глена. Он поспешно натянул маску.

– Извините меня за уродство, – сказал он с горечью.

В кабинет заглянула сестра и вопросительно посмотрела на Глена, а потом на Гэйл.

– Ничего страшного, – сказала Гэйл, – доктор просто нажал на болезненное место.

– Всё в порядке, – подтвердил Глен сестре, и та скрылась за дверью.

Гэйл слезла с кресла и стала одеваться.

– Спасибо, и простите меня, – сказал Глен.

– И вы простите, – тихо сказала она, не глядя на Глена.

Гэйл оделась и, не говоря больше ни слова, ушла.

Глен стал в ужасе думать: если она начнёт жаловаться, то у него отнимут врачебную лицензию, а с ней и всю его жизнь.

Он провёл бессонную ночь, раздумывая, как убедиться в том, что Гэйл не подаст на него жалобу, – прийти ли к ней домой и предложить деньги или просто убить. Эти мысли перемежались у него с острым наслаждением от воспоминаний первого мужского, а не врачебного контакта с пиздой. Если бы можно было уговорить Гэйл на настоящее совокупление! Как склонить её на встречу?

Гэйл тоже не спалось. Страх от ужасного лица Глена быстро улёгся, и воспоминания о наслаждении, ею полученном, стали преобладать. Она наконец нашла нужного гинеколога, и если бы она не увидела его лица, то всё было бы прекрасно. «Что это за болезнь у него, заразная ли?» – думала Гэйл, но с любопытством, а не со страхом.

Когда на следующий день Глен заглянул в карточки больных, записавшихся к нему на приём, он увидел карточку Гэйл. Она была назначена последней, на самый конец его времени приёма.

Глен обрадовался и испугался одновременно: либо она захотела продолжать «лечение», либо будет собирать на него материал, чтобы подать в суд. Может быть, она придёт с полицейским, или с детективом, или с магнитофоном.

Когда она вошла в кабинет, Глен, так и не решив, как начать с ней разговор, привычно произнёс свою команду:

– Разденьтесь ниже пояса и ложитесь в кресло.

Гэйл боялась, что Глен снова начнёт извиняться, затеет бесполезный разговор, но то, что он сказал, снова покорило её. Она улыбнулась ему и радостно повиновалась. Ей показалось, что он улыбнулся тоже, но маска не позволяла ей в этом убедиться. Гэйл не просто лежала, раздвинув ноги, но чуть двигала ими взад-вперёд, будто это было гинекологическое кресло-качалка.

– Я больше не напугаю вас, – сказал Глен. – Вы хотите повторить процедуру?

– Да, – решительно сказала Гэйл.

Всё произошло так же восхитительно для обоих. Глен сразу же натянул маску, так что на этот раз Гэйл не увидела его лица.

– Я хочу пригласить вас к себе на обед, – сказала Гэйл, одеваясь.

– Спасибо, – задрожал Глен, – когда?

– Вы свободны завтра вечером?

– Свободен.

Когда Глен пришёл в назначенное время по указанному адресу, его встретила Гэйл и провела в комнату.

В столовой было накрыто два маленьких стола. У каждого из них стоял пуфик, но так, что, сев, Глен и Гэйл оказались спиной друг другу и спины их соприкасались.

– Ваша маска возбуждает меня и напоминает мне, что вы мой гинеколог, и я не хочу поэтому видеть вас без маски, – объяснила Гэйл такую странную сервировку столов.

Глен воспринял это как утончённую тактичность. Гэйл принесла еду, и Глену пришлось снять маску, но Гэйл не видела его лица, а лишь прижималась к нему спиной. Когда трапеза была закончена, Гэйл поднялась и спросила:

– Вы не возражаете быть моим домашним врачом?

– Это будет для меня большой честью! – восторженно отозвался Глен.

– Тогда приступим, – умилённо сказала Гэйл и показала рукой, чтобы Глен следовал за ней.

Она открыла дверь смежной комнаты и вошла, приглашая своего врача.

Посередине просторной комнаты стояло гинекологическое кресло.

Мечта матросика

Бывший матросик Ник пригласил меня к себе в дом на обед. Я жил в Америке всего лишь месяц, и глаза мои постоянно находились в широко раскрытом состоянии. Матросик недавно демобилизовался и жил в крохотном домике, который показался мне хоромами. Я ещё плохо понимал разговорную речь и сам изъяснялся через пень-колоду. Но я точно понял, что к нам присоединится его знакомая девушка, о которой он говорил с причмокиванием.

Она приехала на своей машине и вошла в домик. Яркая, выше меня и матросика на голову, с длинными ногами и волосами. Решили отправиться за продуктами в магазин. Сели и поехали вместе. Они о чём-то тараторили, а я сидел сзади и смотрел в её шею, проглядывая иногда сквозь волосы, когда она поворачивала голову.

Приехали. Ошарашенный избытком еды, я иногда отвлекался от девушки на кое-какие товары, но быстро возвращал своё внимание к ней. Ник купил пакетик чего-то и спросил, ел ли я «Твинкис». Чего я, конечно же, нет. Он разорвал обёртку и дал мне что-то вроде мягкого эклерчика. Вкуснота этого изделия на мгновение опять отвлекла меня от Джейн. Так её звали. Вспомнил.

С полными мешками еды мы быстро вернулись в дом. Джейн поставила пластинку Боза Стагза под названием нечто «Шёлковое»¹². И стала танцевать, излучая стройные бёдра и ноги. Музыка женских сфер.

Ник возился на кухне, поглядывая на Джейн с восхищением и причмокивая мне за её спиной. Я попытался пристроиться к ней в танце, но у меня ничего не получилось – она держалась, вернее танцевала, независимо. Она танцевала одна, плывя в музыке и отдаваясь тому, кто был в её мечтах. Когда песня кончилась, Джейн пошла на кухню и стала быстро и ловко резать овощи, постепенно отесняя Ника. Он подошёл ко мне и шёпотом поделился своим восторгом – вот наконец они договорились вместе пообедать. Он также поведал мне, что у неё есть парень, который якобы ею пренебрегает. Я тотчас зашёлся злобой (про себя) – такой девкой пренебречь! Сволочь. Да я б не знаю, что сейчас сделал, чтобы поиметь её. С момента приезда в Штаты у меня не было бабы. Я бросался на каждую, которая улыбалась мне, а улыбались практически все, если наши взгляды встречались, пока я не понял, что улыбка здесь – лишь знак вежливости, а не согласия.

---

¹² См.: Scaggs Boz. Silk Degrees (1976).

На плите уже что-то призывно дымилось, и Ник снова пошёл на кухню к Джейн. Теперь что-то должно было вариться, нужно было ждать, и Джейн снова вышла на середину комнаты. Танцевать. Она заново поставила пластинку Сгагза. И я опять пускал слюни, поспешно сглатывая их. Наконец обед сварился. И мы сели за стол. И съели обед – сложно сочинённое мясо.

Покрутившись вокруг грязных тарелок, Джейн пошла звонить по телефону. Ник загорчицки объяснил, что она звонит своему парню. Я слышал её интонации, не понимая, о чём она говорит. Но я точно слышал слёзы в её голосе, я слышал мольбу. Потом раздалось радостное восклицание. Она повесила трубку и стала собираться – он позвал её наконец. И она застремилась к нему. Было завидно, конечно, но больше всего меня поразило другое – на хуя Ник затеял с ней этот унизительно невинный обед? Какого пениса встречаться с бабой, которая в открытую ебётся с другим, а на тебя ей откровенно наплевать, что по-американски называется: «она с тобой дружит»? Кормить её обедом, витья вокруг неё. Ублажать. Нет, слишком жирно. А Сгагз пел: «Вот кэн ай сэй?» Ник же чувствовал себя счастливым, будто он выеб её раз десять, похлопывал себя по ляжкам и победно посмеивался. Я, может быть, и сильнее поприставал бы к Джейн, но сдерживало меня то, что она как бы мечта Ника, и я чувствовал, что встречать не следует.

Когда Джейн уехала, Ник предложил показать мне значные места. Я сразу согласился, и мы сбросили грязные тарелки в раковину.

Он привёз меня в даунтаун. Было холодно, и на улицах – пусто. Мы долго ездили, стараясь отыскать бесплатное место для стоянки. Наконец мы запарковали машину в каком-то тёмном закутке, и Ник повёл меня по улицам. Над одним из домов сияла голая неоновая баба. Мы вошли и сели за столик. Я всё ждал, что к нам начнут подходить женщины. Но вокруг были только мужчины. Бар был тёмный, а на сцене ходила женщина под музыку – опять пел Боз Сгагз. А по-русски его бы, наверно, звали Бозя Закс. У женщины была голая грудь, но бёдра содержались в трусиках. И явно не намеревались выйти наружу. Официантка в нижнем белье приняла у Ника заказ на два пива. Мне не хотелось пить, мне не хотелось смотреть на женщину, мне хотелось иметь живую пизду перед собой, которую можно нюхать, лизать, в которую можно погружаться хуем, пальцами, носом.

Меня это раздражало прежде всего потому, что я умышленно избегал всяких «холостых» возбуждений. Приятели-эмигранты тащили меня в порнокинотеатры, но я не желал идти, не имея бабы, на которую мог бы излить своё возбуждение. Сначала баба, а потом порнография. А тут он меня всё-таки затащил на зрелище, которое шло вне установленной мной очередности.

К нам попыталась подсесть девица, от которой я бы не отказался. В тот момент я бы ни от какой не отказался. Разборчивость означает сытость.

Я не знал, что делать, но Ник сказал ей что-то, и она отвалила. Он пояснил, что она просила купить ей выпить, а это является только началом траты больших денег, которых у него нет, а у меня и подавно. Я слушал Боза Сгагза и представлял Джейн, с кем-то всю уже колыхающуюся.

Мы тянули пиво, стараясь не опустошать стаканы слишком быстро. На сцене менялись гологрудые бабы, имитирующие нимфоманию.

– А чего они штаны не снимут и ног не разведут? – спросил я Ника. Он буйно расхохотался, будто я рассказал самый остроумный анекдот, когда-либо им слышанный. Но так как он ещё и покраснел, то я понял, что хохочет он от смущения.

– В нашем городе закон такой – не разрешается при всех штаны снимать, только лифчики.

– Ну, а сколько стоит бабу купить? Без штанов?

Он опять расхохотался и сказал, что у него денег нет и что коль я хочу, то надо посмотреть в «Жёлтые страницы» телефонной книги в раздел под названием «Эскорт-сервис». «Посмотрел в раздел и бабу раздел», – скаламбурилось автоматически.

Я допил своё пиво и поблагодарил Ника. Мне не терпелось заняться делом. Ник нехотя поднялся, ибо официантка в нижнем белье сразу подбежала к нашему столику, предлагая пополнить мой стакан. Покупать мне ещё пиво за пять долларов Ник себе позволить не мог, поэтому он стоя допил своё пиво, прощальным взглядом окидывая очередные груди, которые были подвижны, как шарики ртути, и которые так же невозможно было взять в горсть.

Ник отвёз меня в мою квартиру, пустую, но с кроватью. Я раскрыл «Жёлтые страницы» и отыскал раздел «Эскорт-сервис». Там было только три телефона под следующими названиями: «Страстные ноги», «Сладкие игрушки» и «Мечта». Дрожащей рукой я набрал первый номер. Включился ответчик и попросил оставить мой телефон. Я не оставил. Второй номер оказался отключён, и о новом подсоединении не сообщалось. Третий номер сработал.

– Добрый вечер. Чем могу быть вам полезен? – спросил у меня вкрадчивый мужской голос.

Я замялся от удивления, что голос не женский. Голос повторил свой вопрос.

– Это эскорт-сервис? – на всякий случай спросил я.

– Да, – сказал голос и пришёл мне на помощь. – Вы хотите познакомиться с женщиной?

– Да. Хочу.

– В какой гостинице вы остановились?

– Я не в гостинице, я дома.

– Наши услуги – пятьдесят долларов за час.

– А что это за услуги?

– Об этом вам надо договориться с девушкой. Какую вы хотите?

– Я хочу молодую, высокую, стройную, нежную.

– У нас есть такие девушки. Специально рекомендую вам Сузи. Если вы дадите мне свой телефон, она вам сразу перезвонит.

Я продиктовал телефон. Через минуту мне позвонила Сузи с приятным и опять же вкрадчивым голосом. Она спросила, что я хочу с ней делать. Я не знал, как это объяснить по-английски красноречиво, и мне пришлось воспользоваться недвусмысленным словом «фак». Сузи меня прекрасно поняла и, записав адрес, сказала, что приедет в течение часа. Я отложил пятьдесят долларов из тех денег, что заработал за неделю, помогая маляру красить стены и потолки.

Через час в дверь постучали. Я лежал на кровати и слушал на своём транзисторе вездесущего Боза Сгагза. Я подошёл к двери и посмотрел в глазок. На плохо освещённой площадке я увидел женщину, искажённую увеличивающими силами глазка. Когда я открыл дверь, я не поверил своим глазам и решил больше не полагаться на глазок: передо мной стояла Джейн, а за ней громоздился громила. Он не увидел её широко распахнувшиеся глаза, так как стоял за её спиной, а удивление на моём лице он, по-видимому, отнёс на свой счёт. Убедившись, что я не представляю опасности, он сказал, что будет ждать её в машине, повернулся и стал спускаться по лестнице. Я узнал мужской голос, с которым я вёл переговоры. Я сделал шаг назад, Джейн вошла, и я закрыл дверь. На ней было облегающее пальто, и её длинные волосы были забраны в узел на затылке.

– Ну, что, старый знакомый? – спросила она иронично, осилив своё удивление.

– Да, – подтвердил я.

Она прислушалась к музыке, струящейся из транзистора, и мне показалось, что она снова начнёт молча и одиноко танцевать посреди моей комнаты.

– Выключи! – резко сказала она.

Я повиновался и заткнул рот Бозу Сгагзу.

– Только имей в виду, Нику – ни слова. А то мой друг тебе покажет. Сколько у тебя есть денег на развлечение? – сказала Джейн, обводя глазами мою пустую комнату с кроватью.

– У меня только сорок долларов, – сказал я, оставив десятку для торговли.

– Ты что, охуел? – спросила она. – Тебе ведь было сказано, что за час – пятьдесят долларов.

– А мне целый час не нужен, – сказал я, постепенно приходя в себя. Сказал и взял её за зад.

Джейн сбросила мою руку и по-деловому предложила:

– Слушай, никакой ебли за пятьдесят быть не может. Мне деньги надо зарабатывать, ты думаешь, я могу прожить на секретарские гроши? Я тебе отсосу за сорок. По знакомству. Я с других за это меньше ста не беру.

В дверь громко постучали.

– Это мой друг, – сказала Джейн-Сузи, подбежала к двери и приоткрыла её.

Я увидел мощную фигуру её дружка.

– Не волнуйся, милый, я буду через пять минут. Жди меня в машине, – услышал я её сладкий голос.

– Ну, давай деньги, – сказала она мне нетерпеливо.

Я решил не торговаться за вид услуг, вытащил из кармана сорок долларов и расстегнул ширинку.

Женщина встала на колени и умело принялась за дело. До оргазма я лишь успел подумать, что матросик и я – оба потратили деньги, чтобы её накормить. Но я знал, что мы так и не смогли её насытить. Ни её, ни себя.

Женщина, говорящая: «Давай ебаться!»

Любовь считала себя женщиной необыкновенной, и все мужчины, которые имели счастье с ней общаться, полностью разделяли её мнение. Если ей нравился мужчина, а понравиться ей было не так уж и трудно, то она после минутного разговора с ним, а иногда и без всяких предисловий говорила: «Давай ебаться!»

В России мужчины сразу ухватывались за это предложение и за саму Любовь обеими руками, и она опорожняла партнеров до последней капли. Она делила мужчин на тех, кто в жизни хочет только ебаться, и на тех, кто хочет не только ебаться. Но как те, так и другие всегда жаждали встретиться с ней снова и просили её дать номер телефона. Она давала им неверный номер и побыстрее сматывалась. Уж так получалось, что в большинстве случаев ей не хотелось видеть этих мужчин по второму разу. А если хотелось, то она звонила им сама, по телефону, который те ей диктовали всегда совершенно правильно.

В передовой же Америке наступательное предложение Любви заставляло мужчин пятиться. И дело было не в плохом произношении Любы, ибо слово «фак» она сразу научилась произносить без акцента. Дело было в психологии американцев, чрезвычайно напоминающей Любе женскую. Стоило ей изъясниться, как американцы начинали мямлить чисто женский текст: «Нам нужно сначала лучше познакомиться», «Я должен сначала полюбить» и даже: «Я с первого свиданья любовью не занимаюсь». Бедная Любовь стала терять уверенность в себе, а это страшнее, чем терять красоту, чего она боялась больше всего на свете.

Однажды в школе английского языка, где училась Любовь, устроили вечер, на который пришли спонсоры. Она сразу почувствовала на себе горячий взгляд черноволосого красавца лет сорока. Любовь спикировала глазами в область хуя и своим особым зрением определила параметры. У каждого ученика и спонсора на груди была нацеплена бумажка с именем. Красавца звали Джон. По телу Любы прокатилась сладкая волна, и ей безумно захотелось Джона. Но подойти к нему она не решалась из-за своего плохого английского. Тут он сам

заговорил с ней: «Как давно вы приехали?», «Что у вас за профессия?». И прочие вопросы, ответы на которые Люба уже заучила. На ней было надето элегантное платье и не менее элегантные туфли. Люба чувствовала, что выглядит прекрасно. Её глаза, горящие нескрываемой страстью, делали её до неприличия очаровательной. Приложив все свои англоязычные усилия, она сказала Джону:

– Джон, мы взрослые люди. Зачем нам играть в игры? Давай ебаться!

– Что вы сказали? – отшатнулся Джон и оглянулся, не слышал ли кто. Никого рядом не было, все были увлечены своими разговорами. Да и Люба была не дура, она сказала заветное слово полусёпотом.

– Я хочу вас ебать! – гордо повторила Любовь.

– Давайте выйдем на улицу, – предложил Джон, и они вышли в разгулявшуюся весну.

– Вы же меня совсем не знаете, – укоризненно сказал Джон по пути.

– А мне не надо ничего о вас знать.

– Вы первая женщина, которая так разговаривает со мной.

– Да, я необычная женщина, – сказала Люба и добавила: – И очень красивая женщина!

– Вы обворожительны! – не смел перечить Джон. – Только нельзя же так сразу, мы должны сначала лучше узнать друг друга.

– Вы женаты?

– Нет. А вы замужем?

– Нет, конечно. Послушайте, Джон. Мы же взрослые люди, ну, зачем нам притворяться? Ведь так редко случается, когда мужчина и женщина сразу хотят друг друга.

– Знаете, – предложил Джон, – вот моя машина. Хотите, поедem в ресторан, поужинаем?

– Нет, я сыта, спасибо. Я хочу с вами спать.

– Тогда давайте покатаемcя вокруг озера, – заключил Джон, не обращая внимания на более заманчивое предложение Любы.

Перед ними стояла машина с открытым верхом. По эмблеме – кружок с тремя лучиками внутри – Люба узнала, что это «мерседес». Джон распахнул перед ней дверцу, дождался, пока Люба уселась, и аккуратно закрыл. Если бы он пожелал, то Люба отдалась бы ему прямо на улице, не садясь в машину. Давно она так не хотела мужчину.

Когда они подъехали к озеру, уже стемнело. Люба положила руку ему на колено и увидела, как в нужном месте у него топорщатся брюки. Джон и Любовь взялиcь за поцелуи. Джон засовывал ей в рот язык, и она радостно пыталась его проглотить, не жуя. Потом она отвечала ему тем же.

– Давай выйдем из машины, – предложил Джон.

Люба радостно повиновалась, она бы выполнила любое его желание. При первой встрече она испытывала тем большее удовольствие, чем сильнее было наслаждение, испытанное от неё мужчиной.

Джон посадил её на капот и стал ласкать грудь, восхищаясь попутно остальными частями её тела. Он гладил Любовь поверх колготок, но не пытался их снять или залезть в них рукой. Люба не настаивала на его руке внутри, потому как знала, что некоторые мужчины испытывают отвращение от прикосновения рукой к мокрой пизде. Она соскочила с капота. И встала перед Джоном на колени. Перед разрывающейся молнией на ширинке.

– Я хочу тебя поцеловать, – сказала Любовь.

Вместо того чтобы извлечь наружу свой наружный половой орган, Джон тоже опустился на колени и подставил ей свои губы.

Люба не могла поверить в происходящее. Впервые мужчина, желающий её, а в этом у неё не было сомнений, не хотел проникать ни в одно из её отверстий.

– Что с тобой? Может, ты болен? – заботливо, без всякого раздражения в голосе спросила Люба.

– Я здоров, и я не гомосексуалист, – сказал Джон, поднимаясь с колен. – Но я не могу так сразу броситься на женщину. Я джентльмен. А у тебя есть мужчина?

– Сейчас нет.

– Ты что, всем тоже так сразу предлагала?

– Нет, не сразу. Но я же хочу, чтобы у нас всё было честно, – старалась уйти Люба от его изысканий прецедентов. – Ты же хочешь меня, правда?

– Да, очень хочу, – сознался Джон.

– И я тебя ужасно хочу. Почему же ты меня обнимаешь и целуешь, а ебать не хочешь?

– Мы ещё с тобой будем заниматься этим много раз. У нас будет замечательная любовь. Но я ещё не готов для романа. Давай поедем.

И тут, конечно, Любовь сделала ошибку, за которую потом корила себя. Надо было быстро расстегнуть ему ширинку, засунуть туда руку, вытащить член – и в рот. Уж тут бы он никуда не делся. Но она согласилась сесть в машину, и он повёз её домой, не к себе, как она надеялась, а к ней. Только теперь Люба поняла, что находится в совершенно другой стране, где магазины переполнены товарами, а мужчины – предрассудками.

Пока они ехали, Джон ласково наставлял Любу, что нельзя так быстро и бездумно заводить отношения. Люба перебила его и спросила, когда же он хочет встретиться. Договорились на послезавтра. Джон дал ей свою визитную карточку и подтвердил, что Люба прекрасна.

Две ночи Люба представляла себе каждую деталь их будущей встречи, как она наконец берёт его хуй в рот, как мужчина в неё послушно кончает. Джон, вспоминала Люба, прервал один из поцелуев вопросом, как она предохраняется. На что она сказала, что никак, – знает, мол, опасные дни. «Может быть, это его напугало?» – анализировала Любовь.

Две ночи она почти не спала, утешая себя пальцем и дилдо, который ей прислал по почте бывший российский любовник, осевший в другом городе; у этого любовника не хватало денег, а скорее всего желания прилететь к Любе и выебать её, как она ему неоднократно предлагала по телефону. Он прислал ей своего заместителя, и Люба им усердно пользовалась.

За час до назначенной встречи Джон позвонил и сказал, что у него будут заняты ближайшие три месяца и сегодня встретиться с ней он не сможет, но что он обязательно будет Любе звонить и чтобы она тоже обязательно звонила ему. Люба сказала как можно спокойнее, что ему она звонить не будет, а он, когда передумает, может ей позвонить.

Любовь никогда не падала духом. Она твёрдо знала, даже не делая подсчётов, что мужиков на земле – как рыб в океане. И эта мысль неизменно утешала её при всех немногочисленных неудачах с мужчинами, случавшихся у нее. Однако в Америке эти неудачи следовали впритирку друг за другом, густо.

«Увы, его только зовут Скотт, – подумала Любовь, когда за ним закрылась дверь, – а от животного у него даже запаха не осталось».

А дело было так. Познакомились они в магазине. Она пыталась изъясниться с продавщицей, а он помог.

– Какой у вас милый акцент, вы из Франции? – совершенно искренне спросил Скотт, демонстрируя тем самым полное отсутствие лингвистического чутья, но являя собой весьма крупного мужчину.

– Я из России, – радостно ответила Люба, ибо это был американский мужик.

Люба достала бы языком до его соска, но подступить к нему было нелегко из-за выпирающего живота. От этого Скотт понравился Любе ещё сильнее. «У него должен быть

большой хуй», – подумала Любовь и не ошиблась. Но прежде чем убедиться в правильности своего предположения, ей ещё пришлось потрудиться.

Скотт предложил выпить кофе, и они зашли в кафе.

– Хотите попить кофе у меня дома? – спросила Люба Скотта.

Слово «ебаться» она решила оставить на закуску. Но тот, к сожалению, куда-то торопился, и, посидев с полчаса в кафе, они договорились встретиться следующим вечером. Люба утешала себя тем, что хотя бы попрактикуется с ним в английском. Она разработала фантастический план для упрощения английского языка до такой степени, чтобы он стал почти русским. Происходить это должно было приблизительно так: она начнёт разговаривать со Скоттом и вставит русское слово. Американец спросит, что оно означает. Она даст английский перевод этого слова, не говоря, что это русское слово, а утверждая, что оно английское, просто этот синоним Скотту неизвестен. Тот в разговоре с другими американцами употребит это русское слово, которое ему представили как английское, и на естественный вопрос, что оно означает, объяснит вопрошающим его смысл. Те по невежеству начнут его использовать в разговоре. А она тем временем использует больше и больше русских слов, давая их перевод и называя их английскими, и, будь она уважаемой интеллектуалкой, все подхватили бы эти слова, чтобы заимствовать их из её почитаемой речи. Таким образом, всё большее количество русских слов внедрится в английский, и в конце концов английский станет понятен русскому человеку.

На следующий день Скотт поднялся к ней в квартиру, держа в руках букетик гвоздик. Когда Люба благодарственно уткнула в них нос, она не почувствовала никакого запаха. Он хотел повезти её куда-то развлекаться. «Ох уж эти мне американские мужики!» – вздохнула про себя Люба.

И тут она произнесла свою вещую фразу. Скотт сделал вопросительную гримасу, и Люба с готовностью повторила своё заклинание. Скотт привлёк-таки Любовь к себе, а она расстегнула-таки ему ширинку. Пошли поцелуи, и в итоге любовники оказались голые в постели. Член у Скотта стоял хорошо, поэтому Люба положила мужчину на спину и взобра-лась на него. Направив пальцами его кончик в нужную точку, она одним движением утопила его в себе, сказав себе: «Наконец-то». Но тут она почувствовала, что хуй уходит из-под неё. Скотт снял с себя Любу, встал с кровати и начал натягивать на стоящий хуй трусы.

– Что случилось? – совершенно ошеломлённая произнесла Люба.

– Всё слишком быстро происходит. Я ещё не готов для серьёзных отношений.

– А я и не хочу серьёзных отношений с тобой, я хочу ебаться! – в отчаянии воскликнула Люба.

– Ты прости, что так получилось. Ты мне действительно нравишься, – сказал уже в дверях Скотт и ушёл.

Люба сидела голая на кровати, не зная, что и подумать. Почему-то первой реакцией было обвинить себя. Но в чём? В том, что она опять была честной? Но с другой стороны, она не могла себе представить, что на свете может существовать мужчина, который, войдя в неё, да ещё в первый раз, не захочет в неё кончить. Она вообще не представляла, что такие мужчины существуют на этом, пусть Новом, свете. Она знала, что существуют импотенты, которые ей ещё не попадались, но такое?..

Ей стало страшно – неужели большинство американцев живут с женоподобной психикой?

Россия стала восходить в её мечтах землёй обетованной. Но лишь одной своей яркой стороной – обилием сексуально энергичных мужчин. Грузины были неиссякаемым и самым надёжным, хоть и не самым приятным, горячим источником. По слухам, подобным источником в Америке ей представлялись негры. Но она их боялась. Боялась их преступности, их наркотиков, их СПИДа.

Но сломалась Люба на негре-малолетке, он ей показался, по крайней мере, чистым и приличным. Это произошло опять же в каком-то магазине. Пока магазины были для неё самым завлекательным местом и предоставляли наиболее доступный живой контакт с американцами. Негритянский юноша вывозил продукты в тележке к машинам покупателей.

– Сколько тебе лет? – спросила Люба прежде всего.

– Восемнадцать, – сказал курчавый, как Пушкин, мальчик.

«Ну, тут уж должно быть наверняка», – подумала Люба, давно уже оглядев его с ног до головы поэтическим взглядом.

На груди мальчика висела этикетка без цены, но с именем «Билл». Люба сказала, что у неё нет машины и что она сама докатит тележку до дома, который напротив магазина. Но ей нужно помочь передвинуть мебель, и если Билл хочет заработать, то он может заскочить после работы ей помочь. Деньги его сразу соблазнили. Но ещё более влекла Билла белая женщина. Смена кончалась через два часа. У Любы было достаточно времени, чтобы принять душ, подкраситься и одеть халатик на голое, огнедышащее тело. Пришёл Билл и спросил: «Что двигать, мэм?»

Он старательно отводил глаза от её распахивающегося халатика. Любовь решила не пугать его своей сакраментальной фразой «Давай ебаться!», а повела его в спальню, где она нарочно отодвинула кровать от стенки и оставила посреди комнаты.

– Подвинь её к стене, – попросила она.

Билл нагнулся, взялся за кровать, а Люба зашла сзади и упёрлась лобком в его выпятившийся зад. Билл одним движением придвинул к стене кровать, но боялся повернуться. Люба завела спереди свою руку, расстегнула ему ширинку и засунула внутрь все пальцы. Хуй сопротивления не оказал, ибо был вялый. Люба развернула Билла лицом и толкнула его на кровать. Он упал на спину, а Люба – на него и впиалась в его нижнюю губу, так как она одна полностью заполнила Любин рот. Руки Билла ожили и стали мять Любу. Любовь стаскивала с него джинсы. Он приподнял зад, как приподнимала она свой, когда ею руководили мужчины.

– Сними кроссовки, – скомандовала Люба, и Билл снял их дрожащими руками. Носки его пахли не потом, как ожидала Люба, а сладким дезодорантом. Член всё ещё не был готов к трудам праведным, но его чёрный цвет завораживал Любовь и распалаял. Она поглотила знакомую форму и стала её обрабатывать. И здесь запах был не мужским, а фруктово-ягодным. Она уже привыкла к благообразности запахов в Америке: «Если резко запахло клубникой, значит – поблизости туалет», – научилась узнавать она. Любовь, конечно, не жаждала российской нечистоплотности или грязи, но мужского запаха ей определённо хотелось. А член всё не твердел и не рос.

«Чуждый чарам чёрный член...», – продекларировала про себя Любовь. Билл лежал и глубоко дышал, держась руками за её голову. Усилия Любы привели к неизбежному извержению семени из по-прежнему мягкого хуя. Люба от удивления раскрыла рот, и семя вылилось на живот Билла.

И такого с ней ещё не бывало! Билл смущённо сел на кровати, вытер живот простынёй и молча стал натягивать трусы. Люба не стала его останавливать. Билл подошёл к дверям и проямлил: «Спасибо, мэм. До свиданья». Это была его первая белая женщина.

Тут Любу действительно охватила паника. Что же это за мужики в Америке?

Любовь вспомнила, как она устраивала себе частые командировки. Ехала она всегда в двухместном купе. С каким трепетом и предвосхищением она ждала появления попутчика. Им, как правило, оказывался мужчина, и часто весьма интересный. И если ей не везло в одну сторону, то уж обязательно везло в обратную.

Другим любимым ею способом обретать любовников было ловить такси на улице, а ещё лучше частную машину. Если она видела в ней привлекательного шофёра, она садилась

и давала свой адрес. Когда они подъезжали к её дому, она предлагала шофёру ебаться. Каждый, кому это предлагалось, радостно следовал за ней в её роскошную квартиру и уходил не раньше времени, а лишь когда Любовь указывала на дверь. Однажды вечером её прихватили прямо на улице двое парней, затащили в парадняк и стали угрожать ножом, чтобы она побыстрее обнажилась.

– Пойдёмте ко мне домой, я вам дам так сладко, а что здесь на батарее корячиться?

– Обманешь! – не поверили своему счастью насильники.

И, решив, кто куда, использовали её одновременно с двух сторон, поставив на колени. Любви было жалко новых колготок, которые она надела первый раз и которые сразу разодрались на коленях.

«Мужчина встаёт на колени в мольбе, а женщина в готовности эту мольбу исполнить», – так она думала, удовлетворяя их и всё-таки испытывая некоторое удовольствие, несмотря на страх. Когда они кончили и оставили её одну, Люба вышла из парадного, только теперь ощутив стоявший там запах мочи. Она словила такси и заспешила домой отмываться. Ей было противно прежде всего потому, что парни ей не поверили и не захотели устроиться не спеша, по-человечески. Но даже об этом приключении она теперь вспоминала с трепетом.

– Если б ты знал, какие мужики в России грязные. Я их как к себе приведу, прежде всего под душ, – делилась воспоминаниями Любовь с Владом, её первым любовником-соотечественником, который вполне американизировался, по меньшей мере в своих запахах.

Влад жил в Америке уже более десяти лет. Американки обрыдли ему своей феминистичностью, закомплексованностью и обыкновенной глупостью. Кроме того, ему хотелось в постели болтать с женщиной по-русски. Посему он через знакомых узнавал о приезде очередной гостьи или эмигрантки и знакомился с ней. Его американский опыт, скромные деньги, представлявшие огромными для наивных россиянок, машина, казавшаяся им роскошной, производили неизгладимое впечатление на вновь прибывших. Влад продавал машины, был в этом весьма успешен, а потому магазин ежегодно предоставлял ему в пользование новую модель. Влад был мягок в обращении и многозначителен в разговорах. Он любил производить впечатление богача и человека, вхожего в бог весть какие высшие общества. Это ему легко удавалось только с ошалелыми от первых американских впечатлений россиянками. Он мог показать свою чековую книжку, от которой женщина просто отпадала, хотя бы потому, что раньше никогда не видела чековой книжки. Но на этом Влад не останавливался и указывал:

– Видишь, в каком банке я держу деньги?

Женщина робко прочитывала по-английски: «Фёрст Банк».

– Точно, – подтверждал Влад, – Первый банк. А в Первом банке не открывают счёт кому попало, на то он и Первый.

Женщина мгновенно проникалась к нему почтением. Влад любил свежих россиянок за чистоту. Не то что СПИДа, а обыкновенного триппера можно не опасаться, каждая перед отъездом проверяется всю у врачей, чтобы ехать здоровой. И поначалу им спать не с кем. Вот он и лишает их американской девственности.

Любовь делала постоянные усилия, чтобы не брать в любовники эмигрантов. Она избегала эмигрантских вечеринок, русскоязычных гостей, устремляясь только на американцев. Пыль, которую Влад хотел пустить в глаза, Любовь легко сдула. Но неудачи с американцами и воспоминания о родных мужиках настроили её на соглашательский лад, и тут Влад пригласил Любовь в бар. Когда они подняли бокалы, Влад спросил:

– За что пить будем?

– За еблю! – предложила Любовь.

Влад от удивления раскрыл рот и, чтобы оправдать этот жест, влил в рот содержимое бокала. Затем он полез через стол с поцелуем, который Люба приняла на язык.

Они быстро свернули вступительную часть и поехали к Владу домой. Там свершилось совокупление, по которому Любовь так тосковала. Но по пути Влад приобщил её к новому для неё. Русские женщины не развращены в России обилием частных машин, и поэтому большинство не делало минет в машине, как американские женщины, занимавшиеся этим со школьной скамьи. Поэтому русскую женщину можно приятно удивить новизной, дав ей сосать хуй во время движения. Это придаёт её ощущениям американский колорит, до которого они так жадны в первое время.

Для Любы её собственный оргазм был не важен. Его она достигала сама. Любу восторгало чувство наполненности мужчиной. Любовь стремилась принести мужчине максимальное наслаждение и тем закабалить его, чтобы он рвался встретиться с ней опять, а там уж она возьмёт своё, если сама захочет увидеть его снова.

Влад впервые встречал женщину с такой явно мужской психикой. С одной стороны, он радовался лёгкости и простоте отношений, а с другой стороны, испытывал тревожную неудовлетворённость от её полной независимости от него, а значит, полной заменимости самого Влада. Влад продолжал ей намекать на важную позицию, которую занимает в некоторой огромной компании, о названии которой он таинственно умалчивал. По опыту он знал, что ему трудно поддерживать долгие отношения с какой-либо россиянкой, потому что они скоро начинали понимать, чего стоит Влад. Он чувствовал, что бесцеремонная Любовь сдерёт с него личину гораздо быстрее, чем остальные. Но именно с Любовью ему хотелось связь продлить. Поэтому он всячески льстил ей и делал комплименты её внешности в ответ на её комплименты его хую.

– Понимаешь, – говорила Любовь Владу, – я обожаю мужиков, но каждого из них я запросто могу переломить пополам. В том числе и тебя. Всем им я говорю одно и то же и потому не верю, когда ты мне говоришь разные приятности. Ты тоже лжёшь.

Влад попытался убедить Любовь, что он восхищается ею совершенно искренне, но Люба взяла его за член и тем направила ход мышления Влада на его собственные ощущения.

Вскоре Люба почувствовала себя одинокой. Она пыталась разобраться в смысле этого чувства и приходила к выводу, что она испытывала одиночество только тогда, когда ей хотелось быть с мужчиной, но такового не оказывалось рядом. Влад был не в счёт. В России после совокуплений, когда мужчина покидал её, она никогда не чувствовала себя одинокой. Ей никогда не бывало грустно оттого, что мужчина уходил, это приносило ей только радость. Женщины, которым требовался мужчина утром, вызывали у неё презрительную ухмылку. Любу окружала музыка, она была певицей. «Кто ебёт и поёт – тот два века живёт». Это была её любимая поговорка. В России она пела в опере, а в Америке где придётся: в ресторанах, в синагогальном хоре, в церквах, на вечеринках богатых американцев.

После Влада она дала себе зарок не совокупляться с эмигрантами, хотя они и вились вокруг неё. Она поняла, что будущее можно строить только на американцах, а не на кичащихся болтунах-соотечественниках. Без году неделя в Америке, а уж торопятся давать исчерпывающие советы по любому вопросу, по каждой стороне американской жизни. Никто ни на один из её многочисленных вопросов ни разу не ответил ей: «Не знаю». Все знали всё. Из-за постоянных американских улыбок и вежливости у свежего эмигранта, возвращённого на советском хамстве, возникало мнение, что он приносит счастье и радость каждому американцу, с которым он ни заговорит, что еще более убеждало его в абсолютности своих знаний и мнений.

Инвалиды советского мышления лепили своё представление об Америке с помощью простой экстраполяции. Например, приходит в магазин самоуверенный, самовлюблённый, самолюбивый эмигрантишко, эдакая самость. И не может он найти там какую-то жратву,

запавшую в сердце. Вернее, в желудок. (Потому-то Любовь и называла их про себя: «желудочки».)

С готовностью он экстраполирует: раз сей жратвы нет в этом магазине, значит, заключает он, в Америке «такого» нет. А раз в Америке «такого» нет, то она недостойна того почтения и любви, в которой принято было лелеять свою мечту о ней. А раз Америка недостойна той любви, то и пошла она на хуй – у нас, на проспекте Жертв Революции в Санкт-Петербурге и получше было.

Любовь восхищалась Америкой и потому была очень чувствительна ко всякого рода проявлениям пренебрежения со стороны соотечественников к её новой родине. Её любовь к Америке как раз и была той основной причиной, по которой она избегала бывать в эмигрантской среде. Ей, женщине с железной логикой, был отвратителен парадокс: бежать из ненавистной России в Америку, чтобы, будучи в ней, опять оказаться в России, то есть среди тех же людей, только с ещё сильнее проступившими омерзительными чертами нового советского человека. Ехала-ехала, летела-летела, «а с платформы говорят: “Это город Ленинград”». Нет, ей были нужны только американцы.

В России слову «Израиль» оправдательно предпосылали определение: историческая родина. Люба называла Россию своей физиологической родиной. А зато Америку она считала родиной духовной.

И вот, несмотря на такое любовное отношение к Америке и такое ненавистное отношение к России, она тосковала по русской сексуальности. Единственный и огромный российский недостаток – отсутствие места, где эту сексуальность отправлять, был неведом Любви, поскольку у неё всегда была отдельная квартира. Оставались только неоспоримые преимущества: всегда готовые и ненасытные мужчины, жаждущие её, не обременённые ни чувством вины, ни семейными, ни религиозными, ни нравственными обязательствами. Её магическая фраза: «Давай ебаться» поставляла ей мужчин в любом количестве и качестве. Один поэт даже сочинил ей мадригал:

Любовь, ты чудо красоты,
и плоть твоя благоуханна!
Жила бы на Востоке ты,
была б звездой гаремов хана.

Но Запад – он и ценен тем,
что вывел женщин из пучины,
и, увидав тебя, мужчины
попасть мечтают в твой гарем.

Но остались у неё в России и неудовлетворённые мужчины: ревнивцы, обманутые, жаждавшие, но не получившие её столько, сколько хотели. Об их мстительности и злобности ей вспоминать не хотелось.

Материнское чувство у Любви было полностью удовлетворено одной внебрачной дочкой Миррой, о которой она заботилась в той же степени, в какой была беззаботна в отношениях с мужчинами. В результате выросла умная, воспитанная, полногубая и, что не менее важно, привлекательная девушка. Несмотря на то, что мама и дочь в открытую говорили о сексе, Мирра воспринимала похождения мамы с напряжением, что выражалось в излишне критическом отношении к профессиональным достижениям Любы. Мирра, посещая оперу или концерт, где выступала мать, едко критиковала ту за погрешности, которые зорко замечала. Мирра всегда разговаривала в миноре, недовольным голосом, улыбалась с грустинкой

и даже во время оргазма, которого она недавно научилась достигать самостоятельно, делала недовольную мордашку.

По приезде в Америку дочка сразу поступила в университет и поселилась отдельно, и теперь Любовь могла полностью посвятить себя своим любимым делам, из-за которых она собиралась прожить два века.

Когда Влад впервые увидел Мирру и его глаза умаслились, мать сказала ему, что вовсе не возражает, если он соблазнит её дочь, но помогать ему в этом не будет. Влад решил попытаться и пригласил Мирру в ресторан. Девушке было интересно рассматривать только что открывшуюся глазам Америку. К тому же Мирра хотела ещё и поддеть мать – вот, мол, мужчина интересуется дочкой больше, чем матерью. В ресторане Влад без устали рассказывал небылицы из своей американской эпопеи. Девушка молча слушала, оглядываясь по сторонам. Влад заказал два коктейля и вручил официантке стодолларовую банкноту, которую он специально выменял в банке, чтобы ошеломить Мирру своим богатством. Девушка никак не отреагировала. Но увидев, что Влад не спрятал сдачу в карман, а оставил лежать на столе, Мирра поинтересовалась зачем. И здесь у Влада был подготовлен ответ:

– Я нарочно оставляю деньги, чтобы официантка видела. Она подумает, что это её чаевые, и будет лучше нас обслуживать.

Через некоторое время Влад предложил заказать по второму коктейлю. Мирра не захотела, а себе Влад заказал. Официантка принесла коктейли и взяла в оплату одну банкноту из сдачи, лежащей на столе. Через некоторое время она вернулась со сдачей и добавила её к кучке денег, что якобы приманивала её услуги.

Тут Мирра не преминула заметить:

– Значит, чем лучше она нас обслуживает, тем больше мы заказываем коктейлей и тем меньше для неё остаётся чаевых.

Влад кивнул и не нашёлся что сказать, а Мирра продолжала:

– По-видимому, этот американский обычай имеет глубокий смысл.

– Конечно, – важно согласился Влад, не успев придумать какой, но ему помогла Мирра:

– Чем больше вы пьёте, тем меньше чаевых остаётся на столе для официантки и тем меньше она становится заинтересованной в хорошем обслуживании, а значит, таким образом удерживается ваше желание напиток. Правильно я поняла американские обычаи?

– Правильно, – исправно подтвердил Влад.

– Тогда я бы хотела, чтобы вы отвезли меня домой.

Влад послушно поднялся и сгрёб в карман всю сдачу со стола, оставив доллар чаевых.

В машине Влад попытался поцеловать Мирру. Но та уничтожающе посмотрела на него и сказала, что не любит мужчин значительно старше себя. Это объяснение успокоило Влада, ибо он боялся, что Мирра назовёт причиной отказа изобличение его в мелкой лжи, и это было бы оскорбительно. А так – разница в возрасте вовсе не вина Влада. Просто у девочки дурной вкус, а тут уж ничего не поделаешь.

– Ну, как тебе понравился Влад? – спросила мама дочку.

– Да у меня на него клитор не встанет! – ответила Мирра, чтобы уязвить мать и в то же время быть правдивой.

Но вот с Любовью произошло то, о чём мечтает каждая россиянка, приехавшая в Америку, – в неё влюбился богатый, добрый и неглупый американец Дик. Произошло это скоропостижно под сенью храма, купол которого служил, по-видимому, увеличительным стеклом для божественной мощи, не без вмешательства которой возгорелся огонь в Дике. Он влюбился с первого взгляда, а точнее, с первого звука, услышав пение Любы и узнав, что она из России. Он предложил ей замужество ещё до того, как они легли в постель, что, конечно, могло свидетельствовать либо о том, что он вообще был не такой уж и умный, либо что он потерял голову от любви.

Любовь вертела носом, задом, головой. Носом – потому что хотелось американца получше, головой – потому что хотелось американцев побольше, а задом – потому что ей всегда хотелось. Но Дик всячески демонстрировал ей свою любовь: цветы-шметы и сувениры в виде ювелирных изделий. В постели он не представлял из себя ничего интересного для Любы, но у него всё было на месте, и Любовь решила, что его ещё можно воспитать в своём вкусе. Несмотря на свой полтинник, Дик радостно поддавался обучению и через месяц исправно сопел, вылизывая Любовь в нужном месте.

Чуть она стала жить с Диком, ей стал названивать Джон, что пренебрёт ею в «мерседесе», и просить о встрече. С одной стороны, у Любы был соблазн совокупиться с ним, но она боялась, что это как-то может помешать их отношениям с Диком. С другой стороны, решив не изменять Дику по тактическим соображениям, она испытала огромное удовольствие, отказывая Джону, мстя за его первоначальный отказ.

– Я дала вам шанс, и вы им не воспользовались, – торжествуя, говорила она каждый раз, когда он звонил.

Затем стал звонить Скотт и просить встречи, чтобы уже больше не убегать раньше времени. И здесь Любовь триумфально отказала.

В магазине продолжал смотреть на неё выразительными глазами негритянский Билл. «Де Билл», как она его про себя называла. Но Любовь не замечала его в упор. Она решила выйти замуж за Дика, а уже потом осваивать американскую целину.

Одним из проявлений любви Дика было настойчивое желание поехать с Любовью в Россию, посмотреть те места, где она жарко провела своё детство и юность. Люба опасалась ехать туда, ещё не получив американского гражданства, но желание ткнуть американцем в нос завистливым бывшим коллегам и знакомым взяло вверх, и она согласилась на поездку, к великой радости Дика. Лицом он напоминал верблюда, у которого вместо горбов должны были скоро вырасти рога. Неизвестно, любил ли он плевать, но от желаний Любви он не отплёвывался, а всё проглатывал.

Он спрашивал её, будет ли она его любить, если он обеднеет. Любовь честно говорила: нет, не будет.

– Какая ты честная, мне это так нравится, – утверждал Дик, крепясь изо всех сил.

Но через некоторое время он не выдерживал и переспрашивал.

– Хорошо, – говорила Любовь, – я объясню тебе поподробнее: я не девочка и жить только любовью уже не могу. Мне нужно жить комфортабельно.

Дик грустнел от правды, но от Любви не отказывался. Пришлось и ей идти на некоторые компромиссы. Например, она стала носить локоны над ушами, что нравилось её любовнику, но делало её лицо вульгарным, и Любовь это видела. Она объяснила дочке: «Ему это нравится, что же я могу поделать – невелика плата. Он платит и заплатит значительно больше».

Один раз Любовь всё-таки не выдержала и позволила Владу заманить себя к нему в квартиру. У неё было два часа перед приёмом, на который она шла с Диком.

На высоких каблуках, в нарядном облегающем платье и с пустыми руками: ни сумочки, ни косметички, ни денег. Любовь знала, что она сама и есть всё, что ей нужно, чтобы прожить, чтобы мужчины радостно выложили перед ней остальное. Влад хотел было с ней поцеловаться, но оказалось – нельзя: Люба не взяла с собой помады, и возвращаться к Дику она должна с нетронутыми губами, причёской и прочим.

– Не хочу от тебя ничего подхватить – ты ведь с негритянкой ебался. Внутри кончать нельзя.

Влад соврал ей для пущей важности, что недавно спал с негритянкой, и теперь корил себя за ложь, наверное, в первый раз в жизни. Наружу кончать он не хотел.

– Сделай мне минет, – предложил он.

– Но у меня же нет помады, я не могу подкрасить рот. Впрочем...

Чтобы не повредить помаду, Любовь стала лизать далеко высунутым языком, широко раскрыв рот, чтобы языком не касаться губ, будто зализывала царापину. Она добросовестно довела Влада до оргазма и потом восхищалась видом выстрелившей спермы, которая чуть не достигла его лица и залила его волосатую грудь. Теперь она могла возвращаться к Дику.

– За это ты повезёшь нас в аэропорт, когда мы поедem в Россию, – предъявила счёт Любовь.

Через несколько дней Влад на правах давнего друга отвёз Любовь и Дика в аэропорт. Любовь учила Дика в самолёте русскому алфавиту, в котором он никак не мог усвоить твёрдый и мягкий знаки. Люба объясняла ему и так и сяк, и Дик наконец запомнил эти буквы, когда Любовь дала ему наглядный пример, сказав, что твёрдый знак должен быть нарисован на мужском туалете, а мягкий на женском.

В назначенный срок Дик вернулся один, без Любы. Он выглядел, как верблюд, сделавший долгий переход по пустыне. На расспросы он отвечал, что у Любы было столько встреч с родственниками и друзьями, что он потерял её из вида, как только они вышли из самолёта. Она иногда появлялась в отеле, с лёгкой усталостью на лице, не омрачающей жадности взгляда, чтобы познакомить его с очередным дальним родственником, с которым она была очень близка, вручить Дику билеты на балет или в оперу, взять у Дика сотню-две долларов, засунуть их в лифчик – сумочки у неё, как всегда, не было – и исчезнуть. Дик не знал ни слова по-русски и совсем ошалел от людей, всеми способами вымогавших его доллары. Последние три дня Любовь не появлялась вообще. Он не знал, где её искать. Дик позвонил в американское посольство, но там ему сказали, что помогать ему в розыске Любы они не могут, так как она не является гражданкой США, и посоветовали связаться с милицией. Он позвонил в милицию и через переводчика объяснил о пропаже Любы. В отель пришёл милиционер в штатском и на недурном английском заверил Дика, что Любовь разыщут и вернут Дику в Америку, а ему имеет смысл не задерживаться, а возвращаться. Дик повиновался.

Но Любовь ему так и не вернули.

Узнав о пропаже матери, Мирра связалась с различными организациями, с сенаторами и конгрессменами, звонила родственникам и знакомым в Россию, но никаких сведений о Любе добыть не могла. Больше о ней никто не слышал. А так как Россия испокон веков стоит на пороге вечности, то можно с полным основанием заключить, что Любовь канула в Вечность, где ей и быть положено.

Операция «Аборт»

Я спал с Люськой только один раз, но она всё равно забеременела. И ведь знала, и говорила мне, что беременеет легко, чуть ли не от одного взгляда мужчины, и что опасный день у неё, и что не использует никаких приспособлений. Она наотрез отказалась от презерватива (предлагал надеть), от противозачаточных свечей (предлагал вставить), и, несмотря на знания и опыт, я буквально вынужден был кончить в неё, потому что она зверела при подходе к оргазму и вопила: «Не вытаскивай, умоляю, останься во мне!» Если б оргазм у неё был единственным, я бы мог его переждать и вытащить, но они у неё шли один за другим. Кроме того, она так хваталась за мои ягодицы и так захватывала меня всеми губами, что я подумал: «А, чёрт с тобой!» Но чёрт оказался и со мной. Так мы попали в чистилище, то есть в абортарий.

После моего оргазма она бежала в ванную, вставляла шланг гибкого душа себе в нутро и, как брандспойтом, разгоняла демонстрацию сперматозоидов. Но не тут-то было. Один мой шустренький проскочил и продемонстрировал свою мощь. Беленький, он сделал своё чёрненькое дело.

И вот она звонит мне и объявляет о недельной задержке. Работы у неё нет, машины нет, страховки нет, английского она не знает. Единственные американские знакомые – это церковники, которые приютили её и в тридцать лет за девственницу почитают – ведь замужем она не была. Хозяйка не выпускает Люську со двора – куда, да зачем и почему. Одним утром Люська обнаружила в садике мёртвого зайчика. Хозяйка, недовольно косясь на Люську, решила ей в лесок напротив пойти, похоронить косога. Страшное дело.

Но самое страшное, что Люська мечтает занять ребёнка после своих восьми абортот. Всё планировала, что в Америке она уж обязательно родит. От миллиардера. А тут я подвернулся, с деньгами еле заметными.

Я заехал за ней и повёз в аптеку, чтобы купить набор для анализа мочи на беременность. Я подвёл её к отделу, где продавались противозачаточные средства, а рядом с ними эти наборы на тот случай, если контрацептивы не срабатывают. Родильный дом и абортарий часто находятся в одном здании, так и здесь средства для выявления жизни и борьбы с её зарождением мирно соседствовали. На коробках от презервативов были изображены парочки, романтически держащиеся за руки, которым слово «презерватив» должно быть абсолютно чуждым по духу. Было также изображение мужской головы над женской, причём валетом. То есть в динамике они продвигались к позе «69», которая, как известно, в презервативах не нуждается. Получалось, что картинки на коробках резиновых друзей намекали, как избежать их использования, то есть рубили сук, на котором они, презервативы, сидят. Самоубийственная реклама какая-то.

Люська хихикала моим шуточкам, отвлекаясь от своего упадочного настроения, в котором она находилась с первого дня задержки. И моей целью было веселить её, не давать размышлять и углубляться в ужас аборта. Я выбрал коробочку с набором, и мы поехали ко мне домой на анализ. Я объяснил ей, в какую пробирку писать, в какую переливать. Она пошла в туалет и стала возиться. Наконец вышла. Нужно было ждать двадцать минут. Если смесь покраснеет, то, значит, беременна, а если останется прозрачной, то пронесло. Тест был символическим: если беременна, то краснеет – стыд то бишь и позор. А надо бы наоборот: если беременна, то жидкость бледнеет – чего краснеть-то? – рассуждал я вслух.

Люська опять не могла удержаться от смеха, хоть и ходила туда-сюда, каждые треть минуты поглядывая на часы.

– Ты только, смотри, в обморок не упади, если порозовеет. Розовый цвет красивый, ты восприми его эстетически, – подготавливал я её к худшему.

Через восемнадцать минут – дольше вытерпеть Люська не смогла – она ворвалась в ванную и завывала. Я вошёл за ней и увидел на раковине пробирку гнетущего цвета.

Люська села на кровать, слёзы текли у неё по щекам.

– Ну, что теперь делать? Что теперь делать? – повторяла она.

– Как что? Аборт! – подсказал я.

– Сама знаю, что аборт. Я так не хотела больше абортот. Но не могу же я сейчас рожать. Я бы даже одна родила, если бы у меня с визой было в порядке.

Это меня насторожило – ещё вздумает рожать, а потом я с ней буду повязан на всю жизнь через ребёнка, не говоря уже об алиментах, которые в излишне справедливых Штатах сразу на меня навесят. Ну, как я могу быть ответственным за беременность, если она изнасиловала – пусть не меня, а мой сперматозоид? Я ведь сопротивлялся, предлагал ничью. Но она играла в поддавки и выиграла. И природа ей подыграла. Я же не собирался сдаваться.

– Если ты знала, что так легкобеременеешь, то чего же ты не хотела, чтобы я наружу кончил?

– Потому что тогда никакого удовольствия нет. Ненормально это, наружу кончать, мне нужно, чтобы всё внутри оставалось.

– Вот и осталось.

– Но было так сладко, – сказала Люська и опять заплакала.

– Не волнуйся, всё будет в порядке, – утешал я её. – Но раз уж так приключилось, то мы можем сейчас бесстрашно не предохраняться.

Люська улыбнулась сквозь слёзы и отвернулась, чтобы я не видел её улыбки. Но я увидел. Я обнял её, она для проформы отстранилась, но потом быстренько ко мне пристроилась. И расцепляться нам не нужно было, пока совсем уже не пропал интерес друг к дружке.

Мы договорились, что я, естественно, заплачу за аборт и что сделать его нужно как можно быстрее. Я позвонил в клинику, выяснил, что к чему – процедура занимала в общей сложности часа три. Я назначил на самое позднее время – четыре часа дня.

Люська придумала для своих хозяев, что я везу её на встречу с художниками-эмигрантами. Для этого ей пришлось нарядиться и намазаться. Я заехал за ней, и хозяева махали ей на прощанье лапками, внимательно меня оглядывая. Она обещала вернуться не позже девяти вечера, и это внушило им уверенность в невинности мероприятия. Люська с умным видом уселась в машину.

– Вот, нарядилась на аборт – до чего всё смешно, – сказала она мне, махая ручкой хозяевам, пока мы отъезжали.

– А что, аборт весьма важное, а значит, и торжественное событие.

– Да брось хохмить-то. Не до смеха мне сейчас.

– Но плакать уж точно не стоит. Такая косметика даром пропадёт.

Люська прыснула. Единственное спасение от трагедии – это комедия. Тогда и выжить можно.

Приехали мы в поликлинику. Сидит мама с развратной дочкой. Глаза с поволокой, лет пятнадцать, полусонная такая. Мать лет тридцати. Не хочет, чтобы дочка ошибки её повторяла, вот и притащила аборт делать. Дочка не сопротивляется. Сидит милашка, раздвинув ноги – в любимой позе, значит.

Мы с Люськой подошли к секретарше, которая дала нам анкеты разные заполнить. Люська дёргается, ничего не соображает, а я за неё анкеты заполняю:

– Смотри, радуйся, это тебе не российская живодёрня – очереди никакой, чистота, порядок – тебя опустошат и не заметишь.

– А меня усыплять будут?

– Нет, абортируют под местным, местечковым наркозом.

– Да хватит хохмить-то, – хихикнула Люська и сразу посерьёзнала, – у меня в Москве свой врач был, он мне в вену вводил чего-то, и я сразу отключалась. А здесь что, с болью придётся?

– Да не придётся! Хватит паниковать. В Америке один укол действует, как все советские наркозы, вместе слитые.

– А ты откуда знаешь?

– Рассказывали потерпевшие.

Я дал Люське подписать анкеты.

– А что там написано-то? – сказала она, подмахивая уже не бёдрами, а пером.

– А то, что аборт, как и всякая операция, может закончиться неудачно и что ты об этом предупреждена.

– То есть я помру, а они не виноваты?

– Да брось ты, жива будешь. А помрёт живчик, за это они принимают вину на себя.

Тут дочку вызвали на процедуру. Мать ей ручкой помахала, а когда та исчезла за дверью, вытерла слезу.

Отдали мы анкеты сестре и уселись ждать, когда вызовут. А я думаю, вдруг Люська встанет и скажет: «Я передумала! Не хочу делать аборт!» Что тогда делать? Нет, не мог я расслабиться, пока всё не окончится. Точно так же я не мог расслабиться, когда мы с ней в

первый раз ехали ко мне домой совокупляться. Я всё напрягался – вдруг ей взбредёт в голову приостановить затеянное. И теперь я жалел, что она до этого не додумалась, тогда был бы я сейчас расслабленный и спокойный.

Люська же сидит и дрожит от страха, будто первый раз аборт делает. Надо развлекать, отвлекать, но одежду не совлекать, отчего скучно.

А вокруг книжки и брошюры о противозачаточных средствах лежат. Я взял одну, что потолще, читать стал и с ходу ей переводить. Лучше всего – таблетки. Побочные эффекты: похудение или потолстение.

Люська говорит:

– Если похудение, то мне годится, но что, если побочный эффект боком выйдет и я толстеть начну? Нам такие таблетки не нужны!

Я не унимаюсь, продолжаю читать список побочных эффектов: «Блевание во время оргазма и как самый редкий случай – смерть во время совокупления».

– Там так и написано!?! – уставилась на меня Люська.

– Нет, не так, – сказал я, – это я твою бдительность и здравый смысл проверяю.

Читаю дальше. Другой метод, не слишком надёжный – срочное вытаскивание члена до семяизвержения. Нет, мы это отвергаем, кроме того, легко ошибиться в этом методе и вытащить не до, а после. Тогда этот метод из противозачаточного становится исключительно зачаточным.

Следующим методом значится периодическое воздержание. Это значит воздержание, но не полное. А посему существует возможность зачатия, однако значительно уменьшенная. Тут мы пришли к выводу, что периодическое воздержание должно приводить к периодической беременности, что сразу делало этот метод для Люськи негодным, поскольку им-то она до сих нор и пользовалась.

В конце брошюры оказался словарь для невежд, где член определялся как орган, вставляющийся во влагалище. У нас одновременно возник вопрос: а если этот орган вставить в рот или ещё куда, перестаёт ли он от этого быть членом?

Так за разговорами мы и не заметили, как час прошёл, вышла вычищенная дочка. Ошарашенная, уже не сонная, она матери зычно объявляет:

– Представляешь, врач сказал, что у меня четыре месяца было!

Мать обнимает дочку, и они уходят со сцены.

Наконец Люську вызвали. А я вызвался идти с ней, поскольку она ни бе ни ме в английском. Случай редкий, чтобы мужчина шёл в святая святых. Но если мужчины теперь присутствуют при родах, то почему бы им не присутствовать при абортах.

Сестра пригласила нас в закуток, обвешанный плакатами, рассказывающими и показывающими, как использовать всевозможные противозачаточные средства. Настоящая научная порнография. Люську взвесили – она с недовольством смотрела на движущуюся стрелку:

– Растолстела я на американских харчах.

– Ничего, через несколько минут похудеешь, – утешил я её.

Потом у Люськи измерили кровяное давление. Оказалось чуть повышенным.

– Ничего, – сказал я, – скоро тебе сделают кровопускание.

Она прыскала сквозь слёзы, а сестра удивлённо на нас смотрела, не понимая нашей тарабарщины.

Сестра спросила, рассматривала ли Люська возможные альтернативы аборту. Я перепугался, а вдруг Люська спросит: «Какие?» – и тогда сестра начнёт перечислять: роди ребёнка, а потом отдай его в приют; или, ещё чего доброго: роди ребёнка и не отдавай в приют. Я адаптировал перевод, оставив главный смысл: хочет ли Люська делать аборт? И Люська сама сказала: «Нес».

Наконец сестра задала ей уж совершенно бестактный вопрос: «А ваш партнёр согласен на аборт?» Сестра сделала вид, что я здесь, быть может, и ни при чём, хоть я ей только что двести семьдесят долларов заплатил, причём наличными, как здесь полагалось. Я и Люська стали заглядывать под стол в поисках прячущегося партнёра.

– Да это же я партнёр, – вдруг вспомнил я и умилённо уставился на сестру. – Нет, я совершенно не возражаю против аборта, – заверил я её.

На этом представление закончилось, и Люську увели в другую комнату, а меня туда уже не пустили и отправили в приёмную, ждать.

Через час Люська, бледная, вышла из дверей.

– Ну что, мальчик или девочка? – с облегчением бросился я к ней.

Трудовой день любовника

Память на имена у Дика была слабая, и больше всего он опасался называть своих любовниц по именам, чтоб не перепутать, а звал их «милая», «дорогая», «любимая». Про себя же он всех своих женщин называл «доктор». «Пойду к “доктору”», – решал он, отправляясь к очередной любовнице. Рано утром Дику позвонила его возлюбленная из Венеции. Она сообщила, что организовала себе командировку и прилетает завтра днём. Её муж не только не возражал, но даже радовался её деловым успехам.

Дик познакомился с ней во время одного из её приездов в Америку. «Ты даёшь женщине испытать её предельные возможности», – так охарактеризовала она мужское искусство Дика и пообещала, что будет прилетать регулярно на встречи с ним. И вот она своё обещание сдерживала. Дик нетерпеливо поджидал венежанку, ибо в ней он нашёл больше нежности и жара, чем во всех своих остальных любовницах. Во время одной из их встреч в гостинице ей позвонил муж, и она представила ему Дика как своего коллегу по деловым предприятиям в Америке. Пока Дик обменивался любезностями с её мужем, венежанка жадно делала ему минет.

Ожидая очередного её приезда, Дик не лишал себя женского общества, а наоборот, собирал его вокруг себя, чтобы ожидание не было слишком тягостным. Когда Дик был с женщиной, он чувствовал себя при деле. Он искренне считал, что женщина – это самый надёжный партнёр даже в бизнесе, ибо на неё всегда можно положиться.

По пути на работу в машине Дика зазвонил телефон, это была Нэнси. Она мрачным голосом заявила, что у неё во влагалище зуд и воспаление. Последний раз они совокуплялись три недели назад, и симптомы, будь они от Дика, должны были бы объявиться раньше. Нэнси утверждала, что у неё никого за это время не было.

– Если это что-нибудь венерическое, то и у меня, моя милая, были бы симптомы, да и другие женщины стали бы жаловаться, – логически рассудил Дик. Он, как правило, не скрывал ни от одной из своих любовниц, что она у него не единственная.

– Но у меня очень неприятные ощущения. Отвези меня, пожалуйста, к врачу.

Дик не мог сказать, что у него нет времени или чтобы она пошла сама. Он чувствовал ответственность за каждую женщину, с которой был близок, независимо от того, как долго эта близость длилась и нравилась ли ему теперь эта женщина. Вот почему женщины его не только любили, но и ценили и не посмели бы сказать, что в их постели от него останется лишь мокрое место.

У Нэнси не было машины, она недавно переехала в этот город, ещё не устроилась на работу. Нэнси была из тех женщин, которые совершенно теряют контроль над собой, как только мужчина прикасается к её клитору или попадает во влагалище. Именно поэтому она поначалу оказала Дику яростное сопротивление, когда он попытался до неё дотронуться. Нэнси хорошо знала себя и боялась, что ей будет не остановиться. Дик её пугал тем, что,

с одной стороны, он был явно искусным мужчиной, а с другой стороны, что у него было много любовниц. Для Нэнси это значило, что она может сразу заикнуться на Дике, а также не выдержать конкуренции с его любовницами. Но у неё не было мужчины четыре месяца, и долго сопротивляться она не могла. Когда Дик отвезил её домой после первой близости, она прижалась к нему и сказала:

– Ну вот, теперь я тебя любить буду.

– Только, пожалуйста, не слишком сильно, – пошутил Дик и впоследствии вынужден был спускать на тормозах её желание частых встреч. Он уже давно понял, что цель мужчины и женщины не сблизиться друг с другом как можно больше, а найти оптимальное расстояние и поддерживать его, и потому Дик всегда предпринимал меры, чтобы восстанавливать дистанцию с женщиной после каждого с ней сближения.

«Что ж, повезу “доктора” к врачу», – решил Дик, чтобы унять её волнения, да и, на всякий случай, самому увериться, что действительно ничего не подхватил. Дик заехал на работу, сделал несколько неотложных звонков и отправился за Нэнси. Она вышла разряженная, будто они ехали не к венерологу, а на сатурналии. Нэнси радостно улыбалась. «А может быть, она врёт, и никакой инфекции нет, а пизда у неё чешется от элементарного желания?» – подумал Дик и произнёс эту фразу вслух. Нэнси стала божиться, что не дьявол, а Венера – причина её зуда.

Врач взял у неё кровь на сифилис и спросил Дика, хочет ли он исследоваться тоже.

– В зависимости от результатов исследований Нэнси, – дипломатично сказал Дик.

Врач командовал Нэнси раздеться от пояса и ниже и залезть на гинекологическое кресло. Дик попросил разрешения остаться в кабинете на время осмотра, и, так как Нэнси не возражала, врач согласился. Дик с удовольствием наблюдал, как врач вставлял расширитель, брал мазки и засовывал два пальца в тот рот, в котором не возникала от этого рвотная реакция. «Вот работка, – думал Дик, – видит око, да зуб неймёт». Нэнси пугливо постанывала, когда врач шуровал внутри, но утверждала, что ей не больно. Врач пошёл посмотреть мазки под микроскопом, а Нэнси оделась.

– Ты что стонала, от боли или от наслаждения? – поинтересовался Дик.

– Глупый, конечно, от боли – не могу, когда вставляют расширитель, мне всегда самый маленький вставляют, а тут, ты видел, какой огромный был?

– Но ты же сама говорила, что чем больше член, тем лучше.

– Так то член, – легко разоблачила Нэнси наивность Дика.

Вернулся врач и объявил, что ничего венерического он не нашёл, и прописал Нэнси мазь для облегчения зуда. Дик решил не обследоваться, а Нэнси стала капризно просить врача:

– А вы и у него возьмите кровь и мазки, а то я мучилась, а он сухим из воды выходит.

– Я вышел сухим не из воды, а из пизды, – шепнул ей Дик, и тут же подумал, что, если «выйти из воды сухим» является комплиментом, то выйти из пизды следует мокрым, а не сухим, иначе стыд мужику и позор.

По пути домой Нэнси предложила Дикуну зайти к ней, но у него был запланирован ленч с Кэри, и он из предосторожности предложил перенести встречу до её полного излечения от зуда.

Нэнси не удержалась и ревниво спросила:

– Почему ты хочешь спать со мной, ведь тебе всё равно, с кем спать?

Ей, как и многим женщинам, сей аргумент казался неотразимым. Дик ответил так:

– Если бы действительно было всё равно, с кем спать, то я был бы абсолютно моногамен и спал бы с тобой одной. Но именно потому, что каждая женщина особенная, оказывается вовсе не всё равно, с кем спать. Так что если мужчина полигамен, то это подтверждает именно его небезразличие к каждой из женщин.

На Нэнси эта логика не произвела благоприятного впечатления, и Дик решил, что он повторит эту счастливую мысль Кэри.

Кэри была профессором университета. Когда она делала Дику минет, то двигала головой возвратно-поступательно с огромной скоростью, и Дик боялся, что у неё может произойти сотрясение мозга. Но всё обошлось, и Дик кончал быстро, не в силах противиться нетерпеливому темпу Кэри.

До следующей лекции оставался один час, и она попросила Дика встретиться в ресторане, страстно заверяя, что через пару дней они проведут вместе гораздо большее время. Кэри нужен был срочный совет в области, в которой Дик считался специалистом. Она принесла анкеты, которые нужно было заполнить, и Дик, поедая свой любимый шпинатный салат, просматривал то, что Кэри уже успела сделать. Кэри настояла, что сама заплатит за ленч. Она любила свою независимость, которую давало ей профессорство, и часто платила за отель, где они занимались любовью. Когда Дик дал свои рекомендации и деловая часть была окончена, у Кэри оставалось пять минут. Она сняла туфлю и положила ступню Дику между ног. Длинная скатерть скрывала эту ласку.

– Спасибо тебе за помощь, – томно сказала Кэри, чувствуя его твердеющий член, – ты не только замечательный любовник, но и прекрасный друг, а это сочетание встречается нечасто.

Дик улыбнулся и поцеловал ей руку. Он дорожил Кэри, потому что она не требовала себе его будущего. Кэри была замужем за человеком, которого она уважала, у неё было двое очаровательных детей и любовник Дик, который придавал её жизни необходимую остроту. Кэри не мучилась угрызениями совести, а просто была честной и уступчивой по отношению к своим желаниям. Ей надоел научный респект, которым она пользовалась у мужчин, и ей льстило, что для Дика она – кусок горячего мяса с дырками, как она любила называть женщин.

– Каждая женщина таит в себе вход в рай, – сказал как-то Дик, любуясь её двойными воротцами.

– Но самое интересное то, что рай длится ровно столько времени, сколько ты в нём можешь оставаться. Мужчины не способны выдержать долгое пребывание в раю, хотя на словах они его так алчут.

Прикосновения Кэри заставили Дика остро возжелать Вики, с которой он должен был встретиться в два часа дня у её дома. У неё была задержка на два месяца, что с ней случалось и раньше без всякой беременности. Она вышла из дома с сумочкой, в которой была баночка с мочой. Вики не использовала противозачаточных средств по принципиальным соображениям и не позволяла Дику в неё кончать, потому что её менструации определялись не календарным исчислением, а эмоциональным. Если она страстно влюблялась (а в этом состоянии она как раз находилась), то её организм имитировал беременность, которой она желала и одновременно страшилась. Менструация нехотя появлялась раз месяца в три. Но стоило ей оказаться без любовника, как цикл восстанавливался с точностью до дня. В период задержек на Вики часто находил панический страх, что она забеременела, и она бросалась делать анализы на беременность чуть ли не каждую неделю. Все они оказывались отрицательными, но это давало ей лишь недолгое успокоение.

На днях Вики была в особо упадническом настроении, и Дик предложил подвезти её сегодня в клинику, где делали анализ мочи. Вики не доверяла аптечным наборам для самостоятельной проверки на беременность. Дик ждал её в машине, пока она относила баночку, и думал, что все женщины, входящие в двери этой поликлиники, похожи друг на друга, как две капли мочи. Впрочем, моча может оказаться последней каплей в попытке классифицировать женщин: именно по моче их можно было разделить на две основные группы – беременные и пустые.

Вики вышла из дверей клиники, ей предстояло позвонить через сорок минут, чтобы узнать ответ. Дик предложил ей совокупиться у неё дома, что находился неподалёку, но к ней, оказалось, приехала двоюродная сестра из другого города. Да и Вики всегда так волновалась, пока не получала ответ, что ни на чём, кроме своей возможной беременности, сосредоточиться не могла. Но Дик был уверен, что ответ будет отрицательный.

Дик предложил Вики посидеть в кафе и поболтать, пока эти сорок минут истекут. Разговор зашёл о том, как в детстве их учили, что положительно – это хорошо, а отрицательно – плохо. Но положительный анализ на болезнь означает, что она у тебя есть, и это плохо. А отрицательный результат означает хорошее – что ты здоров. В области болезней происходила полная подмена понятий. А вот при анализе на беременность получается полная неразбериха: всё, оказывается, зависит от желания женщины, и оно определяет, что хорошо и что плохо. Если женщина хочет забеременеть, то положительный результат становится и впрямь положительным. Если же она забеременеть не хочет, то положительный результат оборачивается отрицательным.

Дик заказал любимое шоколадное пирожное Вики. Она пила кофе, смотрела на него влюблёнными глазами и время от времени спрашивала:

– А что, если я беременна? Как ты думаешь, у хорошей любовницы зачатие должно происходить значительно легче, чем у плохой?

Дик умышленно принимал эти вопросы за риторические и старался увести её от этой темы. Но Вики мечтала о конкретном ответе, ей желалось, чтобы Дик сказал, что любит её и что хочет, чтобы она оставила ребёнка. Но в то же время она знала, что он этого не скажет, и её волнения ещё более возрастали. А Дик думал, что Вики напрасно считает себя хорошей любовницей только потому, что с готовностью разводит ноги.

Наконец сорок минут истекли, и она пошла позвонить. Дик думал о том, что вечером у него встреча с Николь, которая пригласила его к себе на ужин. Николь была прекрасной любовницей, ибо у неё не было стыда и она была не только требовательна на ласки, но и щедра на них. Он с трепетом представлял их скорую встречу, он хотел её больше, чем всех предыдущих «докторов» вместе взятых. Николь была на двадцать лет младше Дика и уверяла его, что именно такая разница в возрасте для неё более всего соблазнительна. Николь предупредила, что она приготовила Дику сюрприз, и Дик строил догадки, что бы это могло быть. Уж не объявление ли о беременности, несмотря на противозачаточные таблетки?

Появилась Вики с сияющим лицом.

– Всё в порядке – произнесла она и поцеловала Дика в губы. – О, как я счастлива!

Дик похлопал её по заду, и они вышли из кафе. Дик отвёз Вики домой и решил заехать в магазин, купить цветов и вина для Николь. У него было в распоряжении два часа, и он бродил по торговому центру, заходя в различные магазины. Дик заговаривал с красивыми продавщицами, шутил, и они смеялись. У одной он смог добыть номер телефона. «Каждая новая женщина это как новая весна – всегда берёт за сердце», – думал Дик.

Николь открыла дверь с выражением лица, которое показалось Дику торжественным. Когда он вошёл в столовую, его ждал сюрприз в виде незнакомого парня.

– Познакомьтесь, – сказала Николь, – это мой учитель и друг Дик, а это – Чарльз, мой жених.

И тут Дик вспомнил, что Николь последнее время часто говорила о том, что ей необходимо срочно выйти замуж и заиметь детей, чтобы удовлетворить настоятельные требования своих богатых родителей. Она нигде не работала, и родители грозили прекратить финансовую помощь, если она не выйдет замуж. Николь убеждала Дика, что её замужество будет чистой формальностью и что они будут продолжать встречаться. Они даже шутливо разрабатывали план, согласно которому Николь представит Дика своему жениху как своего ста-

рого учителя и друга. Дик огорчился только одному – он понял, что в этот вечер ему, по всей вероятности, не удастся забраться в Николь.

Дик и Чарльз пожали друг другу руки.

– Как я рада, что наконец могу вас познакомить, – щебетала недоступная любовница.

Выбор мужа был замечательный – парень явно принимал Дика за учителя, но не по сексу. «Мой учитель», – так нежно называла Дика Николь, когда он вызывал в её теле ещё неведомые ощущения.

Ужин прошёл церемонно. Дик сдерживался изо всех сил, чтобы не схватить Николь за зад или за грудь при Чарльзе.

Чарльз детально рассказывал об их планах на будущее и о большой семье, которую он хочет иметь.

Николь кокетливо поглядывала на Дика и облизывала губы языком, который он так любил в такой момент перехватывать своими губами.

В десять Дик попрощался и поехал домой. Он представлял себе, как Чарльз забирается на Николь, и ухмылялся его неуклюжести.

Дома Дик выпил коньяка и лёг спать. Только он заснул, как его разбудил телефон. Он предусмотрительно не снял трубку и дождался, пока включился ответчик. Звонила Линда, она была явно навеселе и просила срочно перезвонить ей, потому что она чувствует себя одинокой. Дик отключил телефон – слишком поздно, ему необходимо семь часов сна, чтобы завтра быть во всеоружии. Дик спал богатырским сном и не слышал, как пьяная Линда звонила в дверной звонок и стучала в дверь, крича: «Я знаю, что ты здесь! Открой мне сейчас же! Я хочу тебя!»

Дикуну снилась его венецианка, которая уж точно не позволит, чтобы какие-либо препятствия помешали их грядущему соитию.

Независимость от Ё

Больше всего я любил просыпаться от того, что женщина сосала мне хуй. Нет слаще пробужденья! Так, наверно, каждый день пробуждаются святые, ангелы и прочие счастливицы, проживающие в раю.

Проснувшись, можно открыть глаза и этим дать знать женщине, что ты пробудился, и подключиться к действию, прижимая её голову к бёдрам. Либо можно притвориться, что спишь, и проснуться только во время оргазма.

Либо можно даже кончить, будто бы во сне, а потом перевернуться на бок, как бы так и не проснувшись, и снова заснуть.

Я же в конце концов и впрямь научился не просыпаться во время оргазма и видеть эротические сны такой степени изошрённости, которая невозможна наяву. Ведь мы всегда ебём мечту, а не тело. Ощущения эти напоминали мне поллюции отрочества, когда я так жаждал избавиться от своей невинности и осуществлял это, увы, только во сне, видя перед собой девочку или женщину, в которую я был влюблён в то время. Единственным разочарованием была сырость, в которой я просыпался и которая лишь подтверждала, что всё было только сном.

Теперь же пробуждение было сухим, ибо наслаждение, испытанное во сне, было вызвано не мечтами о женщине, а самой женщиной, поглощающей женщиной.

Когда любовница спрашивала, чего бы я хотел, чтобы она мне сделала (а все женщины рано или поздно задают этот вопрос), я рассказывал ей о своём заветном желании. В принципе оно ей нравилось, потому что исполнить его можно, если оставаться на ночь, а многие женщины страшатся, что ты с ними не захочешь ночь проводить, а кончишь пару раз и уйдёшь или её спровадишь.

Но, заполучив меня на ночь, женщина успокаивалась и часто забывала о своём намерении исполнить моё желание. Чаще всего она просыпалась позже меня, а если просыпалась раньше, то ничего не делала или делала что-нибудь не то. А когда я спрашивал: «Чего ж ты, забыла об обещанном?» – она начинала оправдываться, что, мол, я спал на животе и к моему хую ей было не подобраться. И это правда, я действительно сплю на животе. Но в этом-то и трудность, которую нужно преодолеть женщине, желающей принести радость мужчине. Сделать минет для большинства женщин – раз плюнуть. Но я ведь просил о том, на что требуется не только слюна и резвый язык.

Прежде всего, женщине, конечно, нужно было проснуться раньше меня. То ли среди ночи, то ли рано утром. Многие женщины по ночам мочиться не ходят, ибо ухитряются протерпеть до утра. Для таких ночью моё желание было не выполнить. Им нужно было утром просыпаться раньше. Хорошо, проснулись, идут пописать. Тут легко меня разбудить, ибо я на приближение и равно на удаление женщины реагирую чутко. Проснусь – и всё насмарку, и опять наслаждение не свершилось.

Если же первый этап женщина совершала благополучно и я продолжал пребывать во сне, начиналось самое сложное – сделать так, чтобы я перевернулся на спину, и в то же время меня не разбудить. Как это удавалось умелицам, я не знаю, ибо раз я не просыпаюсь от поворачивания, то и не знаю, как оно было осуществлено. Я знаю только те приёмы, что не срабатывают, потому что от них я просыпаюсь. Самые малоизобретательные пытались меня перевернуть на спину силой. Этим они меня сразу будили. Другие начинали шептать мне что-то на ухо, пытаясь меня загипнотизировать, и от их голоса я тоже просыпался. Третьи призывали на помощь щекотку. Четвёртые тщетно пытались добраться до хуя, когда я лежал на животе.

И вот я сошёлся с женщиной по имени Ё, которая научилась пробуждать меня райским способом систематически. То есть всякий раз, когда она оставалась у меня ночевать, она будила меня этим чудесным, дивным приёмом. Естественно, что ей вскоре не пришлось затрачивать никаких усилий, чтобы я предлагал ей остаться у меня ночевать всякий раз, когда мы встречались. Дошло до того, что, когда я проводил ночь без неё, я всегда просыпался с дурным настроением, с тоской по раю.

Я хотел выяснить у моей мастерицы способ, с помощью которого она могла перевернуть меня на спину, не разбудив. Я хотел иметь ключ к себе, чтобы вручать его другим женщинам и тем самым освободиться от становящейся опасной ее власти, которая меня уже тяготила. Но выведать секрет оказалось совершенно невозможно. Ё не желала рассказывать о своих ухищрениях, которые так благотворно влияли на моё расположение к ней. Она предчувствовала, что, поделившись сутью своего изобретения, она может лишь породить конкуренцию.

А я тем временем привязывался к ней всё больше и больше. Я стал просить её оставаться у меня три ночи в неделю, потом четыре, а после того, как пару недель она ночевала у меня по пять раз, я предложил ей перебраться ко мне жить. Ё не пришлось уговаривать, поскольку она всегда хотела, что называется, «иметь мужчину в доме».

Наша совместная жизнь постепенно приняла своеобразную форму. Дело в том, что я работал во вторую смену и приходил домой около полуночи. Ё вставала на работу в шесть утра и ложилась спать в десять вечера. Поэтому, когда я приходил домой, Ё уже спала, как всегда на боку, и я, стараясь не будить её, пристраивался к ней со спины. Я поднимал вверх её ягодицу и легко проскальзывал в сочное влагалище, так как перед сном она кончала от вибратора, который всегда лежал у неё под подушкой, уже включённый в розетку. В выходные дни, когда у нас была возможность пообщаться в состоянии обоюдного бодрствования, Ё говорила мне, что моё вечернее семяизвержение в неё, спящую, является последней каплей, переполняющей её окончательной радостью после вибраторного оргазма.

По будним дням ранним утром я испытывал свой сонный оргазм, искусно высосанный Ё, и продолжал спать часов до восьми. Таким образом, когда я просыпался, Ё уже была на работе. И в этом была непровольная тактичность Ё, ибо сразу после оргазма с женщиной всё равно уже делать нечего.

Я безмятежно занимался своими делами, и единственное, что волновало меня, это регулярная доступность наслаждения, к которому меня приучила Ё, и, следовательно, моя зависимость – от неё. Утренний оргазм во сне окрашивал весь день в радужные краски, мои навязчивые эротические идеи полностью реализовывались в сновиденьях, сопутствующих оргазму, который славен тем, что временно излечивает от паранойи желаний.

Поначалу мы ждали выходных, чтобы поговорить друг с другом, сходить в ресторан, в кино. Но у нас всё чаще стали возникать ссоры из-за пустяков, из-за обнаружившейся чуждости взглядов и, наверно, по многим другим причинам, которых я до сих пор не знаю. Поэтому мы стали воспроизводить наши будничные отношения и во время выходных дней. Я, например, спал дольше, и Ё делала мне минет не в шесть, а в восемь утра. Я продолжал спать до десяти, а Ё за это время успевала подняться, привести себя в порядок и отправиться по магазинам. Я завтракал в приятном одиночестве, а потом уходил по своим делам. Возвращался я вечером, мы смотрели некоторое время телевизор, и Ё отправлялась спать раньше меня. Я приходил в спальню около часа ночи, когда она уже крепко спала, и наше сексуальное общение повторялось.

Как правило, на пути к женскому телу лежат бесконечные разговоры, но мой путь был совершенно безмолвным, и в этом была особая прелесть.

Я опасался, что мне захочется жениться на Ё, чтобы тем самым держать её при себе. Но женитьба страшила меня ещё более, чем возможная потеря Ё. Наши отношения были идеальными для меня именно потому, что в них, кроме молчаливого секса, ничего не было, а женитьба обязательно привнесла бы необходимость разговоров, обсуждений проблем бытия, не дай бог, возникновение детей, а с ними непрерывного ада, который бы поглотил мой священный утренний рай. По счастью, Ё не заводила речи о женитьбе, хотя бы потому, что мы так успешно избегали всяких разговоров. Но я ведь знал, что для того, чтобы отношения между любовниками длились, мужчине должен светить оргазм, а женщине – свадьба.

Одним из моих сновидений было ощущение, будто я нем, глух и слеп, будто я – сплошное осязание. Будто меня не обременяет необходимость ни говорить с женщиной, ни слушать её болтовню, ни даже видеть её – всё заменяет осязание, причём это ощущение овладевало мною во сне за мгновение перед оргазмом – в этом было совершенство общения с Ё, совершенство, которое я страшился потерять. Сутью этого совершенства была полная честность, поскольку, в моём понимании, ложь начинается именно тогда, когда люди начинают хотеть в отношениях чего-либо большего, чем секс.

Так продолжалось долго, пока одним утром я не проснулся после оргазма, полного восторженных сновидений, с ощущением, что у меня мокрый живот. Я точно помнил сквозь сон знакомое ощущение языка Ё и не мог понять, как моё семя оказалось не поглощённым ею. Я принял душ, позавтракал и принялся за свои дела. Когда я вернулся домой с работы и вошёл в спальню, Ё там не было. Я осмотрелся кругом и заметил отсутствие многих её вещей. Ни записки, ни слова на телефонном ответчике не было. Я запустил руку под подушку – вибратора Ё там тоже не было, и тогда я окончательно убедился, что она ушла от меня.

Я решил не раздумывать над этим в тот вечер, правильно полагая, что утро вечера мудренее. Я выпил пару глотков виски, усталость после работы дала о себе знать, и я заснул. Утром, во сне, я опять почувствовал прикосновения языка и губ Ё и проснулся, лёжа на спине с мокрым животом. Сновидения были, как всегда, прекрасны, а отсутствие в кровати Ё лишь напомнило мне прежние времена, когда она уходила рано утром, и я просыпался один.

Теперь, когда я возвращаюсь с работы, то ложусь в кровать, где уже нет Ё, спящей на боку, но тем не менее каждое утро то ли её призрак, то ли созданная ею во мне привычка вызывают наслаждение, не пробуждая меня от сладких видений. И хотя я просыпаюсь с мокрым животом, это незначительное неудобство с лихвой окупается независимостью от Ё, которую я наконец обрёл.

Свет в окошке

Напротив кровати вся стена была пустая. Никакой мебели, никаких украшений в виде картин не требовалось, ибо на обоях был изображён огромный (от пола до потолка) средневековый замок, обнесённый каменной стеной, ворота которой были заперты. На переднем плане большое дерево держалось за землю острыми корнями. Но ни человека, ни птицы, ни зверя нарисовано не было. Угол зрения был таков, что на замок зритель смотрел как бы сверху, и каменная стена не заслоняла здания.

Одежду я обыкновенно складывал на полу у стенки, и, надевая трусы и брюки, я видел, что вблизи рисунок замка, стены и дерева состоит из чёрных и белых точек. Не так ли и в жизни, думал я, всё превращается в бессмысленность чёрно-белых точек при ближайшем рассмотрении.

Так и пизда при излишнем приближении превращается в клетки разных типов, живущие своей жизнью и не имеющие никакого отношения к восторгу, который охватывает тебя, когда смотришь на неё с должного расстояния.

Ванда любила поговорить, так что мне не приходилось развлекать её разговорами, что для меня было бы непосильной задачей. Ванда говорила и за себя, и за меня. Я слушал, кивал, улыбался, иногда задавал вопросы и тем поддерживал её в состоянии речевой активности.

Когда-то она была замужем, но развелась, потому что оказалась бесплодной, а муж ей нужен был только для того, чтобы у желанного ребёнка был отец. В остальном муж был никчёмен. Он был настолько равнодушен к ебле, что его член даже в состоянии эрекции был холодным. Ванда замечала время на часах, когда муж на неё забирался. Скажем, цифры показывали 10.36. Когда он кончал, она смотрела на часы – было всё ещё 10.36. Она сразу бежала в туалет, якобы подмываться. Там она додрачивала себя до оргазма, а когда возвращалась в постель, то муж уже храпел. «Такова половая жизнь», – говорила она себе.

Каждую неделю муж давал Ванде деньги на расходы по хозяйству. Он работал напротив банка и поэтому вносил чек в банк по пути с работы домой. Когда Ванда отказалась сосать ему хуй, он отказался вкладывать чек в банк по дороге с работы, поэтому Ванде приходилось садиться в машину и ехать в банк, чтобы самой положить чек, который он в качестве наказания отдавал ей лично в руки. Очевидно, что воображение мужа в области изобретения наказаний не шло ни в какое сравнение с воображением Кафки. Что же касалось его воображения по части секса, то там он ощутимо отставал даже и от значительно менее знаменитых писателей.

В юности Ванда настояла перед родителями на том, чтобы уйти из католической школы, где пинали секс в хвост и в гриву, а она, с прирождённой убеждённостию в своей сексуальной правоте, верила в благо мастурбации. Соблазнил её еврейский мальчик, в которого она влюбилась всем телом. Отец её не хотел пускать на порог еврея-ухажёра, а когда Ванде было двадцать восемь, отец на смертном одре образумился и наказал её выйти замуж за еврея. «Времена меняются, – объяснил он, – и нам, католикам, нужно меняться вместе с ними». Сказал это и умер.

Однако Ванда не послушалась отца и вышла замуж за католика, который мог напомнить еврея только своим ужасом перед менструациями. Муж был настолько брезглив, что не подходил в Ванде на пушечный выстрел, когда они у неё начинались, чем, кстати, её очень

огорчал, ибо в эти дни ей особенно хотелось. Однажды, когда менструация у неё, казалось, кончилась, муж осчастливил Ванду соитием, но когда он извлёк хуй, тот оказался в крови. Муж вскричал от потрясения и бросился в ванную. Ванда виновато последовала за ним. Муж запретил ей включать свет в ванной, потому что вид крови на хуе внушал ему ужас, и муж заставил Ванду отмывать его в темноте.

После развода Ванда начала толстеть. В тридцать девять кожа на её лице была гладкая, будто натянутая на барабан. Лишний вес на теле давал о себе знать совсем иначе: вместо сужающейся талии у неё было расширение с толстыми складками. Ноги же росли стройные и вовсе не толстые. Но, находясь под грузным телом, они казались непропорционально маленькими. У неё был идеальный маникюр на красивых пальцах, но на ногах пальцы были все в раскорячку и без педикюра. Во время оргазма она кричала омерзительно визгливым голосом.

Года два назад Ванда по специальной диете сбросила вес и стала тоненькой. Компания, которая разработала эту диету, взяла её для телевизионной рекламы, где Ванду демонстрировали «до» и «после». Но через пару месяцев она набрала обратно весь прежний вес, да ещё с добавкой. Теперь, жуя что-то перед телевизором, Ванда с гордостью показывала мне видеозапись рекламы, где она в облегающем вечернем платье принимает приглашение какого-то хлыща и танцует с ним тур вальса в огромном зале со стрельчатыми окнами и мохнатой люстрой. У платья были длинные рукава до запястий, чтобы скрыть обильные волосы на руках Ванды.

Ванда подробно рассказывала мне об особняке, построенном в виде замка, где происходили съёмки, и о её партнёре в вальсе, с которым они были любовниками, пока она не растолстела снова. После разрыва с любовником она часто приезжала к особняку и гуляла вокруг, вспоминая дни своей красоты, которые наградили её любовью. В особняке никто не жил, его использовали только для съёмок и великосветских приёмов. Ванда гуляла вокруг, смотрела на тёмные окна, подходила к дверям и дёргала за ручки, но все двери были закрыты. Она призналась мне, что это была её самая сильная любовь, и с тех пор во всех мужчинах она ищет его черты. Любовник был евреем и никак не мог смириться не только с её толщиной, но и с католическим происхождением. Однажды, когда она гуляла вокруг особняка, ей показалось, что она увидела его в окне первого этажа. Ванда бросилась к окну, прижалась к нему лбом, но никого не разглядела. По-видимому, от нажатия на стекло сработала сигнализация, и подъехала полицейская машина. Ванду отвезли в полицейский участок, но вскоре выпустили. Больше она у особняка не появлялась, зато стала активно искать и находить новых любовников, среди которых оказался и я.

У всех любовных пар рано или поздно образуются традиции и обретаются привычки в общении. Самое прекрасное – это процесс установления этих традиций и привычек. Радостное ощущение уверенности остаётся некоторое время после их установления. Но потом начинается протест против рутины. Если не происходит обновления традиций, то отношения разрушаются.

У меня с Вандой традиция установилась быстро и легко. Ванда обожала порнографические фильмы. Поэтому мы начинали наш вечер с того, что брали два видеофильма напрокат. Обычно Ванда выбирала их без всякого смущения и записывала на своё имя, так как мы ходили в видеотеку рядом с её домом, где она была членом клуба и получала скидку. Потом мы шли к ней домой. Каждый раз она извинялась, что у неё не убрано. И действительно, ковёр на полу был в пятнах. На обеденном столе в гостинной накладывались друг на друга олимпийские кольца – следы от стоявших когда-то стаканов, чашек, бокалов с мокрым дном. В спальне у стены на полу лежали коробки, полиэтиленовые мешки, старые журналы и книги в стопочках. Из незакрывающихся ящиков комода торчало несвежее нижнее бельё.

На трюмо – просыпанная пудра, в унитазе, на ватерлинии, была полоса ржавчины, которую никогда не пытались оттереть. Холодильник, жёлтый от грязи, был всегда настолько забит, что каждый раз, когда она открывала дверь, что-нибудь из него вываливалось на пол. Ванда чертыхалась и впихивала выпавшее обратно. Еды мне она никогда не предлагала, но выпить всегда. Когда я просил что-нибудь поесть, она давала мне сыр с крекерами, чтобы избежать провокационной ситуации с едой и не броситься жрать самой, да так, что ей было бы не остановиться, пока не начинала блевать.

Ванда всё грозила сделать ремонт, генеральную уборку, но всегда находились какие-то причины, чтобы грязь и мусор оставались на прежних местах. Кровать была единственно чистым местом, с нежнейшими шёлковыми простынями, мягчайшими пуховыми подушками в ласковых наволочках, с красным шерстяным одеялом без единого пятнышка. Её кровать была оазисом в квартире, и никуда не хотелось из него перемещаться.

После выпивки и мелкой закуски Ванда шла в ванную и смывала косметику, которая, как она уверяла меня, мешала ей при занятиях любовью. Я смотрел на неё и думал, что вот она, женщина, голая и со смытой косметикой – кончился маскарад дня, и начинается истинная жизнь ночи.

Ванда засовывала первую кассету в щель видеосистемы, и мы ложились на кровать. Телевизор стоял на полу у стены, на которой был изображён замок. Сначала я смотрел на действо – Ванда, как и я, ненавидела высосанные из пальца убогие сюжеты и ничтожные разговоры в порнографических фильмах. Она прокручивала вступления, заставки и эпилоги, не являвшиеся еблей. Поначалу и я смотрел на экран и размышлял о молодом поколении, которое доживёт до трёхмерного видеоизображения с запахами и, может быть, даже с возможностью потрогать. А мы, дикари, вынуждены довольствоваться плоскостью.

Поза тоже у нас стала традиционной: Ванда стояла на четвереньках, а я располагался за ней и в ней. Получалось, что она в партере, а я чуть выше, в амфитеатре, и поэтому её голова не заслоняла экран. В позиции лёжа не только было неудобно смотреть на экран, но и чисто эстетически Ванда отвращала меня. Со своим огромным телом и тоненькими и маленькими по сравнению с ним руками и ногами, она напоминала мне черепаху, опрокинутую на спину, пошевеливающую маленькими лапками, вылезаящими из огромного панциря.

Пока крутился первый фильм, я был у Ванды во влагалище, а в течение второго – в анусе. Правой рукой она надрачивала клитор, а левой рукой нажимала на кнопку дистанционного управления и прокручивала видео, как только ебля на экране прекращалась. Каждая такая выжимка длилась минут пятнадцать. Это время как раз и требовалось Ванде, чтобы добраться до оргазма, и моя задача заключалась в том, чтобы держаться и кончить в кульминационной сцене вместе с Вандой.

Часто мне бывало нелегко удержаться, глядя на то, что творилось на экране, и я отводил взгляд на замок на стене, высящийся за телевизором. Я воображал каждодневную жизнь, которая происходит внутри замка. Я придумывал причины, в силу которых в ландшафте на стене нет ни одного живого существа: ни человека, ни животного, ни птицы.

Ванда просила потушить торшер, чтобы только развратный свет экрана заполнял её широко раскрытые глаза. Но я настаивал на освещении, чтобы видеть мой замок, объясняя своё требование света тем, что я хочу видеть влагалище и анус Ванды, без чего будто бы не получаю удовольствия. Она это, конечно, воспринимала как комплимент и соглашалась свет не тушить.

После ебли она рассказывала мне о своей горести. Обнимала меня и плакала: «Мне так хорошо кончать с тобой, но ведь мы не любим друг друга. А я хочу любить», – говорила она, держа меня за хуй.

Ванда просила, чтобы я повёл её в ресторан или хотя бы в кино, но я отговаривался под разными предлогами, мне было неприятно появляться с ней на людях, и я шутил, говоря

ей, что хочу поскорей увидеть мой замок. Ванда сначала надувала губки, но, когда я прикасался к ней и целовал в шею и ухо, она быстро размякала и с удовольствием направлялась в спальню, позабыв о второстепенных развлечениях.

Все мы чуем, что оргазм – это чудо, и при подступлении к нему, и во мгновения его самого происходят чудеса не только в нас, но и вокруг нас. И со мной оргазм вытворял чудеса, и я имею в виду не визжавшую передо мной в оргазме Ванду, что, в общем-то, тоже одно из чудес, а замок, который заполнял всю стену передо мной.

Когда это случилось впервые, я не поверил своим глазам. Я заметил, что стоит мне углубиться в Ванду, смотрящую телевизор, как замок начинает подсвечиваться. Это было настолько очевидно, что стоило мне в виде эксперимента вытащить член на мгновение, как освещённость замка пропадала. Когда я был у Ванды во влагалище, замок подсвечивался слева, а когда я был у неё в анусе, замок подсвечивался справа. Можно было подумать, что наступает то закат, то восход. Но так как было невозможно определить на изображении, где запад, а где восток, то было непонятно, какой вид совокупления связан с закатом, а какой – с восходом.

По мере нарастания моего наслаждения на дереве перед замком вдруг оказывалась птица, и я никак не мог заметить её прилёта или откуда она появлялась. Всё время её не было, а в какой-то момент она уже была. Точно так же в какое-то мгновение ворота оказывались открытыми настежь. Это поражало меня, и я переводил взгляд на окно в башне замка, и в нём я видел горящую свечу с абсолютно отчётливо колеблющимся язычком.

В самое острое оргазма в окне замка появлялся нежный профиль девушки с локонами и в платье с высоким стоячим воротничком, склоняющейся над свечкой. Она делала губки бантиком и своим божественным выдохом задувала свечу под вопли Ванды. Свет исчезал, и живой замок превращался в рисунок на обоях. В какой-то момент мне показалось даже, что черты девушки напоминают мне черты Ванды, которой удалось сбросить значительную часть своего веса.

И так происходило каждый раз, без всяких изменений, в той же последовательности событий: свет, появление птицы, раскрытые ворота, свеча и девушка, задувающая пламя.

С одной стороны, мне хотелось быстрее кончить, чтобы поскорее увидеть мою красавицу в замке, но, с другой стороны, я хотел, чтобы Ванда ничего не заметила и получила любимое наслаждение. Кроме того, затягивая подступ к оргазму, я увеличивал время, в течение которого мог подробно рассмотреть происходящие изменения, предшествующие появлению девушки в окне.

Мне всегда хотелось выскользнуть из Ванды в момент возникновения девушки и броситься к ней, но девушка появлялась в окне только в то мгновение оргазма, когда никакая сила не может оторвать тебя от женщины, в которой он тебя настиг.

Однажды я подвинул Ванду к краю кровати, поближе к стене, чтобы попытаться лучше разглядеть девушку в замке. Я объяснил Ванде своё желание тем, что будто бы хочу приблизиться к телевизору, чтобы лучше разглядеть происходящее на экране. Однако, оказавшись слишком близко к телевизору, Ванда начала различать горизонтальные полосы, из которых состоит изображение, и иллюзия живых совокупающихся перед ней людей пропала. А я заметил, что при приближении к замку на определённое расстояние движение и свет в замке исчезают, и я начинаю различать просто точки, из которых составлено изображение.

Если у меня взгляд соскальзывал с замка на экран телевизора, чтобы посопереживать с Вандой, то, когда я опять поднимал взгляд к окну, свечи там уже не было, и мне приходилось долго всматриваться в замок, чтобы восстановить то, что свершилось в нём и вокруг него до моего предательства.

Иногда у меня появлялось желание спросить Ванду, видит ли она происходящее в окне замка, но я всегда решал не отрывать её от радостных ощущений, которых ей явно поступало

достаточно от меня и от экрана. Да она и не была тем человеком, с которым я хотел бы поделиться увиденным.

В одну из наших встреч Ванда сказала мне:

– Я решила сломать рутину, которой ты так боишься, и приготовила для тебя сюрприз. Мы только что взяли две кассеты порнофильмов и направлялись к ней в квартиру.

Я вошёл в гостиную и не узнал её – всё сверкало чистотой. Ковёр был настлан новый. Обеденный стол был отполирован, на нём стояла ваза с цветами. Холодильник на кухне, оказывается, был белым, а не жёлтым. Плита была вымыта и выскоблена.

– Пойдём, я тебе покажу спальню, – взяла меня за руку Ванда.

Войдя в спальню, я ужаснулся – мой замок исчез, и на стене сияли новые цветастые обои. Я вырвал свою руку из её пальцев.

– Тебе что, не нравится? – спросила Ванда. – Ты знаешь, я никак не могла отодрать старые обои с замком, помнишь? Пришлось наклеить новые поверх старых.

– Что ж, тогда ещё не всё потеряно, – облегчённо сказал я и обнял Ванду, удивлённо вскинувшему на меня глаза.

Музейные редкости, или несовершенство классификаций

Алику Цирлину

В нашем музее я знаю все картины наизусть. Для провинции он совсем неплох – по одной картине чуть ли не каждого великого художника. Правда, хожу я в музей вовсе не для того, чтобы наслаждаться искусством. Хожу я туда, чтобы отыскать возможность наслаждаться. Но не искусством. Впрочем, то, что я ищу, тоже можно назвать искусством. И даже более высокого класса, чем картины. Однако само наслаждение в стенах музея происходить не может, а может только возникнуть надежда на наслаждение. Вне музея. Короче говоря, я хожу в музей, чтобы знакомиться с бабами. То бишь ищу среди неподвижных произведений искусства произведения искусства самоходные, с пиздой.

Сложность заключается в том, что красивые женщины искусством не интересуются. Им некогда по музеям ходить – их ебут. Ну, а когда они хотят перевести дух, то они, может, и выползут из кровати в музей, но только с ёбарем. Ведь всё, что женщине требуется, – это не искусство, а спокойная жизнь, а для этого ей нужен лишь твёрдый кусок хлеба и не менее твёрдый кусок мяса.

Разумеется, из всякого железного правила бывают цветочные исключения. На них и рассчитываю.

Идя в музей, я устанавливаю себе минимальную норму – познакомиться хотя бы с одной. Это для поддержания охотничьей формы, чтобы не позволять себе расслабиться и уйти ни с чем, чтобы не превратиться в лису с якобы зелёным виноградом. Он и впрямь может оказаться зелёным, и есть я его не стану, но сорвать его я всё равно обязан.

Помимо редких красавиц, появляются в музее и обычные смазливые самочки. Один из критериев смазливой женщины – у неё должна быть хорошая смазка. Но основной контингент любительниц искусства – это бабы без спроса. И без предложения. И даже без предлога. Для какого-либо союза. Ведь женщина – это нечто *«под лежащее»*. Но уйду-ка я в сторону от словоблудия, поближе к сути, подступ к которой упрощается, если посетительниц музея разделить на нижеследующие категории. (О, женщины! О, разные!)

Самая многочисленная категория – это туристки, которым приходится убивать своё время на музеи, иначе они умрут со скуки. Они либо ни за что не хотят любовных приключений, потому что им скоро уезжать и ничего длительного не предвидится. Либо они жаж-

дут любовных приключений, потому что им скоро уезжать и ничего длительного не предвидится.

Другая категория – это недавно переехавшие в наш город на постоянное жительство. Они ещё не успели обзавестись ёбарями и вынуждены как-то убивать свой досуг, иначе тоже умрут со скуки. Это самая вкусная добыча, ибо она жаждет быть пойманной. Такие женщины голодны и горят поскорей заполнить свои разнообразные пустоты мужской плотью.

Некоторые посетительницы оказываются в стайке вокруг экскурсовода. Как заворожённые, они слушают напыщенные и надуманные объяснения поистине очевидного и уходят из музея с уверенностью, что уж теперь-то они стали понимать искусство. К таким хорошо заходить сзади или сбоку и бросать им в ушко глубокомысленные реплики, дополняющие рассказ экскурсовода или не имеющие к нему никакого отношения. В лучшем случае мне удаётся выманить самочку из группы и начать собственную экскурсию по её достопримечательным местам. А в худшем случае я вынужден удовлетворяться хотя бы тем, что мешаю ей слушать чепуху.

Затем, существует категория мнимо одиноких. Ходит себе и ходит девица вдоль и поперёк картин, а я вокруг да около. Ни на кого она взглядов не бросает, и мужиков поблизости не видать. Подхожу к ней и завожу разговор, который происходит в пределах средней оживлённости, и вдруг, как-из под земли, вырастает её хахаль, который, как оказывается, слонялся в другом зале или не вылезал из уборной в течение часа. Приходится как ни в чём не бывало отваливать в противоположном направлении. Такое недоразумение происходило лишь в начале моих охотничьих вылазок. Теперь при подходе к одинокой я начинаю с того, что исключаю мнимость одиночества и спрашиваю нечто вроде: «Каким это образом оказалось, что вы находитесь одна в храме искусства, которое возбуждает такие сильные эмоции, что поделиться ими с кем-нибудь из прихожан этого храма становится необходимым?» Если в ответ на этот вопрос баба шалее и спрашивает: «Чаво?», я быстро адаптирую текст и переспрашиваю: «Вы здесь одна?» На такой вопрос она уже способна дать однозначный ответ, в зависимости от которого события либо начинают развиваться, либо мрут на корню.

Есть категория посетительниц музея под названием «две подружки». Комбинации могут быть следующими: либо обе уродки, что бывает, увы, в большинстве случаев (как говорится, «типичное не то, но с пиздой»), либо одна уродка, а другая смазливая. Но никогда не случается, чтобы обе подружки были хороши собой. Женщины не терпят конкуренции – у них здравствует симбиоз. Дурнушка, с одной стороны, оттеняет привлекательность своей подружки, а с другой стороны, надеется, что и ей благодаря смазливой подружке какой-нибудь мужик перепадёт.

При таких обстоятельствах я начинаю разговор с дурнушкой, которая от счастья сразу начинает течь. Смазливая же недоумевает и раздражается нарушением закона человеческой природы, согласно которому для мужчины-самца привлекательная внешность важнее течки. А я лишь невзначай узнаю имя смазливой и, говоря с дурнушкой, по сути дела, обращаюсь к её подруге. Так жена говорит ребёнку то, что она хочет, чтобы услышал рядом стоящий муж, не желая это говорить мужу прямо. В конце концов я беру телефон у дурнушки и, чтобы смазливая совсем не свихнулась от удивления, в последний момент беру телефон и у неё. Дурнушка чувствует себя победительницей, но звонка моего она не дожждётся – я звоню смазливой, которая не может взять в голову, как это она могла потерпеть поражение от дурнушки и, уязвлённая, вдруг слышит мой звонок. Я объясняю, что не хотел, чтобы дурнушка чувствовала себя таковой, что я не желал сделать ей больно и обращал всё внимание на неё, тогда как в действительности только и мечтал поговорить со смазливой. У той падает камень с сердца, а кроме того, она начинает меня уважать за такую деликатность и благородство и соглашается встретиться со мной, чтобы в конце концов раздвинуть ноги. Впрочем, к сожалению, бывает и другой вариант, нераздвижной.

Следующая категория посетительниц – это студентки художественных колледжей. Они приходят с мольбертами, блокнотами и прочими атрибутами, чтобы скопировать или запечатлеть то, до чего им не дотянуться, на какие бы цыпочки они ни вставали. Часто их волосы покрашены в оранжево-фиолетовые цвета, в ноздре болтается колечко, как металлическая сопля, которую не высморкать. Кожаная одежда на них призывает содрать с них кожу. С этими можно, не церемонясь, говорить об искусстве, предпочтительно об эротическом, и они не возражают совокупиться, поскольку ещё не заиклились на идее замужества, которая фатально поражает женский ум к тридцати годам. Студентки готовы к экспериментам на человеке, что, по исконному смыслу слова «человек», означает «на мужчине». Эта категория прекрасна хотя бы своей юностью. А то познакомишься с женщиной, которой тридцать. Если у неё нет детей, то думаю: что это за баба, у которой не было желаний заиметь ребёнка до стольких лет. Если же у неё есть дети, то думаю: вот наебла детей, а теперь только и думает, как бы их посадить на шею новому мужу. Разрешение этой антиномии и есть обращение к юным девушкам.

Представительницы всех этих категорий испытывают огромное уважение к себе из-за того, что торчат в музее, а не в баре или в дансинге. Искусство, видите ли, их возвышает. Что ж, и я всегда ставлю женщин на пьедестал, но лишь для того, чтобы легче было заглянуть им под юбку.

По четвергам в музей собираются соблазвившиеся бесплатным входом. «Задарма можно даже в музей сходить», – царствует в их головах мысль, маскируясь под непобедимую тягу к искусству. Этот день самый людный, а посему вероятность успешной охоты наибольшая.

У меня есть любимый капкан: картина, у которой все останавливаются. Во-первых, она большая, и пройти мимо неё, не задев взглядом, трудно, а во-вторых, на ней изображены почти голые нимфы, танцующие в лесу вокруг пьяненького Пана, стоящего почти спиной к зрителю, чтобы не было видно эрекции. У этой картины я часто поджидаю добычу. А повадки её мне известны: сначала посетительница некоторое время пялится на картину, и по выражению лица можно понять, что её ум находится в полном смятении. Потом она хватается за соломинку подписи к картине, где, кроме названия и имени художника, даётся краткое пояснение сюжета. По прочтении в глазах зрительницы наступает просветление, которое длится до того момента, пока она не переходит к другой картине, и тогда смятение возвращается. Момент смятения – это самое лучшее время для знакомства: мишень неподвижна, и в неё попадаешь с лёгкостью. Сложнее всего, кстати, знакомиться с девушкой, несущейся на роликовых коньках, с ушами, заткнутыми вопящими наушниками, в тёмных очках, у которой в руках – гантели, в пизде – тампон, а в жопе – кусок твёрдого говна, как пробка, и нос заткнут дезодорантом, в то время как ты скромно вышагиваешь в босоножках.

А в музее – просто: стоит девица, ударенная пыльным мешком искусства по незатвердевшему темечку, я подхожу и возвращаю ей сознание и покой с помощью изложения сюжета.

(Увы, закон природы: прежде чем добраться до пизды, приходится попиздеть.) Баба поражается не только моей эрудиции, но и тактично выбранному времени её использования, и дальше продолжение разговора осуществляется без всякого напряжения или сопротивления. Ведь недаром символом женской красоты является Венера Милосская, именно она воплощает мечту мужчины – красивая женщина без рук, то есть красивая женщина, которая не может сопротивляться.

Есть посетительницы, которые останавливаются у каждой картины, а есть такие, которые несутся по залу и замирают у того или иного произведения искусства без всякой на то причины. Но причина всё же находится: женщина останавливается на время, достаточное, чтобы я мог её зафиксировать взглядом, и затем снова бежит. Она бежит, чтобы проверить,

каков охотник этот посягающий мужчина. Если он её словит, значит, хороший охотник и сможет добывать пропитание будущей семье. А если не словит, то он ей тогда и не нужен. В результате моих посягательств бабы либо давали свой телефон, либо не давали. То есть женская схема «дала – не дала» просматривалась и здесь.

И вот однажды я наткнулся на вариант «не дала», но с вывертом, разрушившим всю мою классификацию. Посетительница была поистине музейной редкостью: красивая, одинокая, останавливающаяся у каждой картины, лет двадцати восьми с половиной. На пиджачке её был прикреплен значок в виде дорожного запрещающего знака – на нём была перечёркнута красной линией проволочная вешалка. Я узнал эмблему борцов за легальные аборты. Наверно, эта баба в качестве протеста все проволочные вешалки у себя из шкафов выбросила и держит только деревянные. Интересно, сколько у неё было аборт? Но спросил я её о другом – как ей понравилась картина, от которой она только что отошла. Женщина никак не отреагировала на мой вопрос и подошла к следующей картине, так и не насмотревшись на предыдущую. Я подумал, что, быть может, женщина глуховата.

Я последовал за тугоухой и, настигнув её в состоянии созерцания моих любимых танцующих нимф, полюбопытствовал:

– Как вы думаете, что за название у этой пляски? Нет, это должен быть танец, ибо если пляска, то обязательно смерти, а если танец, то непременно любви.

– Что вы имеете в виду? – недовольно спросила женщина.

– Что имею, то и введу, – пояснил я.

– Оставьте меня в покое, сказала женщина резко.

– В больничном покое, и то я бы вас не оставил, – ответил я с неожиданной преданностью, осознав, что баба не глуха, а глупа.

Женщина посмотрела на меня с ужасом и, похерив искусство, быстро зашагала к указателю «Выход». Как мне она напомнила женщину в любви: одна нога здесь, другая там!

Я ухмыльнулся и в какой уж раз стал разглядывать гололяжных нимф и парнокопытного Пана. В детстве, попадая в музеи, я всегда удивлялся, как это в картинах и скульптурах кусочки материи всегда умудряются невзначай укрыть самые ненаглядные места у женщин. Я уже в детстве чувствовал, что нагота первична, а материя вторична. У мужчин кое-где бывал виден сморщенный кончик, но у женщин всё всегда было шито-крыто. По своей наивности я был уверен, что это роковое совпадение: художник начинает рисовать натурщицу именно в тот момент, когда какая-то тряпка упадёт женщине на лобок. Мне тогда и в голову не приходило, что в искусстве устроен заговор против моего и всенародного сексуального любопытства. Мои умиленные воспоминания о детстве были прерваны грубой действительностью.

– Вы это что себе позволяете? – услышал я грозный голос. Ко мне приближалась в такой же степени низкорослая, в какой и толстая, служительница музея.

– Что позволено, то и позволяю, – логично ответил я. – Изложите свои претензии.

– Как вы смеете приставать к посетителям музея?! На вас жалуются, что вы делаете сексуальные поползновения. Сейчас же уходите из музея! – изложила претензию, а заодно и требование, служительница и взяла меня за локоть.

У меня возникло острое желание не только высвободить локоть, но и заехать им ей в лицо, чтобы расшевелить черты, застывшие в благопристойной ярости. Но так уж устроено человеческое общество, что чуть ты исполнишь своё желание до конца, как ты становишься преступником. Посему я только высвободил локоть и вежливо попросил:

– Пожалуйста, не прикасайтесь ко мне. Нет такого мужчины, которому бы ваши прикосновения оказались приятны.

В заплывших жиром глазках охранницы отразились боль и ненависть от моего точного попадания в цель.

– Если вы сейчас же не покинете музей, я вызову полицию! – выкрикнула она, близясь к истерике.

Я понял, что в музее она имеет неоспоримое территориальное преимущество, и решил ретироваться.

– Хорошо, я уйду, – сказал я, – только, прошу вас, не смотрите мне в зад, это неприлично.

Во рту охранницы нравственности закипела пена, а я повернулся и ушёл, не желая быть свидетелем очередного несчастного женского случая.

На улице у выхода из музея стояла группа женщин. Среди них горячо жестикулировала и пламенно вещала жалобщица с перечёркнутой вешалкой. Заметив меня, она умолкла, и все женщины повернулись в мою сторону. Через секунду они бросились ко мне, и я даже не успел оглянуться на спасительные двери музея, как был окружён женщинами. Я узнал в них представительниц всех категорий, с которыми я знакомился: там была и мнимо одинокая, и две подружки – уродливая и смазливая, и туристка, и недавно переехавшая в наш город, и фиолетовая студентка с колечком в носу. Они взялись за руки и, высоко подбрасывая ноги, стали танцевать вокруг меня. У тех, на которых были надеты платья и юбки, не оказалось трусиков, а у тех, на которых были джинсы и брюки, швы между ног были распороты. Я почувствовал себя Наном, вокруг которого носятся нимфы с хищными намерениями. У каждой в руках появилась проволочная вешалка. Чтобы как-то их отвлечь, я стал сбрасывать с себя одежду. Нимфы хватали её и одевали на вешалки, не прекращая танца. И, когда больше не осталось что с себя снимать, я разорвал их порочный круг и побежал по улице. И никто не обращал внимания ни на стук моих копыт, ни на торчащий хуй.

...и от бабушки ушёл

«Боже, напугай нас, но не карай», – просила моя бабушка. Но он всё-таки покарал, и жестоко: сначала на её руках, в жуткой боли умер дедушка, а потом умерла она сама, в мучениях от рака после курса советского облучения, которое жгло здоровые ткани больше, чем раковые.

Преступником был её сын-врач. Именно преступником, потому что он был врачом. Когда у бабушки появилась кровь, была весна. Она послушалась совета сына, который сказал, что пусть она едет на дачу, а осенью пойдёт к врачу, если не пройдёт. За лето опухоль из яичников распространилась в печень.

Я с бабушкой жил в одной комнате, и её решили поместить в больницу, потому что она уже не поднималась с постели. Все убеждали себя, что в больнице будут за бабушкой лучше ухаживать. В действительности ухода никакого не было, в палате была куча безнадежных больных, и мы, члены семьи, попеременно дежурили у постели, видя, как с каждым днём бабушка уходит от нас всё дальше.

Я был рад, когда бабушку забрали в больницу, и признался себе в этой радости. Угрызения приподнялись во мне, но тут же я сказал себе: «Всё равно помочь ей не можем, так пусть мне, ещё здоровому, не мешает». Я прямо смотрел в глаза своей жестокой рассудочности.

Вскоре настала моя очередь дежурить у её постели. Я должен был сидеть с ней с восьми до одиннадцати вечера, а потом меня сменяла мама. Мама убивалась и не могла сдерживать слёз, а я, бесслёзный, чувствовал себя постыдно холодным.

В палате тётя Бася со вздохом уступила мне место и ушла, стараясь не разбудить бабушку. Я сел на стул рядом с кроватью и раскрыл книгу. Я взял с собой Эдгара По, чтобы читать, пока бабушка спит. Она всё время дремала от наркотиков – единственного лекарства, которое ей теперь давали. Лечение заключалось в ожидании смерти. Бабушка страшно похудела и лишь отдалённо напоминала мне бабушку моего детства. Плоть уменьшилась,

упрощая выход для души. Я подумал, что даже не знаю, сколько ей лет. Дедушка и бабушка изменили даты своего рождения в паспортах в период НЭПа, чтобы раньше выйти на пенсию. Постепенно они и все члены семьи забыли истинные дни рождения и никогда их не справляли, а паспортные данные не принимались всерьёз.

Бабушка приходила в себя от позыва к рвоте, я приподнимал её голову за затылок, горячий и мягкий от сбившихся седых волос, и подставлял банку, в которую её вырывало коричневой жидкостью. Потом она делала знак, что хочет пить, и я давал ей прикоснуться губами к стакану с минеральной водой. Она с трудом делала глоток. Я аккуратно клал её голову на подушку и опять брался за Эдгара По. Я посматривал на себя со стороны и думал: неужели я такой бесчувственный, что могу вот так читать у постели умирающей бабушки? Значит ли, что мои чувства мертвы, раз у меня хватает концентрации на чтение? «*Nevermore*» в «Вороне» звучало для меня особо трагично и значимо.

Но жизнь во мне не могла быть угнетена смертью – я договорился с любовницей провести у неё ночь после дежурства. Я сидел и думал, есть ли в этом преступление, подобное дядиному, который был так увлечён своими внебрачными связями, что не позаботился о бабушке. «Нет, – говорил я себе, – я ничего не делаю ей в ущерб. Если мама по какой-либо причине не сможет меня сменить, я даже готов отменить моё свидание. “Даже”, – иронизировал я над собой, – тоже мне, великая жертва. Ну, а что ещё я могу сделать?» Так, разговаривая с собой, я успокаивал свою совесть.

Я вспомнил, как, читая мне сказку «Колобок», бабушка ревниво пропускала строчки, где колобок говорит, что он и от дедушки ушёл, и от бабушки ушёл.

Я опять заметил бабушкин позыв и, отложив книгу, подставил к её рту баночку. Губы у бабушки были в ранках, неживые. Она со стоном вытолкнула из себя жидкость. Я вытер ей губы платком и дал попить. Вдруг она раскрыла глаза, посмотрела на меня и узнала. «Ангел ты мой», – сказала она внятно, с проникновенной благодарностью и снова закрыла глаза, уйдя в свой исчезающий мир. Так она звала меня с детства, когда была довольна моим поведением. Мне пришлось заплакать, потому что я уже не мог братья за книгу. Ведь бабушка уносила с собой моё детство, и мне было больно.

В палате стонали и шевелились больные, с некоторыми из них тоже сидели родственники, пытаясь задержать своё уходящее прошлое.

– Ну, как бабушка? – услышал я над собой голос мамы. Моё время истекло.

– Так же, – сказал я.

– Ты идёшь домой?

– Нет, я буду у Веты, приду утром.

– Только, пожалуйста, будь осторожным, – сказала мама голосом молодой бабушки.

Я шёл пешком по тёплой ночной улице. Я чувствовал себя счастливым, потому что я был здоров и потому что меня ждала любимая женщина. Вета приготовила сосиски с картошкой и поставила на стол водку. Мы выпили и воспылали. Когда мы слегка прибили пламя, она сказала, глядя на меня глазами, которые напоминали маслины:

– Ты знаешь, у меня задержка.

У неё потекли слёзы, и я их слизал. Да, я оказался неосторожным. Я вспомнил, как дедушка и бабушка привезли с Кавказа маслины, которые я раньше никогда не видел. Я взял их из тарелки, приняв за вишни. Жадно запихав в рот, я тотчас выплюнул, ошарашенный их неожиданной солёностью.

Вета решила подождать ещё неделю, прежде чем волноваться, но волнения всё равно начались.

Когда я пришёл утром домой, раздался звонок. Мама схватила трубку, будто ждала, и по её возгласу и по рыданиям я понял, что бабушка умерла.

«Ну, вот и хорошо, – подумал я с облегчением, – кончились мучения». Я имел в виду нас, живых, но потом спохватился, что это прежде всего относится к бабушке.

На кладбище, когда зарыли могилу, все направились по тропинке к дорожке на выход. Мама держала меня под руку, крепко вцепившись пальцами, в шоке от происшедшего.

– Как она страдала, – ужасалась мама, – а я сидела у её кровати и думала: «Мамочка, тебе же умирать пора».

И мама терзалась кошунством и в то же время закономерностью такой мысли в себе, и всхлипывала, и я ей что-то говорил и гладил её руку.

Тётя Бася суетилась вокруг нас и нелепыми словами пыталась утешить маму, забегая то с одной стороны, то с другой. Когда мы переходили по мосткам, перекинутым через канаву с грязной водой, что отделяет могилы от дорожки, тётя Бася споткнулась и свалилась в канаву. Грязь облепила ей платье и ошарашенное лицо. Сдержаться оказалось невозможно – все вокруг и мы с мамой рассмеялись. Но вообще-то мне было не до смеха. Мне ещё предстояло уговорить Бету сделать аборт.

Живые воспоминания о золотом веке

Мне позвонила бывшая любовница Барби, с которой я не виделся лет девять. Я знал, что она вышла замуж и родила четверых детей – то есть свершила свою мечту, к которой я тогда не пожелал иметь никакого отношения. Стоял золотой век секса, до эры СПИДа.

Барби обожала такое количество мужчин, чтобы все её полости переливались спермой через края. Она делала минет, как ни одна другая женщина, самозабвенно, зная самые чувствительные точки и точно угадывая силу, с которой нужно сжимать губами член и прижимать к нему язык. Отправляясь на оргию, она брала с собой крем и смазывала им губы, которые, не будь этого крема, натирались бы от её усердной работы.

– Барби прекрасно сосёт, – делились со мной только что извергнувшиеся в её рот мужчины, и Барби, слыша этот комплимент, радостно ускоряла движения головы на очередном счастливец.

Сама она кончала только от клитора, который надо было долго лизать, либо она нетерпеливо тормозила его пальцем. Вибратором она не пользовалась – презирала его за бездушность. Барби меня любила потому, что я был достаточно настойчив, чтобы долизать ей клитор до оргазма, и за это она благодарила меня готовностью ко всему, что я ни предложу.

Других женщин Барби холодно терпела, воспринимая их как неизбежных конкуренток, но жаждала вобрать все члены в себя. Это вам не мужчина, что говорит: «Люблю групповой секс, сачкануть можно, и никто не заметит». Нет, Барби любила без усталости. Уставали мужчины.

И вот она звонит и рассказывает, как часто вспоминала обо мне, как наконец её муж созрел и хочет посмотреть, как её будет ебать другой мужчина. Кроме того, Барби уже доросла до желания женщин и хочет сама посмотреть, как её муж будет обхаживать другую у неё на глазах. Несколько лет у них заняло, чтобы прийти к такому знаменательному состоянию, и начать решили с меня, поскольку я – человек проверенный. Есть ли у меня женщина, которая хотела бы присоединиться? Я сказал, что есть, но что она невинная в этом вопросе, и прежде, чем брать её с собой, я бы хотел встретиться с ними один и посмотреть на Барбиного мужа в деле. Да и на саму Барби – что с ней стало. Но последнее я не сказал. Она начала переговариваться с мужем, плохо прикрыв трубку, и я слышал его вялое согласие. Мы договорились встретиться в мотеле в субботу днём.

Вечером я должен был общаться с Дженни, своей постоянной возлюбленной. В наших трепетных разговорах о возможной встрече с другой парой её не тревожило совокупление с другим мужчиной – их у неё было достаточно, чтобы принять ещё одного без всякого страха

или колебаний. Больше всего Дженни опасалась, что я буду полностью увлечён другой женщиной и не смогу в процессе уделять ей хотя бы часть себя. То есть, переводя это на язык традиционной нравственности, женщина, казалось бы, должна была больше всего быть смущена другим мужчиной, проникающим в неё, – ан нет, ебите сколько хотите, только пусть мой любовник будет тоже весь моим и не лишит меня своего внимания. Это типичное безнравственное и эгоистическое поведение данного сорта женщин. Нравственное же поведение должно состоять в радости, что твой возлюбленный получает удовольствие, и пусть не с тобой, но ведь тебе выпало счастье наблюдать за его наслаждением и даже содействовать ему. А о твоём наслаждении он ведь тоже не забыл – предоставил тебе мужчину и сам время от времени отрывается от чужой женщины и помогает наслаждаться тебе. Так, во всяком случае, рассуждаю я – образец нравственного сексуального поведения.

Накануне нашей встречи Барби позвонила мне днём и сказала, что муж на работе, она заперлась в спальне от ломящихся в дверь детей и мастурбирует пальцем, вставя искусственный член во влагалище. Она стала выть в трубку и стонать, а я чувствовал себя обязанным рассказывать ей про то, как бы я её ёб, будь я рядом с ней. Ситуация была обратная той, в которой обыкновенно находится мужчина, дрячущий, и женщина, слов о блудящая за деньги. Барби долго не могла кончить, а мне уже надоело, поскольку разговоры на расстоянии меня не возбуждают, а раздражают. Наконец она взвыла ещё громче, что ознаменовало её оргазм.

Придя в себя, она стала рассказывать, что за девять лет замужества у неё не было ни одного любовника, что муж у неё хороший, но я, мол, лучше, что после второго ребёнка она совершенно было потеряла интерес к сексу и не подпускала к себе мужа, но потом свершилось второе пришествие, приостановленное рождением третьего ребёнка, который вышел умственно отсталым. Четвёртый ребёнок опять получился нормальным, и на этом она перевязала себе трубы. Процесс размножения был застопорен навсегда, и половая жизнь теперь представляла из себя сплошное наслаждение.

Слушая её болтовню про деторождения, я вспомнил, как на одной из давних оргий я увидел, что незнакомка, в вечернем платье и туфлях на высоких каблуках, сидела на диване посреди тел, расположившихся на полу, и наблюдала за ними, отгоняя от себя голых мужчин. Она была красива, нежна и иронична. Я подсел к ней, голый, на диван и уговаривал. Быть может, она боится забеременеть, поинтересовался я. Она ответила, что у неё перевязаны трубы, но она не может участвовать в оргии с незнакомыми людьми, а в этой компании она впервые. Поодаль слонялись мужчины и ждали, когда я от неё отойду, чтобы подойти к ней и попытаться счастья. Муж её, холёный и тоже вполне одетый, разговаривал на просторной кухне с женщинами, которые приходили туда перекусить после очередного совокупления. Вполне одетые муж и жена ушли. Мы с ней встретились через несколько дней и поехали в гостиницу. В одной не оказалось свободных номеров, и она предложила перенести свидание на другой день, но я знал, как опасно откладывать любовные свидания, и уговорил её поехать в другую гостиницу. Там свободные номера были, она позвонила мужу из холла, сказала, что задержится, и в голосе её звучала искренняя нежность и забота о нём. Она была без приторности ласкова и всхлипывала, подходя к оргазму. Мне хотелось как-то отметить её нежность, и я не нашёл ничего лучше, чем сказать: «Ты была бы очень нежной матерью». И тут же мы оба смутились, будто я сказал что-то неприличное и бестактное.

А с Барби наши встречи всегда начинались с того, что я заезжал за ней на машине, и, пока мы ехали ко мне домой или на вечеринку, она без моих просьб или напоминаний приветствовала меня и одновременно разогревалась сама, расстёгивая мне ширинку и приникая пламенным ртом к уже привычно стоящему члену. Её курчавая голова напоминала круглый лобок, под которым открывалась пизда рта.

Есть основное правило безопасности управления машиной, когда тебе делают минет. Никогда не закрывай глаза, даже во время оргазма. И не смотри на свою даму – не своди глаз

с дороги! А вот если чихаешь, то уж тут, как ни стараешься, обязательно глаза на мгновение закроются. Чих – это оргазм в лице, и глаза выходят из повиновения.

Как-то во время минета мне пришлось резко затормозить, но Барби, будучи уверенной в моём бодрствующем внимании при наслаждении, не прервалась, не подняла голову посмотреть, что произошло, а продолжала сосать, как ни в чём не бывало. Я же тем временем пальцем залезал ей в анус, потому что до влагилица было не дотянуться – она была высокой, да и в этом была своя прелесть.

Барби и её муж, Джим, должны были поджидать меня у мотеля в своей машине. Проезжая мимо, я узнал расширившееся лицо Барби. Она тоже узнала меня, помахала рукой, и я проехал на стоянку мотеля, где зарезервировал комнату. Они поехали за мной и остановились рядом. Я вышел из машины, и они вышли из своей. Тут только я увидел, как Барби растолстела. Муж её тоже был не тонок, лет тридцати пяти, с редкими усиками и вялым безэмоциональным выражением лица.

Я хотел пожать ему руку, но он руки не подал, так как вчера якобы повредил кисть – её ему чуть не отхватил станок, на котором он трудился. «Что ж, – подумал я, – если в нём вдруг разыграется яростная ревность, что бывает с мужьями после того, как их желание удовлетворено, то драться с ним будет легко».

Со мной уже был подобный случай. Я познакомился с супругом, у которого был десятилетний семейный стаж. Этот супруг, по имени Фред, повадился общаться со мной. Ходили в бар, разговаривали, он смотрел, как я женщин цеплял. Книжки давал я ему читать про секс, научные и художественные. Он всё скучал, что жене был верен, и вспоминал свою разухабистую жизнь до женитьбы. Теперь вот ребёнок, обязательства, ответственность. Но хочется попробовать. Я рассказывал ему про оргии, что мы посещали с Барби, и глаза его наливались не кровью, а спермой. А я дразнил, поясняя, что оргия даёт то, что принципиально невозможно в моногамной жизни, а именно: постоянную новизну партнёров, наблюдение за живой еблей, к которой в любой момент можно самому присоединиться, и одновременную, а не последовательную стимуляцию нескольких эрогенных зон.

– А Барби твоя красивая? – интересуется Фред. Я ему показываю фотографии голой Барби, которые я отснял впрок, а он в ответ показывает фотографию одетой жены, которую он благоверно носит в бумажнике. Пока Фред ебёт глазами фото Барби, я рассказываю ему, что на оргиях, как и вне их, встречаются три типа ограниченных женщин, в зависимости от того, какое своё отверстие они решают связывать с любовью. Первые могут безразлично давать ебать в пизду, но для орального или анального секса им нужно к мужчине испытывать какие-то чувства. Другие могут отсасывать любому, не задумываясь, но всё остальное – лишь по любви. Ну а третьи радостно дают в жопу, но в рот – ни за что, а в пизду – со множественностью предосторожностей. К счастью, на оргиях появляются и «неограниченные» женщины, и таковой имеет быть моя Барби.

Тут Фред трепетно заявил, что хочет, чтобы он с женой и я с Барби занялись совместным счастьем.

– А жена твоя согласна? – спрашиваю.

Он кивает головой. Ну, мы назначили день, когда я и Барби к ним явимся. Наступает время встречи. За два часа до выхода мне звонит Барби и заявляет, что не может сегодня пойти со мной, потому что её мать попала в больницу и Барби нужно сидеть с ней. Я звоню Фреду и говорю, что встречу придётся перенести. Голос его смертельно разочарован, и мы прощаемся. Через две минуты он звонит и говорит:

– Я тут с Джейн посоветовался, приходи один.

– Прекрасно, – говорю, – чем могу помогу.

Приезжаю. Жена открывает дверь в нижнем белье с кружевами, простенькая такая, но милая, покрасневшая от стыда, явно подталкиваемая мужем, но не оказывающая серьёзного сопротивления. За ней виднеется Фред, вполне одетый. Если бы я пришёл с Барби, то и он бы, наверно, встречал нас в трусиках. Ребёнка они отвезли к бабушке. Готовы.

Проходим в спальню, а я, на всякий случай, говорю:

– Джейн, ты прекрасна, и насладиться тобой, да ещё в присутствии мужа великая для меня радость и честь. Но, ребята, вы должны представлять себе, что ваш брак уже никогда не будет прежним, если мы перейдём этот рубикон. Вы к этому готовы?

– Готовы, готовы, – нетерпеливо сказал Фред, стягивая брюки, а Джейн ничего не ответила и лишь грустно, но кокетливо посмотрела на меня.

Я быстро разделся догола, и Фред наконец снял с себя трусики, в которых он сидел посреди кровати.

– Ну, а тебя, что, упрашивать надо? – грубо сказал он жене, смущённо стоящей у края кровати.

Я подошёл к ней сзади и, прижимаясь членом к шёлку её трусиков, расстегнул лифчик и взял в руки драгоценность груди. Я чувствовал, что Джейн не отстраняется от меня, а выпячивает попку. Я взглянул на Фреда, в его глазах была злая похоть. Я предлагал Фреду присоединиться, но он предпочитал наблюдать за мной, убажывая Джейн, стоящую на карачках. Однако Джейн, видя его напряжение, сама на четвереньках подошла к нему, так что и я должен был передвигаться за ней на коленях, и взяла в рот супружний член. Фред быстро кончил и продолжал наблюдать за нами, а Джейн не выпускала его обмякший член изо рта и всё сильнее отзывалась на мои движения. Я кончил. И Джейн легла усталая, отвернувшись от бёдер мужа.

– Я видел, что ты кончила, – ехидно сказал Фред и, обращаясь ко мне, пояснил, – она всегда стонет, когда кончает, а тут сдерживалась, застенялась, но я-то уж её знаю.

Я рассказал им историю, как я с Барби пришёл к супружеской паре домой. Их дети ещё не спали, и нам нужно было сидеть в гостиной и вести дурацкие разговоры, пока не наступит время идти в постель. Родители не хотели, чтобы дети слышали или видели, что в спальне папы и мамы находятся чужие дядя и тётя. Когда дети наконец уснули и мы заперлись в спальне, мама так громко стонала, что разбудила детей. «Она всегда так», – недовольно сказал муж.

Джейн хихикнула, а Фред криво усмехнулся.

Я возвращался домой пешком, и у меня было ощущение, будто я возвращался с оргии с большим количеством участников, а выражалось это в том, что я с трудом сдерживал порыв схватить каждую смазливую проходящую мимо женщину за зад или за грудь. Я спохватывался и одёргивал себя – она возмутится, закричит, станет звать на помощь. Я ведь уже в другом мире – пристойном.

На следующий день мне позвонила Джейн и, плача, стала рассказывать, что Фред после моего ухода обозвал её блядью, дал ей пощёчину и ушёл из дома, сказав, что больше с ней жить не будет. Я попытался её утешить, но с тех пор ни Фред, ни Джейн мне не звонили, а когда я позвонил им через месяц, мне сказали, что они съехали с квартиры. Вот такая семейная драма. Но на этот раз я решил не заниматься благородными предупреждениями, а пустил всё на самотёк.

Мы пришли в номер. Джим сел в кресло. Барби села на кровать, а я – на стул. Завели разговор, я толкал их на изливание души в форме фантазий, что же они хотят предпринять с точки зрения ебли. Барби ничего не могла сказать красноречивее, чем пожелать, чтобы мы ебли её как можно дольше. Она сказала, что тосковала по моему рычанию, когда я кон-

чаю, потому что муж её кончает беззвучно. Муж так же беззвучно воспринял это откровение жены.

Мы разделись, и Барби присосалась к моему хую, а голый муж наблюдал со стороны, не сходя с кресла. Я радовался её горячему языку и рту и старался не смотреть на мужа, чтобы не смущать его. Потом я отстранился, чтобы не кончить слишком быстро, и тоже лизал выросший за девять лет клитор, наблюдая за изменениями её лица. Но когда Барби приближалась к оргазму, её разросшийся живот так надувался, что заслонял лицо, и я только слышал стоны. Ей было не кончить – видно, стеснялась мужа. Мне вскоре надоело, и я отстранился – пусть муж заботится. Он наконец отклеился от своего кресла и взгромоздился на супругу по-христиански, то бишь по-миссионерски.

Я, наблюдая за ними, думал: какая наглость и лицемерие называть в христианском обществе позицию совокупления мужчины на женщине «миссионерской». Такое название вводит в заблуждение, будто эта позиция не существовала до христианства, что якобы изобрели её миссионеры. Но ведь именно христианство попраало секс и изничтожило человека за его, придуманную человеком же, греховность, а в то же время получается, что христианство милостиво открыло людям способ совокупления, ставший наиболее популярным. А этот способ существовал тысячелетия. И уж кому-кому, но не христианам, гонителям соития, прилаживать к нему своё имя. Такое же лицемерие и подлость, как когда КГБ поручают ликвидацию политических лагерей. Миссионерской такую позицию можно было бы назвать потому, что женщина становится наиболее беспомощна – на спине и с раздвинутыми ногами, ибо, если она на четвереньках, она может ползти в процессе совокупления, читать или заниматься мойкой полов.

Потом Барби стала на четвереньки, муж лёг под неё в «69», а я зашёл к ней сзади. Так и кончил. А муж кончил ей в рот.

Наступил законный отдых. Барби села, и у неё выскочила семенная отрыжка. Она хихикнула и извинилась. Хорошо, что она не на диете, а то были бабы, что сплёвывали сперму, не желая проглатывать лишние триста калорий. Или явилась однажды на оргию еврейка сосучая, которая не глотала, потому что был канун Пурима, во время которого надо поститься. Но кончая, она святотатственно восклицала: «О, Jesus!»

Я вспомнил, как Барби на оргиях каждому мужчине делала комплимент, что его семя самое вкусное из всех, что ей довелось пробовать. И каждый ей верил и гордо задирает голову.

– И чего ты говорила, что он лизал тебя лучше всех, а сама ведь не кончила, – сказал Джим, усомнившись в моих способностях.

– Я просто ещё не хотела кончать, я хочу сильнее возбудиться, а потом с тобой кончить, – сказала Барби утешительно и для меня, и для мужа.

Барби попросила, чтобы мы одновременно вошли в неё с двух сторон. У мужа был толстый член, и ей было больно принимать его в зад, так что она решила воспользоваться моим, потоньше. Джим лёг на спину, а Барби села на него верхом, я пристроился сзади.

– Только ты медленно вводи, – предупредил Джим снизу.

Заботливый был этот муж.

Барби помогала себе пальцем, а я стал считать про себя, прибавляя по тринадцати. Я нарочно считал не «один, два, три» и так далее и не прибавлением круглых цифр, вроде пяти или десяти – я хотел сильнее отвлечься на счёт, чтобы не кончить слишком быстро. Когда я дошёл до 1053, я услышал знакомые с давних времён возгласы Барби и кончил вместе с ней. И Джим был тут как тут. Хорошо получилось.

У Барби сфинктер был свежим, без геморроя и сильно сжимался. Я припомнил, как на одной из оргий я вошёл в комнату и увидел женщину на четвереньках, сосущую мужчину. Из ануса у неё торчал геморроидальный желвак, и мне захотелось именно туда. Я смочил член

и осторожно вставил так, чтобы не впихнуть желвак в анус, а оставить его снаружи. Когда я погрузился, женщина обернулась ко мне, сказала: «Good job!» и вернулась к «прерванному» члену.

Отдышавшись, Барби стала вслух мечтать о пизде, куда бы ей хотелось зарыться лицом. А ведь я помнил времена, когда она с таким отвращением шарахалась от лесбиянки, которая стояла у двери в дом, где проходила оргия под девизом «Мы с вами где-то случались», и приставала ко всем входящим женщинам, зазывая их с собой в отдельную комнату.

Джим предложил Барби пригласить какую-то женщину, видно, не в первый раз. Он назвал её имя, а я, естественно, не зная, кто это, переспросил. И он ответил, глядя на Барби:

– Это моя первая жена. Барби не может мне простить до сих пор, что я трахнул её разок, когда пришёл поведать моих дочерей.

– Ты у меня не просил прощения за это, – сказала Барби задето.

– Просил, и не раз, – спокойно возразил муж.

Барби посмотрела ему в глаза долгим выразительным взглядом, в котором было столько семейной истории, давних разговоров и стычек, раздоров и примирений.

– Врёшь, никогда ты у меня по-настоящему прощения не просил.

– Ну, вот, я прошу сейчас, – сказал Джим вяло.

– Это ты так, чтобы от меня отвязаться.

– Ты что, хочешь, чтобы я перед тобой на колени встал?

– Нет, просто мне нужно искреннее раскаяние.

– Раскаяние в чём? Что я переспал разок с матерью моих детей?

– Вот видишь?! Значит, если представится возможность, ты с ней опять ебаться будешь?

– Ты же ебёшься с ним, – и Джим ткнул пальцем в меня.

– Да, но при тебе и с твоего согласия.

Я пошёл в душ, оставив супругов препираться. Когда я вышел, они уже были одеты, но продолжали свой разговор. Я попрощался и поехал к своей постоянной любовнице.

Я был рад, что не взял её с собой. Не много удовольствий она получила бы от этой парочки. Да и золотой век уже закончился.

Захоронение

Мы ждали этой поездки на курорт, будто она могла спасти наши отношения. Фраза «последнее средство» по-английски получается каламбуром *last resort*, означающим также «последний курорт».

«Три дня вместе!» – с жарким предвосхищением и с тайным опасением восклицали мы. Два дня до сих пор были максимальным сроком, который мы проводили вместе, но совместные поездки в близлежащие городки неизменно освежали наши чувства, хотя к концу мы всегда расставались с облегчением и без сожалений.

Мы встречались три раза в неделю: во вторник, в пятницу и в субботу. В субботу я оставался на ночь. Утром мы вдохновлялись последним за неделю оргазмом и ехали в кафе завтракать. Потом я сбрасывал её у дома и с лёгким сердцем уезжал. До следующего вторника.

Мы познакомились три года назад. Я гулял вокруг озера в поисках женщин. На берегу, на летней сцене, ежевечерне проходили концерты. Там скоплялось огромное количество людей, в том числе много одиноких женщин, набегавшихся, находившихся или накатавшихся на велосипедах или роликовых коньках и решивших отдохнуть, слушая музыку. В тот

вечер самодеятельный оркестр играл Сметану, и корявая женщина-дирижёр, не ведающая об эlegantности движений, пыталась заставить оркестр играть дружно.

Начать разговор с привлекательной слушательницей было просто: «Знаете, что означает Сметана на английском? – *Cream*», да ещё вспомнить, что русское слово «сметана» выведено английскими буквами на баночках с кошерной сметаной. А после этого до телефона женщины – рукой подать.

И вот я увидел золотоволосую юную женщину, сидящую на траве рядом со своим велосипедом, бессильно лежащим плашмя. Я замечал её и раньше, проезжающую по велосипедной дорожке, когда гулял вокруг озера. Это был не мой тип, но всё-таки что-то зазывающее было в её лице: маленький прямой нос, полные губы красивых очертаний, небольшие ярко-голубые глаза, тяжеловатый подбородок, но не настолько тяжёлый, чтобы указывать на неправильный прикус. У неё была весомая грудь и крупные бёдра славных пропорций. К тому же она почувствовала мой взгляд и смело посмотрела на меня, без кокетства, серьёзно, принимая мой интерес. В её взгляде не было ни деланного возмущения, ни удивления, а лишь покой само собой разумеющегося. Я обошёл её сзади и подошёл с другого бока, где освободилось место от велосипедиста, слушавшего музыку и пресытившегося ею. Женщина повернула голову в мою сторону и взглянула на меня опять. Это уничтожило мои последние сомнения. Я опустился на землю рядом с нею, но не стал говорить «сметанную» дрянь, а сказал:

– Я хотел бы слушать музыку рядом с вами.

– Хорошо, – сказала она просто, по-прежнему без улыбки, прямо смотря мне в глаза, будто и ожидала этого от меня.

– Я видел вас несколько раз, несущуюся на велосипеде, но так как я был пешком, то мне было за вами не угнаться, и поэтому я только провожал вас глазами. Так что теперь я не мог позволить себе не подойти к вам.

Пара слушателей, лежащая на траве впереди нас, повернула на мою речь головы, удостоверялась, кто это пытается спариться, и снова обратила свои очи к сцене.

– А вы не катаетесь на велосипеде? – спросила Лори.

– Нет, я предпочитаю ходить. Велосипед обрекает на одиночество, если он не тандем.

От неё легко пахло потом, и мне хотелось вылизать её. Наш разговор свободно заструился. Когда мы умолкали и слушали музыку, молчание было лишь счастливым перевариванием удавшегося этапа разговора.

Лори заканчивала художественный колледж – победный результат долгой борьбы с собой и вражеским окружением общества. Она заговорила о своей сестре, которая мечтала стать врачом, но которая вышла замуж за мормона и рождает ребёнка за ребёнком, число которых уже пять, и с каждым ребёнком её мечта становится всё более неосуществимой. Муж сестры честно признаётся, что у него никогда не было никаких честолюбивых желаний, что единственное, к чему он стремился, – это иметь жену, детей, зарабатывать на хлеб насущный и наслаждаться выходными и отпусками.

Ни Лори, ни я не разделяли такой приземлённой точки зрения. Во всяком случае, вслух.

Я был несколько удивлён, что она при первом знакомстве сообщает мне такие семейные подробности, но я радостно объяснял это тем, что она таким образом отдаётся мне вместе с даруемой интимной информацией.

Лори говорила медленно, раздумчиво, со значением.

Я тоже что-то говорил в лад.

Начало темнеть. Лори встала с земли и подняла велосипед – чтобы добраться до дома, ей предстояло крутить педали полчаса. Я с трепетом попросил её телефон, и она без колебаний продиктовала его.

Когда я приехал домой, уже стемнело, и я решил позвонить Лори, не откладывая. Я чувствовал в ней желание ко мне и, подавно, в себе – к ней.

Она сняла трубку, и я заговорил:

– Здравствуйте, Лори. Это ваш новый знакомый.

– Здравствуйте, – в её голосе звучала радость, но я так боялся ошибиться, лестно для себя истолковать обычную вежливость.

– Я бы мог вам позвонить через неделю или через три дня. Но потом я подумал: а зачем ждать, я позвоню сегодня.

– Я очень рада, что вы решили не ждать.

– Какие у вас планы на выходные?

– Никаких.

– Давайте встретимся в субботу часа в три, погуляем – я знаю интересные места, потом перекусим и в кино сходим.

– С удовольствием. Запишите мой адрес.

Сердце у меня взыграло, и я записал адрес дрожащей от предвкушения рукой.

Прощаясь, она сказала, что будет очень ждать нашей встречи. И будь я проклят, если я не почувствовал во всём её разговоре готовность броситься ко мне в объятия. Желание сквозило во всякой её интонации.

Когда я положил трубку, сердце билось от предвосхищения близкого совокупления. Но я пытался, хоть и безуспешно, подавить в себе эту преждевременную уверенность, поскольку я всегда считал, что нельзя праздновать победу, пока не ввёл член. Введение – вот безошибочное счастье.

Суббота наступала через день, и всю пятницу я провёл, отгоняя наглую уверенность, что я с ней пересплю. Но я так явственно слышал желание, исходящее от неё!

В ночь на субботу я плохо спал, и хотя Лори мне не снилась, но во сне меня преследовало отчётливое ощущение близящейся близости. Я видел перед глазами её весомую грудь и хотел высосать всю Лори через сосок: сначала молоко, потом кровь, а затем и остальные жидкости.

В субботу я не мог найти себе места, дожидаясь половины третьего, когда я должен был выехать из дома. От каждого телефонного звонка я холодел, представляя, что это звонит Лори, чтобы отменить нашу встречу. Но наконец наступила половина третьего, и я ринулся к машине. Я подъехал к её дому без десяти три и решил не дожидаться трёх.

Я позвонил, и Лори открыла мне дверь. В яркой губной помаде, которая освещала её рот, а он освещал её лицо. В белой маечке и чёрных блестящих шароварах, в чёрных туфлях без каблуков, напоминавших домашние туфли.

Лори улыбнулась мне своими белыми зубами, обрамлёнными прекрасными губами. Как мне хотелось впитаться в них!

На стенах в гостиной висели её рисунки, сделанные, без сомнения, с талантом. Были и чужие работы, и я радостно интерпретировал это так, что она может интересоваться не только собой. Лори показала мне проект, над которым она сейчас работала. Толковая баба, думал я, глядя на её полную грудь.

Я повёз её погулять в необычное место – на огромное кладбище, которое находилось в центре города, рядом с озером. На берегу озера толпились люди, но кладбище, отделённое оградой, всегда было пустым. Туда разрешалось въезжать на машинах. Начался дождь, и поэтому я предложил покататься по дорожкам меж мавзолеев, памятников и надгробий. Я ехал медленно, и мы обращали внимание друг друга на памятники, многие из которых были чуть ли не произведениями искусства. Мы подъехали к участку, заполненному фамильными склепами, и Лори захотела посмотреть в их стеклянные двери – что там внутри. Мы вышли из машины, и я раскрыл зонтик, держа над её головой. Я чувствовал дождь своей лысиной.

Мы шли по мокрой траве. Я заметил, как её туфли мгновенно промокли, и проникся жалостью к Лори. Мне захотелось положить её в постель и растереть ступни махровым полотенцем.

Мы подошли к запертой двери склепа. По обеим боковым стенкам было установлено нечто вроде ящичков, так что стенки напоминали комоды, в которых лежал кремированный прах.

Мы вернулись в машину. Я взял Лорину руку в свою, и она задышала в моей, гостеприимная и отзывчивая. Убедившись в благосклонности руки, я потянулся к Лори и поцеловал её в раскрывшиеся губы. Она обвила мою шею руками и прижалась ко мне. Перегородка между сиденьями разделяла нас, врезаясь в наши бока. Я ухаживал языком за её шейей, ушком, и Лори не отставала.

– Послушай, – оторвался я от неё, – поедem к тебе.

Лори чуть задумалась и сказала проникновенно:

– Всё так дивно происходит. Вообще, я не бросаюсь в постель так сразу. Но у меня острое чувство, что сейчас так и должно случиться. Хорошо, поедem.

Я развернулся и поехал, еле сдерживаясь, чтобы не погнать по кладбищу с максимальной скоростью.

– Будет здорово получить штраф за превышение скорости на кладбище, – ухмыльнулся я, держа её за колено. И рука Лори лежала на моей.

Сторож остановил нас у ворот – оказывается, это был въезд, а выезд – через другие ворота, недалеко от этих. Мне всё не верилось, что мы доедем до её дома. Мне казалось, что произойдет авария, землетрясение или другое стихийное бедствие, которое помешает нашему оговорённому совокуплению. На перекрёстках при нашем приближении загорался красный свет, и приходилось мучиться в ожидании зелёного. Я смеялся этому, она мне вторила, но нетерпение наше росло. Наконец мы подъехали к её дому. Я остановил машину у входа, с её разрешения, на месте, предназначавшемся только для жильцов дома. Я получил статус своего.

Только мы вошли в дверь, как бросились друг на друга. Лори стала стягивать с меня рубашку, а я с неё – маечку. Нет ничего чудесней, чем женщина, в нетерпении раздевающая тебя. Я помог ей и снял с себя брюки вместе с трусиками, и Лори сразу стянула с себя трусики – всё, что оставалось на ней к тому моменту.

Мы были хорошими любовниками друг для друга. Ничто не может так приручить, застолбить женщину, как регулярный совместный оргазм. От наслаждения женщина становится физически сильнее, а психологически слабее. Мужчина же становится слабее физически, но зато обретает власть над женщиной.

Три раза мы встречали Новый год, одновременно кончая с последним ударом двенадцати. Волшебство совместных оргазмов не становилось привычным, а потому оно длилось так долго. Но родство тел не подкреплялось родством душ.

Недавно я решил подсчитать, сколько оргазмов я с ней испытал: моя частота – минимум три оргазма по три раза в неделю. Мы с ней встречались уже почти три года, среднее количество моих оргазмов будет равно: 3 оргазма × 3 дня в неделю × 52 недели в году × 3 года = 1404 оргазма. Если считать, что за оргазм я извергал приблизительно 20 граммов семени, то я выплеснул 1404 × 20 = 28080 граммов семени. Но чтобы впечатлительней – в килограммах – 28,08 килограммов моего семени Лори приняла в свои три отверстия. Я представил себе нечто в виде небольшой цистерны, в которую поместилось бы это количество спермы. У неё была яркая полированная поверхность из нержавеющей стали, подобно большим автоцистернам, в которых возят молоко. И она сверкала на солнце.

Я ехал утром подобрать Лори, чтобы отправиться с ней в наше долгожданное путешествие. По пути я заехал на заправочную станцию. И тут мне испортила настроение каштаново-длинноволосая длинноногая девушка, переходящая улицу. Её платье из тонкой ткани облегало соблазнительнейшую фигуру, её напедикюренные пальцы глазели из сандалий. Её выпуклый зад плавно ходил из стороны в сторону, и разрез ягодиц просвечивал даже сквозь платье и незаметные трусики. Вот с кем бы я сейчас хотел поехать. Я проводил её прощальным взглядом, жалея, что у меня нет времени к ней пристать, а, с другой стороны, понимая, что десять минут опоздания к Лори не имели бы никакого значения – вполне мог бы и попытаться счастья. Но я успокоил себя ответственностью за свою пунктуальность и уехал за Лори.

Путь на курорт был долог, но приятен. Нежность от совместного движения к неизведанному снова проснулась в нас. Жизнь, настоящая на ожидании, наполняла нас надеждой. Солнечная сторона жизни.

Лори положила голову мне на плечо.

– Это от усталости или от нежности? – спросил я.

– А разве это не одно и то же? – улыбнулась она.

Первые два дня мы изо всех сил развлекались. Поехали в сад роз. Там садоводы затеяли процесс удобрения, и запах роз смешивался с запахом навоза, который лежал чуть поодаль, готовый быть пущенным в дело. Отойти чуть в сторону – и струится запах роз, в другую – запах навоза. А где-то посередине два запаха смешиваются в странное сочетание. Конечно же, это показалось мне символичным для наших отношений с Лори.

Кровать оказалась слишком мягкой, и мы занимались любовью на ковре, который на это время превращался в ковёр-самолёт.

Вечерами мы ели в хороших ресторанах. Я обратил внимание Лори на то, что официанты всегда кладут счёт лицом вниз или прячут в маленькую папочку, чтобы сумма наденного была не видна, будто в стоимости еды есть что-то непристойное. Скорее всего, предположил я, официант подсознательно не хочет демонстрировать, что его вежливость и услужливость были не бескорыстными. Лори спросила, на что я намекаю. Ей тоже всё казалось символичным, с намёком на наши отношения.

Она любила обеды при свечах, с горящим камином, потрескивающим где-то сбоку. Меня же этот стереотип романтики всегда раздражал. Оснастить бы рентгеновским глазом обедающих, чтобы каждый видел пищевода другого с прожёванной пищей, желудок с соками и кишки с накапливающимся дерьмом.

Мы возвращались из ресторана пешком.

– Что ты идёшь сама по себе? – спросил я.

– А что, я должна идти сама по тебе?

Вокруг слонялись молодожёны – это место было почему-то популярно для проведения медового месяца. Новобрачные с измождёнными лицами сидели на диванах в холле, держась за руки, или ходили по тропинкам неверным шагом, приклеенные друг к другу.

– Вот они, идеальные жруще-ебущиеся парочки, – иронически комментировал я. – Идеальные, потому что занимаются исключительно материальным делом, а как оно надоест, так и от идеализма ничего не останется.

Лори коробили мои ремарки, а я, наверно, и делал их, чтобы её покоробить. Лори сказала, что я всё равно не смогу уничтожить в ней жажду идеального.

Я попросил её описать идеального мужчину. Она с готовностью ответила: он приезжает на «мерседесе», с цветами, везёт её в фешенебельный ресторан, заказывает роскошный обед, дарит ей драгоценности.

– А каков же сам идеальный мужчина? – спрашиваю.

– А я воспринимаю мужчину через то, что он мне даёт.

– В таком случае называй его подарки трофеями.

– Мне не нравится твоё иронически-покровительственное отношение ко мне.

– Покровительственное отношение к женщине – это такое, когда мужчина стремится её покрыть, так что оно должно тебя лишь привлекать.

К вечеру последнего дня настроение её испортилось. Плохое настроение выражалось у Лори прежде всего в том, что она переставала разговаривать, умолкала. Кроме того, и выражение лица становилось опознаваемо холодным, с время от времени кривящимися губами, когда она хотела сдержать наворачивающиеся от жалости к себе слёзы.

Перед сном мы занялись любовью. Она сидела на мне, меж грудей скапливались капельки пота, но сами груди были прохладными. Я брал в рот одновременно два соска – дополнительное наслаждение, которое становилось возможным из-за её больших грудей.

Ночью я храпел. Я чувствовал это по её мягким, но всё-таки толчкам, от которых я просыпался и храпеть переставал, но за мгновение перед пробуждением, когда мой слух включался, я успевал услышать последний звук моего прервавшегося храпа. Я предпочёл бы, чтобы она будила меня не толчком, пусть и осторожным, а ласковым объятием, а ещё лучше поцелуем. Но в ней уже не было нежности ко мне.

Утром мы почти не разговаривали. Лори приняла душ и, сидя на кровати голая, но уже в наложенной косметике, сушила феном голову и лобок. Мне не хотелось старые меха пизды наполнять новым вином семени.

Высушившись, она спрятала в кружевные трусики своё имущество.

Я пошёл после неё в ванную принять душ. Несмотря на вентиляцию, там всё ещё стоял легкий запах её дерьма. Раньше он возбуждал меня, но теперь лишь раздражал. На сетке в стоке ванны лежал мокрый пучок её выпавших волос.

Я брился и, орудуя бритвой, думал, что самая эффективная косметика у мужчин – это вариации с волосами на лице: гладковыбритость, щетина, усы, борода. Женщины же используют искусственные краски. Манипуляция с неестественным, чтобы выглядеть привлекательнее, чем на самом деле, и тем вводить в заблуждение окружающих. Привлекательность женского лица основана на лжи косметики, будто бы есть определённого рода гримаса, совершенно не имеющая отношения к истинному выражению её лица, но которая согласно эротической магии привлекает мужчин.

Заниматься еблей у меня уже не было желания, да и у неё тоже. Вот до чего довела нас жажда пресыщения. Мы быстро позавтракали, собрались и сели в машину тоже без слов. Лори лишь сказала минут через двадцать:

– Долго же нам придётся ехать не разговаривая.

В этой фразе не только не было вожденной мною нежности, но даже отсутствовала попытка заговорить, а была лишь злобная констатация конфликта.

Я ехал молча без всякого труда, прежде всего потому, что вдруг почувствовал, что мне действительно не о чем с ней говорить. Общие места: посмотри, какой красивый водопад, или ещё что-то в этом роде, – я уже сказал на пути туда. Повторяться не хотелось, проезжая обратно мимо того же водопада. У меня не было ни злости, ни раздражения на неё; чем дальше мы ехали без слов, тем непреодолимее мне представлялась бездна между нами, через которую нам раньше удавалось перекидывать мостик с помощью ебли. Но теперь, обожравшись друг другом за три дня, мы ясно ощущали бездонность этой пропасти. И меня не тянуло в неё, как в другие бездны, мне хотелось поскорее отойти от неё в сторону.

Мы молчали, будто между нами произошла ссора, но мы ведь даже не повышали голоса друг на друга – просто была полная пустота, которая прежде всего и отражалась в молчании. «Вот оно, истинное одиночество вдвоём», – думал я.

Когда мы проезжали магазин, где Лори и я хотели купить копчёной рыбы на обратном пути, я спросил её как ни в чём не бывало, хочет ли она остановиться. «Как ты хочешь», – переложила она решение на меня, и я не остановился. Я включил радио. «Beach Boys» запели

песню, которую Лори ненавидела, но которую я очень любил. Я хотел было переключить на другую станцию, чтобы не делать ей неприятного, но потом подумал: а с какой стати? Мне эта песня нравится, почему я должен жертвовать своим удовольствием для женщины, которая мне так отчаянно безразлична? И я прослушал песню до конца. И Лори молча протерпела её.

Когда мы раньше возвращались из поездок, она всегда в машине отсасывала мне, по собственной инициативе, как бы в благодарность и в подтверждение прекрасно проведённого времени. Но на этот раз она сидела совершенно отчуждённо. В этом была особая символика нашей разъединённости.

Когда я подвёз Лори к дому, я вытащил её вещи из багажника.

– Я могу всё донести сама, – сказала она.

– Отчего же, я помогу тебе, – возразил я и поднялся к ней с её сумкой в руке. Положить сумку и уйти было бы демонстрацией, будто я на неё в обиде за что-то, тогда как я был просто кристально равнодушен. Поэтому я подошёл к ней и легко поцеловал в ярко выраженные губы, чему она весьма удивилась. Поцеловал я, забыв о чувственности, отметив съеденную помаду на её тем не менее красивых губах.

Как радостно было ехать одному в машине, домой, к компьютеру, к почте, что ждала меня таинственной незнакомкой.

К вечеру я пошёл на озеро, приурочив прогулку к концерту на открытом воздухе. Пока я проходил круг, я увидел Лори, проехавшую на велосипеде. Она всегда сидела на велосипеде прямо, будто хотела использовать высоту велосипеда для увеличения людской обзорности. Никогда не видел её склонившейся, как обыкновенно ездят велосипедисты. Быть может, она и не видела меня, но я не хотел окликать её. Она выглядела совершенно чужой, будто бы исторгла из себя не только память обо мне, но и моё семя, которым она пропиталась за всё наше время.

Проходящие женщины вызывали у меня раздражение своей чужестью. «Чу! Чужая!» – говорил я про себя, когда очередная проходила мимо. Впервые, глядя на женщин, я хотел в них не пизды, а близости, родства, нежности. Но я не умилялся своим возвышенным желаниям, я прекрасно понимал, что всё это оттого, что я переёбся за эти дни и что нет во мне никакого голода. А пройдёт день-другой, и я опять заскулю о пизде, отталкивая на второй план желание близости да родства.

Парочка, держащаяся за руки, шествовала впереди меня и безостановочно о чём-то говорила. Они остановились у кабинок туалетов, зашли в соседние кабинки, и, минуя их, я слышал, что они продолжают переговариваться сквозь тонкие стенки и обоюдное журчанье. Вот она, истинная близость, не разъединяемая даже стенками туалета.

Когда я обошёл вокруг озера, на летней сцене уже начался концерт. Исполнялась ария Ленского. На английском языке она звучала издевательски-пародийно. Женщин вокруг было полно, и можно было бы поохотиться. Но тут я опять увидел Лори, ведущую велосипед и сладострастно лижущую мороженое. Она прошла по дорожке совсем рядом со мной, но не глядя на меня. Она села неподалёку и лизала мороженое, далеко высывая язык. Я смотрел на неё с абсолютным равнодушием. Она вперилась в сцену и не сводила с неё глаз. И это подтверждало, что она видела меня, потому что она обязательно оглянулась бы вокруг, и не раз, но она боялась встретиться со мною взглядом. У меня возник порыв подойти и подсесть к ней, как это было три года назад. Но я ощущал внутри себя такую истощённость, что я знал, мне будет не о чём с ней говорить, а вымучивать романтические воспоминания, мол, помнишь, как это было три года назад, – это лишь ещё подчеркнуло бы сегодняшнюю бесчувственность. Я также не хотел заниматься охотой в её присутствии, чтобы она не увидела меня заговаривающим с другой женщиной. Это отдавало бы дешёвкой.

Поэтому я повернулся и пошёл на соседствующее кладбище, где началось наше любовничество. Я почему-то думал, что Лори увидит меня, идущего туда, и последует за мной. Но я был единственный живой на кладбище. Я шёл среди памятников и думал о чувствах, умирающих при нашей жизни, но остающихся в памяти. Мне стало горько от необратимости прошлого, и мне захотелось побежать обратно на озеро, к Лори, заговорить с ней теми же первыми словами и начать всё сначала. Но я продолжал идти, понимая невозможность мечты. Я ощутил с небывалой ясностью, что в мире нет ничего, кроме одиночества и отчаянных попыток его избежать. Бог взял, Бог даст – и в этом вся надежда.

Кладбищенская земля простиралась передо мной, как книга мёртвых, и памятники, надгробия виделись мне как закладки о тех, к которым ещё возвращаются перечтением живые читатели. Я подумал, что, если бы Лори умерла, я бы приходил к ней на могилу и дрочил бы на землю, чтобы семя просочилось вниз, к ней, и оплодотворяло её прах моей памятью.

Запах опавших и гниющих листьев был прекрасен. Единственная плоть, смерть которой вызывает в нас эстетическое восхищение.

Я шёл в том же направлении, куда мы ехали вместе с Лори в наше первое свидание. У склепа, где мы впервые поцеловались, толпились люди в чёрном, пополняя его содержимое. Я увидел, что двери склепа открыты и люди несут что-то полированное, ярко блестящее на солнце. Когда я приблизился, то разглядел, что люди вносят в склеп нечто металлическое. Слишком большая урна для праха одного человека, подумалось мне. И тут узнавание осенило меня – это была цистерна со спермой моей трёхлетней любви.

Двойственные отношения

И сказал я ей в лоб, что иногда на меня находит желание новой пизды. Эта формулировка её резанула.

А я ещё добавил:

– Знаешь, какая женщина для мужчины самая желанная?

– ?

– Новая!

А Кэйт предполагала, что я назову какое-либо душевное или телесное женское качество, и в трепете ждала, какое же оно, чтобы быстренько сверить, имеется ли оно у неё, и, подтвердив у себя его наличие, пребывать всегда для меня желанной. Но оказалось-то, что самой желанной она может быть только для новых любовников, а чуть она добьётся от мужчины постоянства, как тем самым потеряет свою желанность для него. Ну, как тут не упереться в необходимость множества партнёров хотя бы для того, чтобы чувствовать себя поистине желанной?

Я, конечно, пытался смягчить ненавистную женщине правду, что, мол, меня влечёт только пизда, вне зависимости, какой бабе она принадлежит, что меня не интересуют взаимоотношения с владелицей этой пизды, что моя душа полна только Кэйт и мне никто, кроме неё, не нужен, за исключением безличной пизды время от времени.

Кэйт сразу нащупала слабое звено в моей теории полипиздии, якобы способной лишь укрепить наши отношения:

– Ну, хорошо, – задумчиво сказала она, – а как часто будет появляться твоё желание новой?..

Тут мне сразу пришлось отводить Кэйт в сторону. Что, мол, ты для меня – главное и основное (что, в общем-то, правда) и ни о какой регулярности и о беспросветной систематичности речи нет.

Потом на Кэйт накатил прилив отчуждения, ей стало казаться, что она не вызывает во мне никакого желания, и лишь поэтому я хочу другую пизду. И опять мне пришлось убеждать словом и хуем, что она (Кэйт) для меня важна, как ни одна другая.

Я стал наводить Кэйт на когда-то высказанное ею желание понаблюдать меня, ебущего другую женщину. Кэйт в ответ безнадёжным голосом сказала, что она часто думает, почему бы ей не найти какого-нибудь другого мужчину, который был бы с обыкновенными запроемами и который просто бы женился на ней.

Тогда мне пришлось сыграть, будто мне больно это слышать, тогда как мне было лишь забавно. Больно якобы потому, что она, любя меня, думает о поиске другого мужчины, тогда как, по традиционной схеме любви, ни о каких таких думах не должно быть и речи, а все свои духовные силы ей следовало бы направить на то, чтобы остаться при любых обстоятельствах со мной, любимым.

Кэйт говорит, что она прекрасно осознаёт, как для неё практически невозможно найти кого-либо, подобного мне. То есть если мужчина, подобный мне, встречается один на тысячу (величину этой пропорции установила Кэйт, и я её не оспаривал), то, значит, ей нужно переспать с тысячей мужчин, прежде чем выйти на такого же, как я. А эта перспектива её почему-то не вдохновляла. Так что в своих действиях Кэйт руководствуется не безумной, слепой любовью, а холодным расчётом и теорией вероятности.

А я твержу ей своё: лучше не заниматься разрозненным поиском, расставаясь, а, будучи вместе, разнообразить нашу половую жизнь сторонними партнёрами.

И вот с течением времени и в результате стечения обстоятельств мы познакомились с Лин и Томом. Мы встретились в баре и ели друг друга глазами, опорожняая коктейли. Лин, инициаторша, хочет, чтобы на её глазах другая женщина совокуплялась с Томом. Лин испытывает оргазм только с Томом, потому что он упорно лижет её. Вызвать у неё оргазм не мог никакой другой мужчина. По этому-то она и вышла замуж за Тома. Он длинный, чуть прыщавый, лет тридцати. Она полновата и рыжеволоса, ей с четверть века.

Лин всё переживает, что кончает с трудом, но её исключительно возбуждает, когда она видит Тома, ебущего другую женщину. Таким способом ей становится значительно легче кончить. Это их официальная версия, а что происходит в действительности, известно только им, а быть может, никому не известно.

Я стал завидовать Тому – вот это партнёрша: заботится о себе так, что это превращается в заботу о своём любовнике – не об этом ли ещё мечтали в России, изобретя теорию разумного эгоизма? А воплощение прекрасных теорий, как всегда, происходит в Америке.

Я пытался, конечно, сыграть и на интересах Кэйт, используя логику: ты же любишь искусственный член в пизде в то время, когда мой хуй в анусе. Так не лучше ли, если вместо искусственного будет чей-то живой хуй? Но относиться к нему нужно как к искусственному, и в этом поистине глубокий смысл, поскольку я – это мужчина, которого ты любишь, а тот – лишь усилитель твоего наслаждения со мной. Это я в ответ на то, что Кэйт, мол, не сможет без эмоций относиться к ебущему её другому мужчине. Мол, у женщины всегда эмоции. Говорит, что никогда не ложилась с мужчиной, если не было желания выйти за него замуж. Значит, с каждым из сотни мужиков, что у тебя были, ты мечтала пожениться? Сто женихов, а не просто ёбарей? Где же твоя способность разбираться в людях, если любой из них годился в мужья? А ведь Кэйт убеждает меня в таком нравственном отношении к каждому любовнику, чтобы её ебля выглядела благонамеренной, а не сиюминутной похотью, в наличии коей женщина никак не желает никому признаться.

– А когда ты мастурбируешь, за кого ты хочешь выйти замуж: за свой палец или за вибратор? – спросил я Кэйт.

За неимением ответа она надумала обидеться.

Нет, раз уж женщина способна достигать оргазма в одиночку, чисто физиологически, то и с мужчиной она может обращаться как с орудием наслаждения. Но такой неотразимый для меня аргумент для Кэйт являлся мужским абсурдом.

Кэйт боялась ложиться сразу вчетвером, она хотела сначала ближе познакомиться с Лин. Конечно же Лин предлагала встретиться втроём без меня. А я предлагал встретиться втроём без Тома. Мы, мужчины, хотели быть при наших женщинах неотлучно и пользоваться ими самолично. Посему для соблюдения справедливости Кэйт и Лин решили встретиться вдвоём, прежде чем наши отношения станут двойственными.

Лин уже много перепробовала и убеждала Кэйт не волноваться. Кэйт впервые оказалась в постели с женщиной, и они целовались до боли внизу живота. Кэйт рассказывала мне о своём невесте откуда взявшемся наслаждении, когда она впервые почувствовала пальцем, как Лин становится мокрой, какова она на вкус, как ощущается не свой клитор. Они радостно провозились в «69» минут двадцать, но ни одна из них не кончила. Кэйт не могла кончить от языка вообще, а Лин могла только от языка Тома. Прежних мужчин, ложась с ними в постель, Лин сразу предупреждала, что она не кончает, чтобы мужчины не чувствовали себя виноватыми. Но их это только подзадоривало, и они старались вовсю, но ничего не получалось. Только Том сподобился. Я ведь давно говорил, что клитор – это точка опоры, опираясь на которую рычагом языка, можно перевернуть мир женщины.

Кроме поцелуев и пальцеванья, Кэйт и Лин ещё поговорили по душам. Кэйт с готовностью передала мне то, что говорила ей Лин. Та очень осторожно выбирает женщин для Тома, потому что боится, что он может увлечься, и внимательно следит за его реакциями до и после. «Мужа надо пасти», – заявила Лин и не забывала о своём бычке ни на минуту. Она всегда удостоверилась, что представляет собой женщина, с которой она спарит Тома, имеет ли та серьёзные и стабильные отношения с партнёром, замужем ли она, что было в глазах Лин гарантией безопасности для Тома. Через год они планируют завести ребёнка, и, значит, через три месяца им придётся прекратить всякие внешние общения, чтобы не было сомнения в отцовстве. Том очень заботливый и нежный муж и встречается с другими женщинами больше в угоду Лин, чем по своей вялой воле.

А что говорила Лин сама Кэйт, она мне не сказала, как я ни пытался выведать.

И вот знаменательный день – я и Кэйт едем на встречу с Томом и Лин к ним в дом. Кэйт трепещет ещё и потому, что сегодня день её рождения – уж так получилось по щучьему велению Провидения. Её волнует символика этого дня – рождение нового этапа половой жизни, который может ознаменовать конец наших с ней отношений, – об этом она говорит всю дорогу. А я говорю о рождении новых для нас чувств и о горизонтах, которые нам открываются, но которые никогда не достижимы. О последнем я умалчиваю как об очевидном, но о чём лучше не упоминать. Потом я советую ей, как жить, как наслаждаться, как разрешать жизненные проблемы. Я имею глупость навязываться со своими советами. Потом я спохватываюсь и спрашиваю: «Ты, наверно, думаешь, а какого чёрта я лезу?» Кэйт кивает головой, хоть я надеялся, что она начнёт протестовать. «Неужели, – говорит она, – я не знаю этих советов? Они очевидны и сами собой разумеющиеся. Мужчины мыслят поверхностно: проблема – решение проблемы. А у женщин, помимо этого, существует некий дух проблемы, который совсем не зависит от этих решений».

«Неужели?» – ухмыляюсь я, подруливая к дому поджидающей нас вполне разрешаемой проблемы.

В гостиной был полумрак, и во всех углах были наставлены свечи – таковой Тому и Лин представлялась романтическая обстановка. Посередине комнаты лежал широкий матрас, который удовлетворял моим представлениям о романтике. На столике стояли бутылки

и бокалы. Что-то издавало музыку. Все уселись на диван у стены с бокалами в руках. Вымучивался разговор. Вдруг моя Кэйт говорит:

– Давайте не будем тянуть! – и снимает с себя кофточку, расстёгивает лифчик, спускает юбку, под которой оказывается голый любимый лобок. Все с облегчением и воодушевлением следуют её примеру. Полумрак меня раздражает, потому что я не могу разглядеть бёдра Лин до мельчайших подробностей, но я в чужом монастыре и не лезу со своим уставом. Мы ложимся рядом и начинаем знакомиться, посматривая друг на друга со стороны. Новый угол зрения открывает новые и, к счастью, достижимые горизонты: я, сидящий на Лин, жарко целуюсь с Кэйт, сидящей на Томе. А лежащие впритирку Том и Лин тоже срослись губами. Несмотря на величайшее наслаждение новизной, которое не оттеснило, а лишь присовокупило уже известное, я успеваю замечать снующие мысли, например: «Женщина, сидя на мужчине, высиживает яйца, пока из них не вылупится сперма и не клонет её в матку» или: «Почему все песни поются о моногамной любви, а нет песен о любви групповой?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.